

ISSN 2658-7475

ПАЛИМПСЕСТ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Социология литературы

Поверка алгебры гармонией

Литературное пограничье

Прямая речь

Архив

Рецензии

№ 1(21) / 2024

Министерство науки и высшего образования РФ

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ПАЛИМПСЕСТ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1(21)/2024

Нижний Новгород
2024

ББК 83
УДК 82
П 14

П 14 ПАЛИМПСЕСТ. Литературоведческий журнал. № 1(21)/2024. –
Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2024. – 172 с.

Выходит 4 раза в год

Главный редактор
А.В. Коровашко

Редакционная коллегия:
Юхнова И.С. (зам. главного редактора), Жуковская Л.И., Сухих О.С.
(отв. секретарь), Зырянов О.В., Полонский В.В., Тиханов Г.В.,
Коровин В.Л., Пяткин С.Н., Гардзонио С., Инаныр Э., Мотеюнайте И.В.,
Довгий (Кулагина) О.Л., Ильченко Н.М., Паньков Е.А., Процин Е.Е.

Выпускающий редактор Курочкина А.А.
Редактор-переводчик Новинский Э.Э.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-75517 от 12 апреля 2019 г.

ББК 83

Электронная версия журнала:
www.palimpsest.unn.ru

© Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2024

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

PALIMPSEST

LITERARY JOURNAL

№ 1(21)/2024

Nizhny Novgorod
2024

PALIMPSEST. Literary journal. No. 1(21)/2024. – Nizhny Novgorod:
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 2024. – 172 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief
A.V. Korovashko

Editorial board:
Yuhnova I.S. (*Deputy Editor-in-Chief*), Zhukovskaya L.I., Suhikh O.S.
(*Executive Secretary*), Zyryanov O.V., Polonskiy V.V., Tihanov G.V.,
Korovin V.L., Pyatkin S.N., Gardzonio S., Inanyr E., Moteyunaite I.V.,
Dovgy (Kulagina) O.L., Ilchenko N.M., Pankov E.A., Proshchin E.E.

Managing editor Kurochkina A.A.
Translation editor Novinskii E.E.

Electronic version of the journal can be found at:
www.palimpsest.unn.ru

© Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Курочкина А.А.	ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА КНИГОИЗДАНИЯ В РОССИИ 1990–2000 ГГ. И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС	7
-----------------------	---	----------

ПОВЕРКА АЛГЕБРЫ ГАРМОНИЙ

Прощин Е.Е.	ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ПИСАТЕЛИ – ЛИДЕРЫ ТЕАТРАЛЬНОГО РЕПЕРТУАРА В СЕЗОНЕ 2023–2024 ГОДОВ.....	39
--------------------	---	-----------

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПОГРАНИЧЬЕ

Гарипова Г.Т.	ОБРАЗ МЫСЛЯЩЕГО МИРА «ЗА ПРЕДЕЛАМИ МОЗГА» В РОМАНЕ КИОРА ЯНЕВА «ЮЖНАЯ МАНГАЗЕЯ»	50
Авченко В.О.	ВАСИЛИЙ И ФАЗИЛЬ: ГЕНИЙ И МЕСТО	71

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Болнова Е.В.	ВИКТОР СОСНОРА: ДЛЯ ВРЕМЕНИ И ВЕЧНОСТИ (интервью с Татьяной Владимировной Соснорой).....	76
---------------------	---	-----------

АРХИВ

Изумрудов Ю.А.	«К ГОЛОСУ ВАШЕМУ ПРИСЛУШИВАЕТСЯ ЧИТАЮЩАЯ РОССИЯ: ЯВИТЕ ЖЕ ЕЙ МЕНЯ!» (ПЕРЕПИСКА БОРИСА САДОВСКОГО С АЛЕКСАНДРОМ ИЗМАЙЛОВЫМ И ЕЕ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ).....	92
Гоголин М.Ю.	АЛЬБОМ МОСКОВСКОЙ КНИЖНОЙ ЛАВКИ ПИСАТЕЛЕЙ НА ФОНЕ ЭПОХИ 1930-х ГОДОВ	141

РЕЦЕНЗИИ

Яшина К.И.	ГРЕХНЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ (ВЫПУСК 9).....	168
-------------------	---	------------

CONTENTS

SOCIOLOGY OF LITERATURE

Kurochkina A.A. TRANSFORMATION OF THE SOCIAL INSTITUTION OF BOOK PUBLISHING IN RUSSIA IN 1990–2000 AND ITS INFLUENCE ON THE LITERARY PROCESS	7
---	---

VERIFICATION OF ALGEBRA BY HARMONY

Proshchin E.E. DOMESTIC AND FOREIGN WRITERS ARE THE LEADERS OF THE THEATRICAL REPERTOIRE IN THE 2023–2024 SEASON.....	39
--	----

THE LITERARY FRONTIER

Garipova G.T. THE IMAGE OF THE THINKING WORLD “BEYOND THE BRAIN” BY KIOR YANEV NOVEL <i>SOUTHERN MAN-GAZEYA</i>	50
Avchenko V.O. VASILY AND FASIL: GENIUS AND PLACE.....	71

DIRECT SPEECH

Bolnova E.V. VICTOR SOSNORA: FOR TIME AND ETERNITY (interview with Tatiana Vladimirovna Sosnora)	76
---	----

ARCHIVE

Izumrudov Yu.A. "READING RUSSIA LISTENS TO YOUR VOICE: SHOW ME TO HER!" (BORIS SADOVSKOY'S CORRESPONDENCE WITH ALEXANDER IZMAILOV AND ITS HISTORICAL AND LITERARY CONTEXT).	92
Gogolin M.Yu. THE ALBUM OF THE MOSCOW BOOKSHOP OF WRITERS AGAINST THE BACKGROUND OF THE ERA OF THE 1930S.	141

REVIEWS

Yashina K.I. GREKHNEV READINGS (ISSUE 9)	168
---	-----

УДК 82, 316.74

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА
КНИГОИЗДАНИЯ В РОССИИ 1990–2000 ГГ.
И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС**

© Курочкина Анна Анатольевна (2024), SPIN-код: 2731-0010, ORCID: 0000-0002-1248-9320, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), chikalinka@mail.ru

Статья представляет собой первую часть большого исследования, направленного на изучение трансформации участия государства в российской системе книгоиздания и книгопотребления. Теоретической базой работы является структурно-функциональная парадигма Т. Парсонса и методологический подход к анализу социального института литературы, представленный в ранних работах Л.Д. Гудкова и Б.В. Дубина. В настоящей статье мы поясняем методологию исследования и прослеживаем трансформацию российского книгоиздания, произошедшую после отказа государства от руководства отраслью в 1990-м г. Основным источником данных для анализа стали отраслевые доклады Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям (Роспечати), ежегодно публикуемые с 2009 г. и представляющие собой специфичный инструмент коммуникации государства и отраслевого сообщества через посредство профильного ведомства. В рамках исследования нас интересовали не только данные, представленные в докладах, но и форма репрезентации различных коллективных акторов социального института литературы.

Ключевые слова: социальный институт литературы, литературный процесс, Роспечать, российское книгоиздание.

Данная статья открывает собой цикл публикаций о трансформации системы российского книгоиздания, произошедшей в последние десятилетия под влиянием экономических, социальных и технологических факторов. В своем исследовании мы использовали социологическую теорию структурного функционализма, которая позволяет рассматривать устойчивую

систему социальных взаимодействий вокруг производства и потребления литературы как социальный институт. Анализ трансформации этой системы позволяет понять, какие факторы определяли социокультурный контекст литературного процесса первой четверти XXI в.

Университетское литературоведение традиционно исследует современный литературный поток как совокупность текстов и сфокусировано, прежде всего, на выявлении значимых изменений в их поэтике, тематике и содержании. Влияние экстралитературных факторов на творческий процесс конкретных авторов или на судьбу литературных направлений исследуется в основном ретроспективно и является прерогативой истории литературы. Сама исследовательская оптика литературоведения предполагает необходимость некоторой временной дистанции.

В то же время социологический структурно-функциональный подход к книгоизданию как к социальному институту позволяет фиксировать и анализировать изменения в системе социальных взаимодействий вокруг литературы не только ретроспективно, но и «в режиме реального времени». Результаты подобных исследований, с одной стороны, позволяют глубже понимать происходящее «сейчас», а с другой – формируют надежную фактологическую базу для литературоведов, которые будут исследовать указанный период «потом».

Структурно-функциональный подход к исследованию социальных взаимодействий вокруг литературы обоснован в отечественной социологии Л.Д. Гудковым и Б.В. Дубиным в книге «Литература как социальный институт: статьи по социологии литературы». Книга была написана в конце 1970-х – первой половине 1980-х гг. и содержала статьи, посвященные базовым понятиям социологии литературы и перспективам применения структурно-функциональной парадигмы Толкотта Парсонса к исследованию и решению назревших в советском книгоиздании серьезных проблем. Написанные статьи ждали своего часа больше десяти лет и были опубликованы лишь в 1994 г.

В своей книге Л.Д. Гудков и Б.В. Дубин последовательно и системно описывали новую для отечественной науки область – социологию литературы – и знакомили читателя с исследованиями и концепциями западных коллег. При этом повествование было структурировано по принципу параллелизма: изложение

зарубежных исследований каждый раз продолжалось описанием того, как изучаемые процессы протекали в Российской империи/СССР. Авторы аргументированно доказали, что литература представляет собой «устойчивую, то есть воспроизводящуюся во времени вне зависимости от личного состава участников взаимодействия или их поколенческой смены, совокупность ценностей, норм, социальных ролей, а значит – коллективных организаций» [Гудков, Дубин 2020, 29]. При этом институциональную функцию литературы исследователи видели в производстве текстов для чтения. *Взаимодействие* института со *средой*, согласно их концепции, осуществлялось через «аффективное признание значимости доставленных читателю переживаний, мыслей, возможностей воображения» [Гудков, Дубин 2020, 29], а также через экономическое вознаграждение писателя и наделение его статусом, влиянием, социальным авторитетом. Авторы отмечали, что для литературы характерен стабильный порядок взаимодействия разных действующих субъектов, в том числе организаций и групп. Этот порядок закреплён правом и поддерживается соответствующими институтами, и благодаря этому социальный институт литературы *сохраняет свою структуру*. А действующие механизмы социализации и образования новых поколений, включающие обязательное обучение чтению, знакомство с историей литературы и поощрение различных читательских практик, *обеспечивают целостность* социального института литературы.

В целом книга давала целостное и системное описание литературы как социального института, включающее историю его формирования, объяснение структурных особенностей и обоснование кризисного состояния, в котором советская литература (как социальный институт) находилась на момент начала Перестройки. В 2020 г. книга была переиздана издательством «Новое литературное обозрение» в серии «Научная библиотека». Своеобразным предисловием к новому изданию стала статья Л. Гудкова «К истории одного незавершенного проекта». Обобщая характеристику советского социального института литературы, представленную в книге 1994 г., Л. Гудков визуализировал его в формате схемы AGIL. Эта схема послужила основой для предложенной нами визуализации динамики социального института книгоиздания в 1990–2010-х гг. А описание, предложенное Л.Д. Гудковым и Б.В. Дубиным, стало отправной точкой нашего

исследования, в котором мы стремились проследить, как сказался на системе российского книгопроизводства и книгопотребления отказ государства от руководства внутриотраслевыми процессами, провозглашенный в процессе Перестройки и сохранявшийся до начала 2010-х гг., а также как происходила трансформация участия государства в социальном институте книгоиздания во второй половине 2010-х.

Источником данных для нашего исследования послужили отраслевые доклады Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям (далее – Роспечать)¹ «Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития»² (далее – «Книжный рынок России»). Выбранные для анализа документы были опубликованы в 2009–2023 гг. Это период существенной трансформации государственной политики в области литературы и массовой печати. Роспечать, ежегодно публиковавшая отраслевые доклады, будучи органом исполнительной власти, выполняла целый ряд функций по мониторингу и поддержке отрасли в сложный, кризисный период. В докладах оказались отражены и ключевые проблемы российского книгоиздания за последние пятнадцать лет, и планомерная работа по обеспечению государственной помощи в их решении.

¹ Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям было упразднено в конце 2020 г. Государственные функции и полномочия Роспечати переданы Минцифры России. С 2021 г. подготовку и публикацию отраслевых докладов о состоянии российского книгоиздания осуществляет Департамент государственной поддержки периодической печати и книжной индустрии Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ.

² Первый доклад, опубликованный в 2009 г., носил название «Книгоиздание России. Состояние, тенденции и перспективы развития», но начиная с 2010 г. доклады публиковались под названием «Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития». Нынешнее название докладов созвучно большому проекту журнала «Книжная индустрия» по анализу книжного выпуска и реализации книг во всех основных каналах продаж «Книжный рынок России 2010–2030». Данные этого проекта используются при подготовке профильных отраслевых докладов Роспечати (с 2021 г. Минцифры).

Первый доклад Роспечати «Книгоиздание России. Состояние, тенденции и перспективы развития», опубликованный в 2009 г., был посвящен состоянию отрасли после двадцати лет развития в условиях свободного рынка. Используя данные доклада, в настоящей статье мы проследим, как за двадцать лет изменилась структура социальных взаимодействий вокруг книгопроизводства и книгопотребления и какие ключевые противоречия и конфликты интересов определили запрос отраслевого сообщества на государственное участие во внутриотраслевых процессах, вновь и вновь звучавший на страницах исследованных докладов.

Ниже мы приводим схему социальных коммуникаций вокруг литературы, разработанную на основе схемы, предложенной в книге Л.Д. Гудкова и Б.В. Дубина в качестве визуализации структуры социальных взаимодействий конца 1980-х гг. (см. рис. 1). Исследователи заостряли свое внимание на том, что коммуникации структурируются социальными ожиданиями читателей, писателей, издателей, критиков, цензоров, литературоведов, учителей и других акторов, что приводит к появлению различных типов текстов эстетического, условного, экспрессивно-символического характера. Соответственно любое изменение конфигурации социальных взаимодействий, отраженных в построенной модели, приводит к изменению и читательской адресации, и структуризации авторов, и поэтики текстов, и их интерпретации. Иначе говоря, *изменение конфигурации социальных взаимодействий меняет структуру самого института литературы*. По итогам нашего анализа в данной статье мы визуализируем изменения, произошедшие в системе социальных взаимодействий вокруг книгоиздания и литературы в целом к концу 2000-х гг.

В своей книге Л.Д. Гудков и Б.В. Дубин показали, что каждый функциональный узел института литературы состоит из структурно-функциональных подсистем, а также описали, как эти подсистемы развивались под влиянием внешних обстоятельств и внутренней логики со времени Романтизма до 1980-х гг. Исследователи кратко охарактеризовали национальную и историческую специфику институализации литературы во Франции, Германии, США, а затем подробно остановились на описании факторов, определивших структуру отечественного института литературы. Ключевым фактором, повлиявшим на облик социального института литературы в Российской империи, а затем в СССР, авторы считали

доминирующую роль государственной власти в развитии книгоиздания. Так, на рис. 1 видно, что накануне Перестройки все коллективные акторы социального института литературы представляли те или иные государственные институции.

Этот же фактор, по мнению Л.Д. Гудкова и Б.В. Дубина, стал причиной кризисного состояния, в котором находился институт литературы во время написания книги. Исследователи визуализировали структуру коммуникации внутри социального института и показали, что кризис во многом связан с односторонним характером вертикальной социальной коммуникации и отсутствием функциональных механизмов «обратной связи», которые могли бы информировать о потребностях и ожиданиях различных групп читательской аудитории.

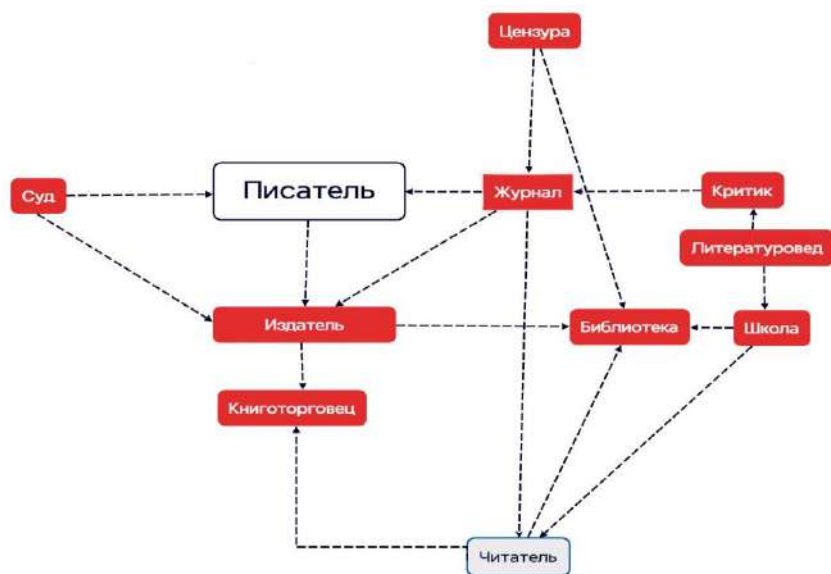

Рис. 1. Структура социального института литературы в СССР в 1980-х гг.

Предложенная в книге методология представлялась авторам особенно значимой именно потому, что она позволяла понять причины кризиса и найти пути выхода. На ее фундаменте вполне могла вырасти новая научная школа, однако Перестройка внесла

свои коррективы. Л.Д. Гудков и Б.В. Дубин в 1988 г. стали работать во ВЦИОМе и проводить исследования, далекие от проблемного поля социологии литературы. А находившаяся в кризисе система государственного управления книгоизданием прекратила свое существование с принятием Советом Министров СССР 12 июня 1990 г. закона «О печати и других средствах массовой информации».

В первой статье закона было сформулировано одно из основных положений: «Печать и другие средства массовой информации свободны. Свобода слова и свобода печати, гарантированные гражданам Конституцией СССР, означают право высказываний и убеждений, поиска, выбора, получения и распространения информации и идей в любой форме, включая печать и другие средства массовой информации. Цензура массовой информации не допускается» [Закон о СМИ 1990]. Помимо отмены цензуры³, закон разрешал организацию средств массовой информации не только государственным органам (как было в течение 70 лет), но и политическим партиям, общественным организациям, кооперативам и любому гражданину, достигшему 18 лет. Роль государственной власти теперь сводилась лишь к регистрации средств массовой информации. Закон вступил в силу 1 августа 1990 г., а в декабре 1991 г., после распада СССР, в Российской Федерации был принят закон «О средствах массовой информации». В основном в нем содержались те же положения, что и в законе СССР от 12 июня 1990 г., но формулировки были более развернутыми и подробными. Существенное же отличие от предыдущего закона состояло в том, что в нем даже не упоминалась деятельность печатных и книготорговых предприятий, не было в законе и термина «печать». В сущности, закон касался лишь периодики и электронных СМИ.

³ Закон РФ от 27 декабря 1991 года (ред. от 3.07.2016) «О средствах массовой информации» (Статья 3. Недопустимость цензуры) определяет цензуру как «требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей». Конституцией Российской Федерации цензура была запрещена статьей 29 (часть 5).

Но еще до принятия этого закона Совет Министров РСФСР 17 апреля 1991 г. на основании закона СССР «О печати и других средствах массовой информации» принял «Временное положение об издательской деятельности в РСФСР». В «Положении» присутствовали все нормы данного закона: отмена цензуры, разрешение на издательскую деятельность гражданам, организациям, политическим партиям и т.п., причем они распространены на все отрасли книжного дела. Но, кроме того, «Положение» установило обязательное лицензирование издательской деятельности. Теперь она могла осуществляться только на основе лицензии, выданной органами государственной власти на определенный срок. В 2005 г. лицензирование было отменено, но издательская деятельность по-прежнему регулировалась «Временным положением...» 1991 г. и принятым в 1993 г. законом РФ «Об авторском праве и смежных правах», утратившим силу 1 января 2008 г. со вступлением в силу части IV Гражданского кодекса РФ, посвященной общим и специальным вопросам регулирования интеллектуальной собственности.

На протяжении 70 лет советской власти участие государства в функционировании социального института литературы определяло структуру функциональных узлов и социального взаимодействия между ними. На основании принятых в 1991–1993 гг. законов издательская и книготорговая системы кардинальным образом изменились, а государство законодательно декларировало отказ от влияния на культурные процессы инструментами цензуры. Но трансформация социального института литературы началась еще раньше. 25 февраля 1986 г. в докладе XXVII съезду КПСС М. С. Горбачёв декларировал политику «гласности».

Л.Д. Гудков и Б.В. Дубин подробно описали, какие последствия это решение имело для литературного процесса. После декларации «гласности» в литературных журналах начали публиковать запрещенные прежде произведения. Читательский спрос на толстые журналы резко возрос, и тем не менее журнальный бум 1987–1991 гг. убил основу организации советской литературной системы: литературную критику как механизм отбора важного, значимого, интересного с точки зрения общественной жизни или ценности литературных новаций. Массовая публикация давно признанных и авторитетных авторов оставила на периферии литературного процесса молодых писателей, поэтов и критиков, что нарушило

естественный процесс преемственности литературных поколений и разрушило существовавший в СССР механизм разметки литературного потока. Когда произведения запретных авторов были исчерпаны, литература утратила прежнюю значимость в глазах общества, а тиражи упали до уровня конца XIX в. В связи с резкой сменой социально-экономического уклада существенно сократился интерес к чтению у представителей условной группы «третьего прочтения», то есть у читателей, не связанных с культурными институтами профессионально. В таких сложных условиях российская система книгоиздания начала адаптацию к новым, рыночным условиям.

В октябре 1992 г. Верховный Совет Российской Федерации утвердил «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [ОЗК]. Сама структура документа указывала на кардинальную смену характера социального взаимодействия гражданина и государства в сфере культуры в целом и в рамках социального института литературы – в частности. Документ фиксировал многочисленные *права* граждан (право на творчество, право на приобщение к культурным ценностям, право на культурную самобытность, право на эстетическое воспитание и художественное образование и т.д.) и не менее многочисленные *обязанности* государства в сфере культуры, в том числе обязанность сохранять культурное наследие и обеспечивать развитие культуры; обязанность обеспечивать доступность для граждан культурной деятельности, культурных ценностей и благ; обязанность гарантировать приоритетные условия для национальных культур Российской Федерации; обязанность по ведению статистического учета, информационному и научно-методическому обеспечению культурной деятельности, развитию меценатства, благотворительности, спонсорства по отношению к культуре и т.д. Целый ряд статей «Основ...» ликвидировал монополию государства на управление культурной жизнью. Культура получила возможность саморазвития, свободы в реализации творческих инициатив. Для литературы как для социального института это означало кардинальную смену функций отдельных звеньев и, как следствие, изменение структуры внутренних и внешних социальных взаимодействий. Государство признало за собой обязанность сохранять литературное наследие и обеспечивать доступ граждан к библиотечным фондам,

литературным музеям и гуманитарному образованию. Государство также сохранило за собой полномочия по лицензированию и надзору за деятельностью СМИ и печатью. Кроме того, 23 ноября 1994 г. Государственной Думой был принят Федеральный закон об обязательном экземпляре документов. Целью закона стало создание ресурсной базы для комплектования полного национального библиотечно-информационного фонда документов Российской Федерации и развития системы государственной библиографии. Закон также предусматривал обеспечение сохранности обязательного экземпляра документов и его общественное использование.

Таким образом, государство декларировало зоной своей ответственности сохранение литературного наследия, лицензирование издательской деятельности и статистический учет книгоиздания, а современная литература как сообщество авторов, критиков, издателей и книготорговцев получила возможность саморазвития в изменившейся экономической ситуации и в новых правовых реалиях.

Описанное распределение функций внутри социального института литературы сохранялось до 2007 г., когда государство сделало первый шаг к расширению своего влияния на внутриинституциональные процессы. Этим шагом стало создание «Национальной программы поддержки и развития чтения». Документ под грифами Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и Российского книжного союза по-новому проблематизировал массовое снижение интереса к чтению и сокращение репертуара читательских практик. «Возрастающий дефицит знаний и конструктивных идей в российском обществе» он напрямую связывал с «системным кризисом читательской культуры» и утверждал, что «страна подошла к критическому пределу пренебрежения чтением» [НППРЧ]. Документ декларировал исключительную социальную значимость чтения, поскольку «чтение представляет собой важнейший способ освоения жизненно значимой информации, без него немыслима интеграция личности в многонациональную и многослойную российскую культуру, понимаемую как весь комплекс духовных, материальных, интеллектуальных и эмоциональных черт; образа жизни; основных прав человека; систем мировоззрения, т. е. ценностей, норм, традиций, образования, характеризующих общество» [НППРЧ].

Программа называла задачей государственной важности формирование интереса к чтению у подрастающего поколения и возвращение в ранг активных читателей «многочисленных групп сравнительно образованных работающих россиян, которые определяют настоящее России, закладывают основы ее будущего и которые по разным причинам почти перестали читать за последние 20 лет» [НППРЧ].

«Программа...», утвержденная руководителем Федерального агентства по делам печати и массовых коммуникаций М.В. Сеславинским, обозначила собой начало расширения функционального участия государства в динамике социального института литературы. Для достижения поставленной цели (массовой интенсификации процессов чтения и роста престижности чтения как культурной ценности) было запланировано решение трех ключевых задач:

- упорядочение социокультурного пространства чтения и укрепление основных институтов, составляющих инфраструктуру поддержки и развития чтения, – библиотек, образовательных и культурно-просветительских учреждений, книжной индустрии, индустрии производства и распространения иных видов контента различными средствами (газеты, журналы, документы и т. п.), системы популяризации чтения, системы подготовки кадров для инфраструктуры чтения, системы научно-методического изучения проблем чтения;

- создание системы эффективного информационного обмена между институтами инфраструктуры чтения, а также между институтами и системой управления, обеспечивающего упорядочение соответствующего социокультурного пространства;

- создание системы управления инфраструктурой поддержки и развития чтения, т. е. эффективных механизмов координации и кооперации ведомств и институтов, формирующих и реализующих политику в области чтения [НППРЧ].

Решение поставленных задач неизбежно должно было привести к изменению структуры социальных взаимодействий между функциональными звеньями социального института литературы. Особое место среди поставленных задач занимало решение проблемы информационного обмена между институтами инфраструктуры чтения. Как мы помним, именно недостаточность вертикального и горизонтального информационного обмена Л.Д.

Гудков и Б.В. Дубин называли одной из причин кризисного состояния государственного книгоиздания в канун Перестройки. Теперь «Национальная программа поддержки и развития чтения» декларировала, что обеспечение информационного обмена – сфера ответственности государства.

Решением задачи стало появление нового специализированного журнала. 12 марта 2008 г. на XI Национальной выставке-ярмарке «Книги России» был представлен первый номер нового отраслевого журнала «Книжная индустрия». Журнал создавался на основе «Книготорговой газеты» (2002 – январь 2008 гг.), но концепция издания была существенно переработана. Теперь журнал должен был освещать главные проблемы книжной отрасли, развитие книги и чтения, инновационные сервисы и технологии, деятельность издателей, книгораспространителей и библиотечного сообщества. С самого начала журнал тесно сотрудничал с Федеральным агентством по делам печати и массовых коммуникаций, а с 2010 г. начал большой проект «Книжный рынок России 2010–2030» по анализу книжного выпуска и реализации книг во всех основных каналах продаж. С 2011 г. его данные ежегодно входят в Отраслевой доклад «Книжный рынок России», публикуемый Федеральным агентством по делам печати и массовой коммуникации, а с 2021 г. – Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ.

Именно отраслевые доклады «Книжный рынок России», публикуемые с 2009 г. по настоящее время, стали специфической формой коммуникации между отраслевым сообществом и государством. Как убедительно показал И.М. Дзялошинский в своей монографии «Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов» [Дзялошинский 2013], цифровая трансформация общества неизбежно сопровождается медиатизацией социальных институтов. Серия отраслевых докладов «Книжный рынок России» представляет собой любопытный пример того, как в новой информационной среде документ для служебного пользования превращается в медиаконтент со сложной системой адресации. В этом процессе определяющими оказываются три фактора: особая функция Роспечати в литературном процессе, жанр документа и факт его публикации в открытом доступе в сети Интернет.

Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям (Роспечать) было образовано 9 марта 2004 г. Указом Президента Российской Федерации № 314. Упразднено в 2020 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 20 ноября 2020 г. № 719 «О совершенствовании государственного управления в сфере цифрового развития, связи и массовых коммуникаций» и распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 декабря 2020 г. № 3266-р. После упразднения государственные функции и полномочия Роспечати переданы Министерству цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ.

На протяжении 16 лет своего существования Агентство являлось федеральным органом исполнительной власти, осуществляло функции по оказанию государственных услуг, управлению государственным имуществом в сфере печати, средств массовой информации и массовых коммуникаций, в том числе компьютерных сетей общего пользования в области электронных средств массовой информации, издательской и полиграфической деятельности.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2008 года № 724 Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям находилось в ведении Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (с 15 мая 2018 года Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации).

Поскольку в рамках нашего исследования мы рассматриваем Агентство как актора, включенного в структуру социального института литературы, для нас представляют интерес следующие полномочия Роспечати⁴:

– оказание на конкурсной основе государственной поддержки производства и/или распространения и тиражирования социально значимой продукции СМИ, создания и поддержания в сети Интернет сайтов, имеющих социальное или образовательное значение;

⁴ Полномочия Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям определены Положением, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации, от 17 июня 2004 года № 292 (в ред. Постановлений Правительства РФ от 05.02.2007 № 78, от 06.06.2007 № 354, от 02.06.2008 № 415)

- участие в разработке и проведении мероприятий, направленных на реализацию государственной политики в области печатных средств массовой информации, информационного обмена, распространения периодических печатных изданий, развития и поддержки печатных СМИ;

- книгоиздание и пропаганда чтения и книги, реализация основных мероприятий Национальной программы поддержки и развития чтения;

- проведение измерений аудитории электронных средств массовой информации; анализ тиражей печатных средств массовой информации; осуществление комплектования фонда обязательных бесплатных экземпляров печатных изданий;

- организация конгрессов, конференций, семинаров, выставок и других мероприятий в сфере печати, издательской и полиграфической деятельности, в области электронных средств массовой информации;

- мониторинг состояния рынка печатных и электронных СМИ, включая его тиражные, финансовые, рекламные и другие показатели, подготовка и публикация ежегодных аналитических докладов Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям «Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития», «Российская полиграфия. Состояние, тенденции и перспективы развития», «Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития», «Российское телерадиовещание и Интернет. Состояние, тенденции и перспективы развития».

Любопытным и значимым представляется тот факт, что реализация и координация Национальной программы поддержки и развития чтения были возложены не на Министерство культуры, которому подведомственны учреждения соответствующего профиля (библиотеки, ДК и т.д.), а на Агентство, мониторящее актуальную издательскую деятельность, а значит, обладающее ресурсами для обеспечения столь нужного информационного обмена между акторами, заинтересованными в популяризации чтения. Здесь важно и то, что в отличие от других аналитических докладов Роспечати, появление ежегодных отраслевых докладов «Книжный рынок России...» было обусловлено именно реализацией Национальной программы поддержки и развития чтения. Это оказало влияние и на коммуникативную структуру документа, усложняя его адресацию, и

20

на сквозной дискурс серии докладов как хроники решения поставленной государством задачи.

Отраслевые доклады Роспечати «Книжный рынок России...» публикуются на протяжении 15 лет, но в данной статье мы обратимся к анализу первого доклада. Чтобы в следующих публикациях отследить перемены, произошедшие в отрасли за этот период, сначала выявим в первом отраслевом докладе, как функционировал и был структурирован социальный институт литературы в конце 2000-х гг.

Портрет социального института литературы, который мы формируем, анализируя отраслевые доклады Роспечати, во многом обусловлен жанром исследуемых документов. Отраслевой доклад – это составленный экспертом аналитический отчет, который включает все актуальные данные и тренды определенной отрасли. Он предоставляет глубокий анализ основных параметров деловой среды, факторов роста, рисков и выявляет главные проблемы и возможности отрасли. Отраслевые доклады рассчитаны на широкий круг пользователей – от простых читателей, которые хотят быть в курсе событий и трендов, до инвесторов и руководителей, которые используют доклады в своей работе. Основная цель отраслевых докладов – предоставить достоверную информацию для принятия правильных управленческих решений с учетом текущей ситуации на рынке, потенциальных рисков и перспектив.

Первый отраслевой доклад Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, посвященный состоянию российского книжного рынка, был опубликован в июне 2009 г. До этого ежегодные отраслевые доклады Агентства освещали состояние российской периодической печати и российской полиграфии. Публикация доклада «Книгоиздание в России. Состояние, тенденции и перспективы развития» стала знаковым событием для всей отрасли в целом. Российский книжный рынок, динамично развивавшийся с начала 2000-х гг., к 2009 г. вполне ощутил на себе влияние экономического кризиса. Сложная обстановка ко всему прочему обострила давно не решавшиеся проблемы, требующие совместных скоординированных усилий представителей индустрии и государства. Обстоятельства, ставшие предметом анализа в отраслевом докладе, неоднократно обсуждались на профессиональных встречах издателей, книгораспространителей и полиграфистов в конце 2008 – начале 2009 гг. В частности,

актуальным проблемам отрасли были посвящены круглые столы «Книжное дело России. Год 2008. Анализ и прогноз развития отрасли» (21 Московская международная книжная выставка-ярмарка, сентябрь 2008 г.), «Книжный бизнес: где деньги?» (10 Международная ярмарка интеллектуальной литературы «Non/Fiction», ноябрь 2008 г.), «Книжный рынок России: что изменилось за полгода?» (12 Национальная выставка-ярмарка «Книги России», март 2009 г.), а также круглый стол в Московском государственном университете печати, состоявшихся в декабре 2008 г. Кроме того, кризисные явления в издательской индустрии обсуждались в рамках VI съезда Российского книжного союза, а в январе 2009 г. ключевые проблемы книгоиздания стали предметом обсуждения на двух совещаниях в Федеральном агентстве по печати и массовым коммуникациям с представителями крупнейших компаний отрасли. Материалы всех указанных встреч легли в основу первого отраслевого доклада «Книгоиздание в России. Состояние, тенденции и перспективы развития». Его публикация стала важным шагом к информационной консолидации отрасли. Он осветил и актуальные проблемы книжного бизнеса, и исторический контекст их возникновения, и альтернативные модели отраслевых бизнес-процессов, продуктивно работающие в других странах. С тех пор вышло еще четырнадцать отраслевых докладов, за это время изменилось их название, трансформировалась структура и принципы отбора данных. Хроника этих трансформаций отражает то, как менялось участие государства в российской книжной отрасли.

Первый отраслевой доклад, опубликованный в 2009 г., носил название «Книгоиздание в России. Состояние, тенденции и перспективы развития» и был подготовлен Управлением периодической печати, книгоиздания и полиграфии Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям при содействии авторского коллектива в составе Б.В. Ленского, А.Н. Воропаева, А.А. Столярова. Данные для аналитики, включенной в доклад, были предоставлены: Московским государственным университетом печати, Российской книжной палатой, Российским книжным союзом, Гильдией издателей периодической печати, Гильдией книжников, Ассоциацией книгоиздателей России, Ассоциацией книгораспространителей независимых государств, Межрегиональной ассоциацией полиграфистов, Межрегиональным центром библиотечного сотрудничества, НП «Медиа Комитет»,

Аналитическим центром Юрия Левады, Издательством «Эксмо», Издательской группой «АСТ», Торговым домом «Библио-Глобус», книжным клубом «36.6», компанией «Топ-Книга», компанией «Мир книги», интернет-магазином «Ozon.ru», НТЦ «Информрегистр», газетой «Книжное обозрение», журналом «Книжная индустрия», журналом «Университетская книга», журналом «Книжное дело». Кроме того, в докладе были использованы данные из зарубежной отраслевой периодики, в первую очередь, журналов «Publishers Weekly» и «The Bookseller», а также материалы зарубежных и международных отраслевых ассоциаций и союзов. Такое разнообразие источников стало следствием двадцатилетнего отсутствия системной работы мониторингу отрасли. При подготовке доклада стали очевидными не только позитивные и негативные тренды в развитии индустрии, но и значительная «непрозрачность» книжного бизнеса в России, сопровождаемая существенным дефицитом данных.

Следствием этого дефицита стала эклектичность и несистемность описания отрасли. Так, в первой главе были приведены *количественные показатели* выпуска изданий в 2008 г.: 123336 названий книг и брошюр совокупным тиражом 760,4 млн. экз. (по данным статистического учета Российской книжной палаты). Указывалось, что по отношению к предыдущему году указанные показатели были выше на 13,4% и 14,2% соответственно, по отношению к 2001-му г. – на 75,4% и на 40,2% при среднегодовом темпе роста 9,4% (названия) и 14,2% (тираж). Также в главе были приведены сравнительные данные по соотношению количества названий и тиража за последние 20 лет (1988–2008 гг.), отражающие резкий спад в разнообразии производимой книжной продукции в 1988-1992 гг. и затем стабильный поступательный рост в 1993–2008 гг. В целом за эти 15 лет количество названий изданий увеличилось на 329,5%. При этом динамика тиражности выглядела несколько иначе: минимальный объем книгоиздания в РФ пришелся на кризисный 1998 г., и за последующие 10 лет он вырос лишь на 86,6%.

Хотя количественное описание книгоиздания в первой главе первого раздела носило сравнительный характер, однако временные интервалы для разных показателей были различными. Так, данные о выпуске книг и брошюр по некоторым категориям целевого назначения приводились за 2001, 2003, 2007 и 2008 гг.

Распределение выпуска книг и брошюр по тиражным группам – за 2008 г. Статистика по выпуску книг и брошюр по укрупненным тематическим разделам – за 2008 г. в сравнении с 2007 г. А списки из 10 наиболее издаваемых отечественных, иностранных и детских писателей – за 2005, 2006, 2007 и 2008 гг.

Издательская система современной России характеризовалась с помощью минимального набора критериев: количества издательств в целом (5702); количества издательств, выпускающих 12 и более книг в год (1280); географического распределения; количества названий, выпускаемых издательствами; объемов их тиражей. Последние два критерия стали основными для описания состояния отрасли потому, что главным источником данных на тот момент являлась Российская книжная палата, которая вела соответствующий статистический учет. Как следствие, описание отрасли принимало формат разнообразных рейтингов издательств по критерию тиражности, разнообразию изданий, и по процентной доле от рынка в целом. Аналогично описывалось и географическое «распределение» внутри отрасли: доля московских и санкт-петербургских издательств в общем объеме книжного выпуска в России – около 70% по количеству названий и свыше 90% – по тиражам.

На тот момент ни крупные издательские группы, ни маленькие региональные издательства не открывали данных о своих продажах и доходах. Отсутствие сведений составители отчета компенсировали информацией из рейтинга мировой книгоиздательской индустрии, включающего 35 крупнейших издательских домов, составленного в 2008 г. профессиональными журналами «Livres Hebdo» и «Publishers Weekly». Рейтинги впечатляли объемами продаж, однако не давали возможности для сопоставления из-за отсутствия аналогичных данных по России.

Ссылаясь на мнения экспертов отрасли, составители доклада описывали основные тренды в сфере книгоиздания:

- тенденцию поглощения маленьких независимых издательств крупными издательскими группами, среди которых выделялись своими масштабами «Эксмо» и «АСТ»;
- диверсификацию книжного бизнеса;
- становление рынка аудиокниг и электронных книг;

– высокий уровень пиратства в сфере электронного книгоиздания;

– обилие бесплатных электронных библиотек (до 5000) и «идеологию бесплатного показа информации в Интернете, разрушающую финансовую модель копирайта» [Доклад 2009, 32].

Уже первый отраслевой доклад был сформирован как сложно сконструированный инструмент навигации в отраслевых процессах. Он фиксировал существующие тенденции, формулировал проблемы, помещал их в мировой контекст и обозначал возможные решения. Таким образом, документ реализовал функцию вертикальной коммуникации в ведомственной структуре Министерства связи и в то же время – функцию горизонтальной коммуникации внутри отрасли.

Например, второй раздел доклада, посвященный книгораспространению, фиксировал основные тенденции развития книжной торговли:

– структура продаж на рынке выглядела так: независимые книжные магазины – 35%; сетевые книжные магазины – 25%; дистанционная торговля (почтово-посылочная, клубная и Интернет-торговля) – 16%; продажи библиотекам – 10%; продажа книг в некнижных магазинах – 10%;

– книжная торговля в России развивалась в основном за счет сетевых книжных магазинов, также с 2005 г. активно рос объем продаж через торговые точки в российских FMCG-сетях, при этом общее количество специализированных розничных точек сохранялось на одном уровне;

– основными тенденциями развития книготорговых сетей являлись: многоформатность; введение книготорговцами практики возвратов нереализованных остатков; постепенное проникновение книготорговых сетей в универсальные супермаркеты; расширение и диверсификация ассортимента, трансформация книжного магазина в магазин мультимедийный.

Здесь же аналитики описывали ключевые проблемы отрасли:

– существенно сократилось количество книжных магазинов по сравнению с 1989 г. (с 8,5 тысяч до 3600 в 2008 г.);

– оптовая торговля имела недостаточные объемы: при ежегодном выпуске более 100 тыс. наименований, лишь 20 крупных оптовых фирм имели ассортимент 50 тыс. наименований, и около

200 средних оптовых фирм – ассортимент менее 30 тыс. наименований (исключение – компания «Топ-книга», чей ассортимент склада достигает 100 тыс.);

– по ситуации с книжными магазинами Россия существенно отставала от европейского уровня, и если в Москве ситуация с количеством торговых точек улучшалась (20,7 тыс. чел. на один книжный магазин), то в регионах уровень обеспеченности книжными магазинами оставался на крайне низком уровне (66,1 тыс. чел. на 1 магазин соответственно);

– крайне острой оставалась проблема невозможности представления в розничных магазинах всего издательского ассортимента: в 90% магазинов было представлено менее 20 тыс. наименований при годовом книгоиздании в 123 тыс. наименований в 2008 г.; значительная часть выпускаемого книжного ассортимента была недоступна большей части покупателей, самые серьезные проблемы при этом испытывали мелкие специализированные издательства, не имеющие своих дистрибьюторских систем;

– маленький ассортимент большинства магазинов был обусловлен недостаточностью торговых площадей, что, в свою очередь, было связано с резким ростом арендной платы в 2007–2008 гг. и дефицитом рынка арендных площадей в России в целом; проблема торговых площадей и общего падения продаж в условиях сокращения этих площадей стала одной из основных для развития книжного рынка в 2008–2009 гг.

Авторы доклада разъясняли, как описанные проблемы обусловлены разрушением советской государственной системы книгораспространения, и предлагали возможное решение, учитывающее потребности и крупных центральных, и маленьких региональных издательств, и, главное, покупателей, как столичных, так и провинциальных. Аналитики видели выход в создании крупных современных складских распределительных комплексов и построении, как минимум, двух независимых от издательств федеральных книготорговых сетей, покрывающих всю страну, основой которых стали бы магазины с емкостью не менее 250 тыс. наименований каждый, размещенные во всех российских городах с

населением более 1 млн. чел.⁵ Кроме того, необходимо обеспечить покупателей возможностью знакомиться со всем предлагаемым ассортиментом на виртуальном складе и заказывать в том числе и те книги, которые раскупаются медленно и потому редко представлены на стеллажах магазинов. Авторы доклада акцентировали внимание на том, что специфика книготорговой отрасли (огромный ассортимент, различная скорость продаж, сезонность) требовала непрямого использования цифровых технологий для оптимизации логистических процессов. Однако эффективному использованию информационных автоматизированных систем препятствовали отдаленные последствия распада единой государственной системы книгораспространения: каждая оптовая фирма использовала свою систему маркировки и классификации товара и свою систему управления базами данных, и, как следствие, движение товаров на отраслевом рынке было абсолютно непрозрачным.

Важно отметить, что значимой особенностью первого отраслевого доклада «Книгоиздание в России...» являлась своеобразная диалогичность. Соавторство А.Н. Воропаева⁶ и Б.В. Ленского⁷ вылилось в создание текста, где не только была

⁵ В докладе также описывались попытки создания федеральной книготорговой сети «Российская книга», предпринятые МПТР России еще в 1999–2000 гг. По мнению авторов доклада, указанный проект не удалось реализовать из-за «разобщенности между федеральной и региональными властями» [Доклад 2009, 48]. С тех пор проблемы в сфере книгораспространения только усугубились.

⁶ Воропаев А.Н. – в 2009 г. сотрудник Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, сегодня – начальник отдела поддержки литературного процесса, книжных выставок и пропаганды чтения Департамента государственной поддержки периодической печати и книжной индустрии Минцифры.

⁷ Ленский В.Б. – советский и российский историк книги, генеральный директор Российской книжной палаты (1996 – 2004 гг.), заслуженный работник культуры Российской Федерации, кавалер ордена Дружбы, доктор филологических наук, профессор Высшей школы печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета, заведующий отделом Центра исследований книжной

представлена статистика и сформулированы отраженные ею проблемы, но и звучали голоса многочисленных участников отрасли. Это были и обобщенные голоса профессиональных групп (чиновников, издателей, книготорговцев, писателей), и голоса конкретных людей, отвечавших на опросы созданного в 2008 г. журнала «Книжная индустрия». В результате текст стал «полифоничным» (в терминологии М.М. Бахтина) и превратился в площадку для внутриотраслевого диалога, репрезентирующего внутренние напряжения и противоречия.

Выше мы привели схематизированную модель социального института литературы, предложенную Л.Д. Гудковым и Б.В. Дубовым накануне Перестройки. Уже первый отраслевой отчет «Книгоиздание в России...» продемонстрировал, что за минувшие десятилетия изменилась структура взаимодействий внутри социального института литературы: появились новые звенья и новые связи. Более того, «полифоничность» первого доклада в том и проявлялась, что каждое звено издательского и книготоргового «крыла» социального института литературы обрело на страницах доклада свой голос и свое звучание.

Схема Л.Д. Гудкова и Б.В. Дубина отразила ситуацию цензуры и государственной монополии на издательскую деятельность и книгораспространение. Что же изменилось в структуре социального института литературы в результате отказа государства от управления этой сферой? Во-первых, государство сохранило за собой лишь полномочия по ведению библиографического и статистического учета произведений печати. Эти полномочия были закреплены Федеральным законом «Об обязательном экземпляре документов» от 29.12.1994 N 77-ФЗ. Реализация полномочий и контроль за исполнением были закреплены за Российской книжной палатой. Поскольку издательская деятельность не лицензировалась, передача обязательного экземпляра стала единственным специфическим каналом взаимодействия⁸ издательств и государства.

культуры НИЦ «Наука» РАН, главный редактор сборника «Книга: исследования и материалы».

⁸ Мы не упоминаем здесь государственную регистрацию юридического лица и налоговые отчисления, поскольку эти формы взаимодействия являются обязательными для любого бизнеса.

Вторым значимым изменением стало усложнение системы книгораспространения. Лишь крупные издательства («Эксмо», например) могли позволить себе самостоятельно заниматься дистрибуцией своей продукции. Большинство же пользовались услугами оптовых книготорговых компаний или напрямую поставляли книги в розничные магазины. Кроме того, некоторые оптовики («Топ-книга», например) создали собственные сети розничных магазинов. В связи с изменениями в законодательстве, библиотеки также обновляли фонд через оптовиков-книготорговцев.

Третьим существенным изменением стало появление отраслевых организаций, чья деятельность направлена на защиту прав и интересов тех или иных участников книжного рынка. В 1990 г. зарегистрирована Ассоциация Книгоиздателей России (АСКИ), в 1995 г. – Межрегиональная ассоциация полиграфистов (МАП) и Ассоциация распространителей печатной продукции (АРПП), в 1998 г. – Национальная Ассоциация Издателей (НАИ). Однако, несмотря на деятельность профессиональных сообществ, ключевые проблемы отрасли (информационная и финансовая непрозрачность рынка, отсутствие стандартизации и т.д.) продолжали мешать развитию книжного рынка. В 2000 г. по инициативе Медиацентра Торгового Дома «БИБЛИО-ГЛОБУС» было учреждено некоммерческое партнерство «Гильдия книжников», призванное объединить всех профессионалов, задействованных в издании и распространении книги. В состав гильдии вошли ведущие российские издательства, книготорговые организации, образовательные учреждения, представители библиотечных сообществ и др. А уже 23 апреля 2001 г., в Международный День книги, в Москве прошел первый учредительный съезд Российского Книжного союза. Президентом союза попросили стать председателя Счетной палаты С.В. Степашина. В интервью Первому каналу после учредительного съезда Сергей Степашин заявил: «То, что нужно сделать в первую очередь: все-таки решить вопрос о поддержке отечественного книгоиздателя. Потому что, вы понимаете, без определенных преференций со стороны правительства и государства выжить отечественной книге, может быть не такой яркой, броской, но

такой необходимой очень сложно»⁹. Таким образом, уже на первом съезде РКС прозвучал запрос отрасли на господдержку.

Со временем Российский книжный союз объединил ведущих отечественных издателей, распространителей книжной продукции, полиграфистов, представителей культурного, научного, образовательного и библиотечного сообществ, бумажной отрасли, в том числе ряд писательских организаций и ассоциаций. На данный момент в состав РКС вошли более 1500 субъектов книжной отрасли. Бессменным Президентом Союза до сих пор является С.В. Степашин.

Союзу действительно удалось выстроить продуктивное взаимодействие с профильным государственным ведомством. В 2007 г. по инициативе РКС была разработана «Национальная программа поддержки и развития чтения», которую мы уже упоминали. Программа была утверждена Роспечатью и опубликована под грифами двух организаций – Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и Российского книжного союза. РКС не только разрабатывал «Национальную программу поддержки и развития чтения», но и стал основным ее реализатором. С 2010 г. основной источник доходов ассоциации составляют государственные контракты, субсидии и гранты¹⁰.

Именно данные РКС и входящих в него организаций послужили основой для первого отраслевого доклада «Книгоиздание в России...». И по данным доклада структура социальных взаимодействий в сфере книгоиздания и книготорговли в 2009 г. выглядела так:

⁹ См. репортаж по ссылке: https://www.1tv.ru/news/2001-04-23/281053-v_mezhdunarodnyy_den_knigi_v_moskve_proshel_pervyy_uchreditelnyy_s_ezd_rossiyskogo_knizhnogo_soyuza

¹⁰ Источники доходов Российского книжного союза опубликованы на сайте «Открытые НКО»: <https://openngo.ru/organization/1027739839786/income/contracts44/>

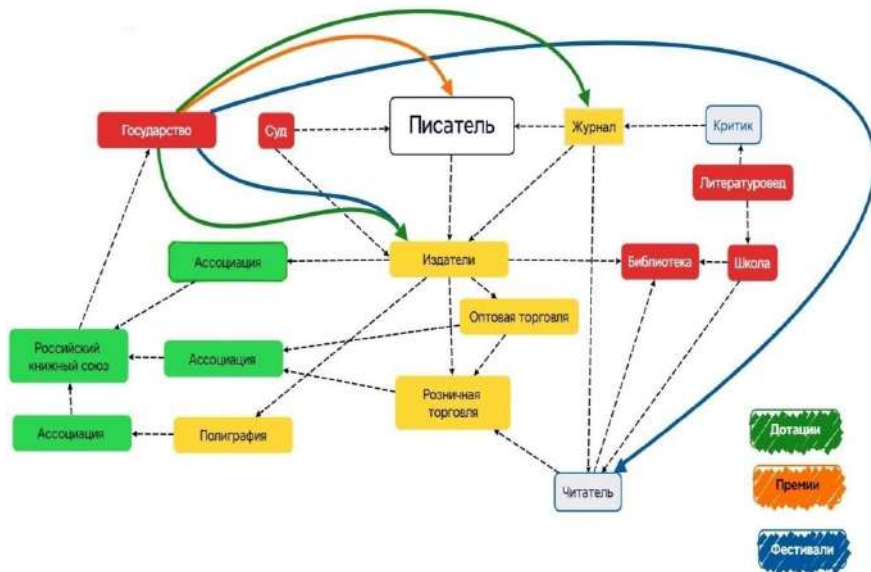

Рис. 2. Структура социального института литературы в России в конце 2010-х гг.

Данная схема удобна для того, чтобы обозначить проблемный характер взаимодействий, отраженный в докладе 2009 г.

1. Издатели – полиграфисты – книготорговцы.

Соответственно алгоритмам книгопроизводства, издательство оплачивало полиграфические услуги в полном объеме, а возмещение собственных издательских расходов получало лишь после продажи книги в магазине. При этом к 2008 г. средняя «оборачиваемость» книги превысила 200 дней. Фактически издательства выступали донорами всей отраслевой цепочки.

2. Издатели – книготорговцы (вопрос ценообразования).

Розничные книготорговцы обладали серьезным влиянием на выбор покупателя. Из-за слабой рекламной активности издательств, покупатель, как правило, делал выбор уже в магазине. При этом, с одной стороны, книготорговцы добивались от издателей снижения отпускных цен, увеличения скидок, увеличения объема возвратов, разделения коммерческих рисков и

увеличения рекламного бюджета на продвижение издательской продукции. С другой стороны, собственные наценки магазинов в некоторых случаях достигали 200–400%.

Внутри отрасли активно обсуждалось введение фиксированной розничной цены, однако стороны расходились в оценке подобной перспективы.

3. Издатели – издатели (слияния и поглощения).

В 2008 г. было реализовано несколько крупных проектов по слиянию и поглощению. Интенсивный процесс консолидации отрасли отчасти был обусловлен тем, что в ситуации кризиса для многих малых и средних издательских компаний объединение или слияние с крупным игроком становилось вопросом выживания. Слияние зачастую принимало формат договоренности об эксклюзивном распространении и разделении прибыли. Точное юридическое оформление подобных сделок оказывалось затруднительным вследствие того, что большинство малых и средних издательств не являлись до конца прозрачными.

Весьма перспективным оказалось слияние издательских, полиграфических и книготорговых компаний, существенно повышающее эффективность бизнес-процессов. Примером подобного слияния стала группа «Азбука-Аттикус», объединившая издательский, полиграфический и книготорговый бизнес, что позволило группе претендовать на высокие позиции в издательском рейтинге.

4. Издатели – полиграфисты – государство (налогообложение).

В 2009 г. налогообложение операций по реализации книжной продукции, связанной с образованием, наукой, культурой (за исключением печатных изданий и книжной продукции рекламного и эротического характера) производилось по ставке 10%¹. Данная налоговая ставка отличалась от общей ставки в 18% и была

¹ 10% налоговая ставка для операций по реализации книг регламентирована п/п 3 п. 2 ст. 164 Налогового Кодекса РФ. Перечень видов книжных изданий, подлежащих реализации по ставке 10%, установлен Постановлением Правительства РФ от 23.01.2003 г. № 41 и подтверждается документами (справками), выдаваемыми Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям.

предусмотрена для операций по реализации группы товаров, имеющих социальную направленность. Однако аналитики отрасли акцентировали внимание на том, что льготная (10%) ставка НДС действовала только на реализацию конечного продукта – книжных изданий, связанных с образованием, наукой и культурой, – в розницу. Все остальные составляющие «цепочки» производства и распространения изданий облагались стандартной ставкой НДС (18%), что приводило к перекосам ценообразования и сложностям взаиморасчетов, в том числе по зачету НДС. Более того, 10% налоговая ставка не применялась к продукции учебного и общекультурного характера, выпущенной на электронных и магнитных носителях в качестве приложений к учебникам и печатным СМИ, что сдерживало применение прогрессивных технологий в образовании и производстве приложений общекультурного характера к печатным СМИ. В своем докладе аналитики Роспечати настаивали на том, что «введение единой (10%, 5% или 0%) ставки НДС на все этапы производства и распространения нерекламных и неэротических периодических печатных изданий и книг как товара особого социального статуса позволит снизить затраты на их производство и распространение, что соответствующим образом отразится на их цене для потребителей, позволит увеличить тиражи и доступность данной печатной продукции для населения» [Доклад 2009, 94].

5. Издатели – книготорговцы – покупатели.

К 2008 г. предложение на книжном рынке значительно превысило спрос. Количество выпущенных наименований росло, но при хронической нехватке точек розничной книготорговли, рынок оказался не готов «переваривать» такой объем.

Важной причиной низкой покупательской активности стало общее сокращение чтения. Аналитики писали, ссылаясь на две волны исследования чтения, проведенного Центром Юрия Левады в 2003 и в 2005 гг., что ситуация с чтением в России продолжала ухудшаться с каждым годом. Если в 2003 г. не читали книг вообще 37% населения России, то в 2008 г. не читали уже 46% взрослых россиян. При этом доля читающих книги сократилась сразу на 7% – с 23% до 16%, а доля активных читателей снизилась на 3% – с 26% до 23%.

Сокращение чтения было представлено в докладе как комплексная проблема. С одной стороны, данные исследовательской

компании «TNS Россия» показывали, что в структуре медиапотребления среднего российского гражданина интерес смещался от чтения к другим медиа – Интернету и радио. С другой стороны, одной из главных проблем в области чтения оставалось обеспечение доступа массовых читателей к книгам. Не менее важно, отмечалось в докладе, обеспечить «максимальное разнообразие выбора самой актуальной специальной, общегуманитарной, художественной литературы для наиболее образованных, квалифицированных и взыскательных групп населения, способных обеспечить интеллектуальный уровень, необходимый стране» [Доклад 2009, 100]. Озвученные проблемы относились, прежде всего, к издательствам и к сетям распространения. Авторы доклада, ссылаясь на высказывания нескольких авторитетных экспертов отрасли, отмечали, что для поддержания спроса необходима постоянная пропаганда чтения: «Для издателей самый важный вопрос заключается в том, будут ли люди читать книги» [Доклад 2009, 117].

6. Государство – издатели – читатели.

На момент написания первого аналитического доклада, государственное участие в популяризации чтения выражалось в разработке Национальной и региональных программ поддержки и развития чтения, а также в финансовой и организационной поддержке разного рода мероприятий: книжных конкурсов, литературных премий, творческих встреч с писателями, мастер-классов, профессиональных семинаров, научно-практических конференций, круглых столов и др. Важную роль в приобщении населения страны к чтению играли книжные выставки и ярмарки. Роспечать являлась организатором трех крупнейших книжных ярмарок в стране: Московской международной книжной выставки-ярмарки, Национальной выставки-ярмарки «Книги России» и Российской выставки-ярмарки образовательной и детской литературы «Читай-ка!», а также участвовала в организации ярмарки интеллектуальной литературы «Non/Fiction» и Санкт-Петербургского международного книжного салона. Начиная с 2005 года Агентство проводило фестиваль чтения для детей и подростков «Вместе с книгой – в Новый год!», а с 2007 г. – фестиваль «Лето с книгой».

Развитие и реализация Национальной программы поддержки и развития чтения осуществлялось на федеральном, региональном и

муниципальном уровне. Однако почти все проекты по поддержке чтения в основном были ориентированы на библиотеки, причем не на реальное усиление их деятельности в сфере чтения, не на целенаправленную адресную работу с различными группами населения, а на улучшение комплектования их фондов, техническое оснащение, а также на проведение массовых акций (праздников). На второй Всероссийской конференции «Национальная программа поддержки и развития чтения: итоги и перспективы», прошедшей в ноябре 2008 г., эксперты с сожалением признавали, что Программа «пока еще не стала мощным и эффективным инструментом продвижения чтения» [Доклад 2009, 106].

Эксперты также отмечали, что в реализации Программы практически не участвовали органы управления и учреждения системы образования, хотя именно в системе образования, по их мнению, формировались и накапливались основные проблемы чтения, усугублявшие системный кризис читательской культуры в России. Также слабо были вовлечены в процесс формирования и реализации программ поддержки чтения ученые, управленцы, книгоиздатели и книготорговцы, телевидение, радиовещание, Интернет. Практически отсутствовало взаимодействие между различными институтами поддержки и развития чтения. Эксперты заявляли о необходимости совместных согласованных усилий в популяризации чтения и отмечали, что особенно важно привлекать к процессу формирования и реализации региональных программ книгоиздательские и книготорговые организации.

7. Площадки для внутриотраслевой коммуникации.

Одной из ключевых проблем отрасли оставалась ее информационная непрозрачность. Именно развитие информационного обмена и повышение прозрачности рынка эксперты называли одним из важнейших направлений преодоления кризисных явлений на книжном рынке [Доклад 2009, 117]. Два ключевых события 2008–2009 гг. инициировали кардинальные перемены в этой сфере. В марте 2008 г. начал выходить журнал «Книжная индустрия» – профессиональное периодическое издание, освещающее главные проблемы книжной отрасли, развитие книги и чтения, инновационные сервисы и технологии, деятельность издательств, книгораспространителей и библиотек. Задуманный как B2B журнал, он объединил на своих страницах отраслевую аналитику и проблемные интервью специалистов.

А в мае 2009 г. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям обнародовало отраслевой аналитический доклад под названием «Книгоиздание в России: состояние, тенденции и перспективы развития». При подготовке доклада были использованы данные, полученные от многих представителей отрасли. Доклад не только освещал проблемы, но и помещал их в мировой контекст, описывал перспективы их разрешения, содержал законодательную инициативу по снижению налоговой ставки НДС для всех этапов книгопроизводства и книгораспространения. Особое внимание аналитики уделили влиянию экономического кризиса 2008 г. на книгоиздание и книготорговлю. Кризисное состояние экономики стало еще одним фактором, повлиявшим на то, что впервые с 1991 г. проблемы и сложности книжной индустрии оказались в фокусе ведомственного аналитического отчета Роспечати. Этот доклад ознаменовал собой начало изменений государственной политики в сфере книгоиздания.

В 2009 г. российское книгоиздание стояло на пороге кризиса, обусловленного целым рядом внутренних и внешних причин. Впереди его ждали затяжные последствия экономического кризиса, стремительное развитие цифровых технологий и отток читателей к новым медиа, пандемия ковида в 2020-м и санкции в 2022-м. Ежегодные отраслевые доклады Роспечати сегодня выглядят как летопись этого сложного времени, как хроника прогнозов и надежд, побед и разочарований, как история борьбы за существование.

В следующих публикациях мы подробно рассмотрим, как в отраслевых докладах отразилась трансформация системы российского книгоиздания под влиянием перечисленных факторов. Нас также будет интересовать, как менялось участие государства в отраслевой динамике и как эти перемены сказались на коммуникативной стратегии профильного ведомства (Роспечати), реализуемой в изучаемых документах.

Источники

Закон об обязательном экземпляре – *Федеральный закон «Об обязательном экземпляре документов» от 29.12.1994 № 77-ФЗ*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5437/ (дата обращения 1.02.2024).

Закон о СМИ 1990 – Закон СССР от 12.06.1990 № 1552-I «О печати и других средствах массовой информации». URL: <https://base.garant.ru/6321206/> (дата обращения 1.02.2024).

Доклад 2009 – *Книгоиздание в России: состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой аналитический доклад*. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2009.

Доклад 2010 – *Книжный рынок России: состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад*. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2010.

Доклад 2011 – *Книжный рынок России: состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад*. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2011.

Доклад 2012 – *Книжный рынок России: состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад*. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2012.

Доклад 2013 – *Книжный рынок России: состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад*. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2013.

Доклад 2014 – *Книжный рынок России: состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад*. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2014.

Доклад 2015 – *Книжный рынок России: состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад*. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2015.

Доклад 2016 – *Книжный рынок России: состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад*. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2016.

Доклад 2017 – *Книжный рынок России: состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад*. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2017.

Доклад 2018 – *Книжный рынок России: состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад*. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2018.

Доклад 2019 – *Книжный рынок России: состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад*. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2018.

Доклад 2020 – *Книжный рынок России: состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад*. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2020.

Доклад 2021 – *Книжный рынок России: состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад*. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2021.

Доклад 2022 – *Книжный рынок России: состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад*. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2022.

Доклад 2023 – *Книжный рынок России: состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад*. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2023.

НППРЧ – *Национальная программа поддержки и развития чтения (утв. Роспечатью)*. URL: <https://legalacts.ru/doc/natsionalnaja-programma-podderzhki-i-razvitiia-chtenija-utv-rospechatii/> (дата обращения 1.02.2024).

ОЗК – *Основы законодательства Российской Федерации о культуре* (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 10.07.2023). URL: <https://legalacts.ru/doc/osnovy-zakonodatelstva-rossiiskoi-federatsii-o-kulture-utv/> (дата обращения 1.02.24).

Литература

Гудков, Дубин 2020 – Гудков Л.Д., Дубин Б.В. *Литература как социальный институт. Сборник работ*. М., 2020.

Дзялошинский 2013 – Дзялошинский И.М. *Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов*. М., 2013.

TRANSFORMATION OF THE SOCIAL INSTITUTION OF BOOK PUBLISHING IN RUSSIA IN 1990–2000 AND ITS INFLUENCE ON THE LITERARY PROCESS

© **Kurochkina Anna Anatolievna** (2024), SPIN-код: 2731-0010, ORCID: 0000-0002-1248-9320, PhD in Philology, senior lecturer, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhnij Novgorod, 603950, Russian Federation), chikalinka@mail.ru

The article is the first part of a large study aimed at studying the transformation of state participation in the Russian system of book publishing and book consumption. The theoretical basis of the work is the structural and functional paradigm of T. Parsons and the methodological approach to the analysis of the social institute of literature, presented in the early works of L.D. Gudkov and B.V. Dubin. In this article, we explain the methodology of the research and trace the transformation of Russian book publishing that occurred after the state abandoned the leadership of the industry in 1990. The main source of data for analysis was the industry reports of the Federal Agency for Press and Mass Communications (Rospechat), published annually since 2009 and representing a specific communication tool for the state and the industry community through the specialized agency. As part of

our research, we were interested not only in the data presented in the reports, but also in the form of representation of various collective actors of the social institute of literature.

Keywords: social institute of literature, literary process, Rospechat, Russian book publishing.

References

(Monographs)

Гудков, Дубин 2020 – Gudkov L.D., Dubin B.V. *Literatura kak sotsial'nyy institute. Sbornik rabot* [Literature as a social institution. Collection of works]. Moscow, 2020. (In Russian).

Дзялошинский 2013 – Dzyaloshinskiy I.M. *Mediaprostranstvo Rossii: kommunikatsionnyye strategii sotsial'nykh institutov* [Russian Media space: communication strategies of social institutions]. Moscow, 2013. (In Russian).

Поступила в редакцию 1.02.2024

УДК: 82.2+792.09

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ПИСАТЕЛИ –
ЛИДЕРЫ ТЕАТРАЛЬНОГО РЕПЕРТУАРА В СЕЗОНЕ
2023–2024 ГОДОВ**

© **Прошин Евгений Евгеньевич** (2024), ORCID: 0000-0002-6993-4077, SPIN-код: 5576-0070, Author ID: 41610, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), filnnovv@gmail.ru

Автор статьи обращается к театральному репертуару сезона 2023–2024 гг., сопоставляя его с показателями сезона пятилетней давности, который уже был объектом его рассмотрения. В задачи исследования входит фиксация динамики изменений в структуре театрального репертуара за указанный период, особенно с учетом тех внешних (культурных, социально-политических и даже санитарно-эпидемиологических) вызовов, которые были брошены обществу в последние годы и на которые не могла не отреагировать театральная жизнь. Поэтому даже простой подсчет общего количества литературных произведений, пьесы по которым ставятся на российских театральных подмостках, дает возможность представить основные тенденции. Так, автор обнаруживает нарастающую консерватизацию репертуарной политики. Отчетливо заметно превращение русской классической литературы в основу театрального репертуара. Это наблюдается на фоне увеличения количества самих спектаклей, однако доля современных произведений при этом остается практически той же. Однако русская классика и произведения XX столетия и обеспечивают указанный количественный прирост. Нет особых перемен в отношении зарубежной литературы, количественный прирост на ней не сказывается. Свою долю в репертуаре имеют и проверенные временем произведения как основа детского репертуарного сегмента. При этом современная «серьезная» литература, за вычетом некоторых исключений, не пользуется особой популярностью. Можно сказать, что российские театры, обращаясь к литературным претекстам, в массе своей не выходят за пределы консервативно-популистской репертуарной политики. Более того, видна четкая разница между театральными центрами и периферией. Если в первых заметно фрондирование, выбор менее очевидного и предсказуемого репертуара, то со всё большим отдалением от них репертуарная политика выглядит даже не компромиссной, а попросту инерционно-архаичной.

Ключевые слова: репертуарная политика, спектакль, современный российский театр, статистический метод исследования, социология литературы.

В данной статье приводятся некоторые итоги статистического исследования, первый этап которого был начат нами пять лет назад и подразумевал измерение такого параметра, как количественное соотношение обращений к литературным первоисточникам в тех постановках, которые составляют репертуар современных российских театров. Мы вынуждены констатировать, что статистический метод, совершенно необходимый для понимания такого прихотливого феномена, как современная театральная культура, практически не используется в научной практике. Впрочем, театр, который является объектом исследования для целого ряда гуманитарных дисциплин, на данный момент не изучается полноценно в принципе: «Многие проблемы современного театра остаются вне поля зрения отечественных исследователей <...> Региональная специфика развития российского театрального искусства только начинает целенаправленно и системно изучаться. Крайне мало работ, посвященных экономическим вопросам функционирования современного российского театра» [Тухватулина 2019, 81]. Выводы о театральном сезоне 2018–2019 годов с самого начала не понимались нами как единичное обращение к специфике театрального репертуара, и пять лет спустя мы вернулись к той же задаче: рассмотреть, какие именно произведения отечественных и иностранных авторов ставятся российских театрах, кто является лидером по уровню режиссерского внимания, как это внимание распределяется по отношению к различным литературным эпохам и т.д.

Пятилетний промежуток между двумя этапами исследования на первый взгляд кажется слишком небольшим для выявления тех или иных интересных особенностей трансформации театрального репертуара в интересующем нас направлении: театров много, репертуарная политика является достаточно консервативным феноменом для быстрых в ней перемен, однако сам, как говорится, «ход истории» дал нам дополнительную возможность. В последние пять лет волею судеб произошло и происходит много знаменательных событий, отражающихся на всех сферах нашей жизни. Это и кордонно-карантинная культура начала двадцатых годов, и политически-экономический кризис, почти сразу её в

каком-то (ограничительном) смысле продолживший. Такие события всегда имеют макропоследствия, поэтому мы сильно опасались обнаружить, что как театральный репертуар, так и само количество театров в России сократились из-за возможных негативных последствий тех паразететических причин, игнорировать которые было бы наивно.

К счастью, опасения оказались напрасными, так как выяснилось, что жизни в театре не убавилось, а очевидно даже прибавилось. Нам удалось найти информацию о репертуаре сразу 407 театров, в то время как пять лет назад была собрана информация по 393 коллективам. Разница в 16 театров не так уж велика, однако разительное отличие ожидало нас в сумме театральных постановок по литературным претекстам. Если в сезоне 2018–2019 годов общее число спектаклей составило 9503, то в актуальном сезоне их стало уже 10312. Мы не можем сказать, каковы причины этой разницы – почти в 800 постановок! – но можно утверждать, что санитарно-медицинские или же социально-политические коллизии на театральной жизни отражаются слабо. Скорее наоборот, количественный рост показывает, что постановки востребованы, и это значит, что и для такого количества спектаклей находится своя публика. Лидером по репертуарному росту оказался Центральный федеральный округ (1577 спектаклей против 1259). Также сильные изменения характерны для Москвы (1600 спектаклей в 2023 году против 1501 спектакля в 2018), Санкт-Петербурга (986 против 773) и Северо-Западного округа (668 против 495). При этом, напротив, в Сибирском, Южном и Дальневосточном округах общее количество спектаклей уменьшилось (в случае с Южным округом значительно: 614 постановок против 743).

По количеству профессиональных коллективов больших изменений нет. Разве что в самом конце списка поменялись местами Дальневосточный и Северо-Кавказский округа: в первом округе нами учтен 21 театр, а во втором – 17. Практически такая же картина прослеживается и при учете количества спектаклей. Вверху, как обычно, Поволжский округ, Москва, Центральный округ и Санкт-Петербург, однако в середине списка Южный федеральный округ, с его отрицательной репертуарной динамикой, опустился сразу на две позиции, уступив по количеству постановок Уральскому и Северо-Западному округам, а ниже его оказались только Дальний Восток и Северный Кавказ.

Увеличение общего числа спектаклей привело к существенным отличиям результатов, если говорить о лидерах театрального интереса к русским и зарубежным писателям. Сам список пользующихся наибольшей популярностью писателей изменился несущественно, однако количество постановок выросло буквально в каждом случае. Сравним первые авторские «десятки» в 2018 и 2023 годах.

2018 год:

А.Н. Островский – 365,
А.П. Чехов – 321,
Н.В. Гоголь – 250,
В. Шекспир – 215,
А.С. Пушкин – 212,
Ф.М. Достоевский – 137,
Х.К. Андерсен – 125,
Р. Куни – 110,
Е.Л. Шварц – 108,
Мольер – 104.

2023 год:

467 – А.Н. Островский,
352 – А.П. Чехов,
294 – Н.В. Гоголь, А.С. Пушкин,
235 – У. Шекспир,
204 – Ф.М. Достоевский,
127 – М.А. Булгаков,
125 – Х.К. Андерсен,
112 – Е.Л. Шварц,
98 – Мольер.

Традиционный лидер рейтинга – Островский. Это неудивительно, так как несколько десятков его пьес составляют основу отечественного театрального репертуара. Без произведений этого писателя совершенно невозможно представить российскую сцену. При этом общее количество постановок выросло почти на треть – сильно увеличился отрыв от все так же идущего на втором месте А.П. Чехова, результаты которого изменились немного, на 31 спектакль, что составляет меньше 10 процентов от общего их числа. Но еще более мощный рост показателей наблюдается у А.С.

Пушкина: от 212 к 294 постановкам. Их не просто стало больше, чем на треть, но автор в итоге сравнялся по количеству спектаклей со своим не менее знаменитым современником Н.В. Гоголем, чьи результаты выросли скромнее (от 250 к 294 спектаклям), и удивительным образом оба они на несколько хармсовский манер оказались рядом на третьем месте в общем списке.

Принципиальное изменение в первом десятке только одно: из него выпал автор непритязательных ситуационных комедий Рэй Куни, а его место занял не нуждающийся в представлениях М.А. Булгаков, поднявшийся с 11 места на восьмое. А вот во втором десятке самых ставящихся авторов изменений гораздо больше. Сравним списки двух лет.

2018:

М.А. Булгаков – 102,
Я.А. Пулинович – 80,
А.В. Вампилов – 79,
А.М. Горький – 75,
И.С. Тургенев – 68,
Ш. Перро – 65,
С.Я. Маршак – 64,
А.М. Володин – 61,
Н.В. Коляда – 61,
К. Гольдони – 60.

2023:

94 – А.В. Вампилов,
84 – А.М. Горький,
79 – Л.Н. Толстой,
75 – Р. Куни, В.М. Шукшин,
72 – И.С. Тургенев,
70 – А.Н. Толстой,
64 – С.Я. Маршак, Ш. Перро,
62 – Н.В. Коляда.

Из данного списка выбыли представители самых разных эпох: Пулинович, Володин, Гольдони. В первую десятку переместился Булгаков. На смену выбывшим пришли потерявший в популярности Куни, а также прибавившие в ней Л.Н. Толстой, Шукшин, А.Н. Толстой, представляющие разнообразные периоды отечественной

литературы XX века. Вообще, первая двадцатка демонстрирует всё то же усиленное внимание к русской литературе, особенно классическому её сегменту. Если количество иностранных авторов несколько сократилось (осталось пять авторов вместо шести), то из 15 русских писателей семеро относятся к 19 веку (при этом пять из них находятся в первом десятке), четверо – к первой половине 20 века, трое – ко второй половине того же столетия, и только Николая Коляду можно отнести к нашим современникам. Из иностранных авторов представлены неперменные классики Шекспир и Мольер, лидеры детского репертуара (вкупе с «нашим» Маршаком и отчасти Шварцем) Андерсен и Перро, а также упомянутый сочинитель комедий Куни.

Увеличение общего количества спектаклей за пятилетний срок сказалось на том, сколько авторов в итоге было удостоено сорока и более постановок. Если в сезоне 2018–19 годов такой список включил в себя 41 имя, то в 2023 уже 49.

Приведем списки за исключением писателей, уже упомянутых в нашем разборе.

2018:

А.Н. Толстой – 59,
М. Камолетти – 57,
А.Н. Арбузов, Л.Н. Толстой – 55,
Г.И. Горин, А. Цагарели – 54,
В. Шукшин – 51,
К. Людвиг, М. Макдонах – 50,
М. Бартенев, А. Коровкин – 49,
Т. Уильямс – 48,
О. Уайльд – 47,
М. Ладло – 44,
С.Т. Аксаков, Э. Шмитт – 42,
А. Линдгрэн, Ю. Поляков – 41,
И. Вырыпаев, В. Красногоров, В. Сигарев – 40.

2023:

58 – Г.И. Горин, Я.А. Пулинович,
57 – О. Уайльд,
55 – К. Гольдони,
54 – М. Камолетти,

- 51 – А. Коровкин, А. Цагарели,
50 – Т.А. Гофман, В.П. Гуркин, К.И. Чуковский,
49 – А.Н. Арбузов, С.Г. Козлов, А. Линдгрэн,
48 – Б.Л. Васильев, А.М. Володин,
46 – Д. Данилов, Э. де Филиппо,
45 – А.М. Волков, Д.Х. Салимзянов,
44 – С.Т. Аксаков,
42 – А.С. Грибоедов, К. Людвиг, Э.-Э. Шмитт,
41 – В.С. Красногоров, М.Ю. Лермонтов, Т.А. Миннуллин,
В.Н. Орлов,
40 – Р. Киплинг, М. Макдонах.

Из списка выбыли Бартенев, Коровкин, Уильямс, Ладос, Поляков, Вырыпаев и Сигарев. Вошли же в него Гофман, Гуркин, Чуковский, Козлов, Васильев, Володин, Данилов, де Филиппо, Волков, Салимзянов, Грибоедов, Лермонтов, Миннуллин, Орлов, Киплинг. То есть изменения в списке практически всегда связаны с авторами второй половины XX века и современными писателями. Исключением оказываются разве что Грибоедов, Лермонтов, а также Гофман и де Филиппо. Вопреки нашим ожиданиям соотношение отечественных и иностранных авторов осталось примерно прежним: в 2018 году в списке было 28 и 13, а в 2023 находятся 34 и 15 отечественных и зарубежных имен соответственно (в обоих случаях отечественные авторы имеют примерно двойной перевес над зарубежными).

Распределение отечественных авторов по эпохам тоже не показывает особых различий: доля отечественной классики составляет примерно 30 с небольшим процентов (8 имен из 28 в 2018 и 10 имен из 34 в 2023 годах), писатели 20 века занимают больше половины списка (15 из 28 и 19 из 34), а вот число наших современников неизменно (по пять авторов в 2018 и 2013 годах), и потому их присутствие в списке сократилось от не менее 17 до не более 14 процентов в актуальном театральном сезоне. Да и положение в списке у наших современников не самое завидное. В первой двадцатке удержался только Николай Коляда (это объясняется, прежде всего, наличием «административного ресурса»: большая часть репертуара театра, возглавляемого Колядой, составляют пьесы, написанные им самим). А вот пьесы Ярославы Пулинович, еще одного уральского автора в нашем списке, стали

ставиться гораздо меньше (58 против 80), из-за чего она оказалась за пределами первой двадчатки. Напротив, очень серьезный рост популярности наблюдается у произведений Дмитрия Данилова. Пять лет назад он только становился известен, особенно благодаря пьесе «Человек из Подольска», ныне признанному театральному «хиту», но с тех пор драматургический «багаж» автора увеличился, и он оказался поставлен почти 50 раз. Вообще, ситуация с современными авторами и их произведениями обнаруживает пока еще не самую сильную, но отчетливую тенденцию в сторону снижения внимания к текстам двух-трех последних десятилетий. Это связано и с экстраэстетическими факторами, находящимися в социально-политическом поле, и с тем, что театры подчас выбирают произведения откровенно развлекательной направленности, а серьезная литература оказывается малопривлекательной. Иначе говоря, режиссеры, выбирая произведение серьезного содержания, скорее обратятся не к современникам, а к классикам, чьи позиции все так же незыблемы, и, более того, заметно некоторое увеличение их востребованности в театральном репертуаре.

В целом театральная конъюнктура сводится к достаточно экстенсивному процессу «сжатия» внимания к современным авторам и перераспределению внимания в сторону произведений 19 и 20 веков. Недоверие к современности может быть обосновано целым рядом причин. Это и посткарантинная установка на более развлекательный контент, прослеживаемая у провинциальных театров в особенности. Это и соображения в духе автоцензурирования (бывает так, что тот или иной автор объявляется иностранным агентом или ему присваивается статус еще более радикальный с юридической точки зрения, а это вынуждает не только экстренно исключать произведения таких писателей из репертуара, но и вообще сокращать наличие в нем спектаклей по творчеству наших современников, на всякий, что называется, случай). Поэтому во всех смыслах надежнее обращаться к десятилетиями проверенным текстам, дабы вообще не рисковать. К примеру, выросла популярность даже писателей 18 века: «Недоросль» Фонвизина оказался поставлен 23 раза вместо 16 пять лет назад, а комедия Крылова «Урок дочкам» оказалась в репертуаре пяти российских театров, хотя в прежнем перечне её можно обнаружить лишь единожды.

Еще один количественно умеренный сектор – русский модернизм начала прошлого столетия – тоже демонстрирует тенденцию к росту. Например, в 2018 году всего один раз встречается имя Мережковского (постановка «Павла Первого» в Нижегородском театре драмы), а в 2023 это уже шесть спектаклей по разным произведениям, включая роман «Воскресшие боги» из трилогии «Христос и Антихрист». Привлекли внимание произведения Брюсова и Сологуба, которые раньше встречались меньше или же не были представлены вовсе. В полтора раза выросла популярность не чуждого модернистским тенденциям Леонида Андреева: вместо десяти спектаклей ранее можно увидеть пятнадцать в актуальном сезоне.

Показательно увеличивается интерес к авторам, активным в первой половине XX столетия. К примеру, мы выявили 22 спектакля вместо прежних 16 по произведениям Николая Эрдмана. Еще лучше обстоят дела с творчеством Зощенко – 24 постановки вместо 15. Возвращается внимание к творчеству Аркадия Гайдара (13 спектаклей по его произведениям по сравнению со всего шестью в 2018 году). Кстати, такая тенденция не говорит о том, что внимание к современным произведениям уменьшается именно через механизм замещения их в репертуаре более ранними текстами. Дело в том, что самих спектаклей стало больше, но их прирост объясним обращением к хронологически более раннему репертуару, из-за чего процент ставящихся в театрах произведений современной литературы не растет, но и нельзя сказать, что сильно уменьшается, а попросту не демонстрирует очевидной динамики.

Итак, проведенное нами исследование показывает, что пятилетний период не отменил, но скорее углубил тенденции, которые были выявлены в первый раз: «Доминирование классических произведений, современного непротивительного комедийного материала, расхожего набора произведений для детей и юношества слабо оттеняется наличием материала из "зоны риска", коей является актуальная литература более глубокого содержания» [Прощин 2019, 95]. Что вершина театрального репертуара, что его середина и низы указывают, что в условиях все более сужающегося – по причинам внешним, а не внутренним – «коридора возможностей» беспроблемным вариантом было, остается и будет обращение к русской классике, и мы зафиксировали еще большее количество спектаклей по авторам XIX столетия. Интересные

процессы происходят в отношении отечественной литературы прошлого века, особенно её советского периода. В отличие от других культурных институций и контекстов внимание к творчеству советских писателей разных десятилетий устойчивое и не обусловлено исключительно внешними причинами, например, поисками пьес, содержание которых корреспондирует с актуальными проблемами наших дней. Современный российский театр остается большой и важной площадкой реинтерпретации наследия советской драматургии, которое еще ждет своего объективного осмысления после контрастно противоположных друг другу периодов апологетики и негации.

Таким образом, можно зафиксировать следующий промежуточный результат: театральные репертуар всё более «не доверяют» современному литературному процессу (часто по причинам, далеко отстоящим от самого процесса), смещая поэтому акценты на разнообразные периоды прошлого столетия и обращаясь к давным-давно репутационно устоявшейся литературе XIX века, что можно считать признаком стагнирования. Современные театры выводят сами себя из зоны риска, тем самым минимализируя функцию медиатора между публикой и современной литературой. Налицо скорее взывание к банальной эрудиции публики, чем предложение художественно противоречивой литературной современности. За некоторыми прецедентными исключениями, данный тезис подтверждается структурой репертуара и столичных, и провинциальных театров, что выглядит небезынтересным сближением этих вроде бы постоянных антагонистов.

Литература

Прошин 2019 – Прошин Е.Е. *Репертуарная политика современных российских театров в сезоне 2018–2019 годов* // Палимпсест. 2009. № 2(2). С. 89–100.

Тухватулина 2017 – Тухватулина К.А. *Современный российский театр как предмет научных исследований* // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2017. № 2. С. 80–84.

LEADING DOMESTIC AND FOREIGN WRITERS OF THE 2023–2024 THEATRICAL REPERTOIRE

© **Proshchin Evgeny Evgenievich** (2024), ORCID: 0000-0002-6993-4077, SPIN-code: 5576-0070, Author ID: 41610, PhD in Philology, Associate Professor, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University (23 Prospekt Gagarina (Gagarina Avenue), Nizhnij Novgorod, 603950, Russian Federation), filnov@mail.ru

The author of the article refers to the theatrical repertoire of the 2023–2024 season, comparing it with the indicators of the season from five years ago, which was already the object of his consideration. The objectives of the study include recording the dynamics of changes in the structure of the theatrical repertoire over the specified period, especially taking into account those external (cultural, socio-political and even sanitary-epidemiological) challenges that have been thrown at society in recent years and to which theatrical life could not fail to respond. Therefore, even a simple calculation of the total number of literary works, staged in Russian theatres, makes it possible to present the main trends. Thus, the author discovers the growing conservatism of repertory politics. The transformation of Russian classical literature into the basis of the theatrical repertoire is clearly noticeable. This is observed against the background of an increase in the number of performances themselves, but the proportion of modern works remains almost the same. However, Russian classics and works of the XX century provide the specified quantitative increase. There are no special changes in relation to foreign literature, the quantitative increase does not affect it. Time-tested works also have their share in the repertoire as the basis of the children's segment of the repertoire. At the same time, modern "serious" literature, with some exceptions, is not particularly popular. It can be said that Russian theaters, turning to literary pretexts, for the most part do not go beyond the limits of conservative-populist repertory politics. Moreover, there is a clear difference between the theater centers and the periphery. If in the former there is a noticeable frond, the choice of a less obvious and predictable repertoire, then with increasing distance from them, the repertoire policy does not even look like a compromise, but simply inertially archaic.

Keywords: repertoire politics, performance, modern Russian theater, statistical research method, sociology of literature.

References

(Articles from Scientific Journals)

Прошин 2019 – Proshchin E.E. *Repertuarnaya politika sovremennykh rossiyskikh teatrov v sezone 2018–2019 godov* [Repertoire policy of modern Russian theaters in the 2018–2019 season]. *Palimpsest*, 2019, no. 2(2), pp. 89–100. (In Russian).

Тухватулина 2017 – Tukhvatulina K.A. *Sovremennyy rossiyskiy teatr kak predmet nauchnykh issledovaniy* [Contemporary Russian theater as a subject of scientific research]. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedeniy. Ural'skiy region*, 2017, no. 2, pp. 80–84. (In Russian).

Поступила в редакцию 25.01.2024

УДК 82

**ОБРАЗ МЫСЛЯЩЕГО МИРА «ЗА ПРЕДЕЛАМИ МОЗГА»
В РОМАНЕ КИОРА ЯНЕВА «ЮЖНАЯ МАНГАЗЕЯ»**

© **Гарипова Гульчира Талгатовна** (2024), SPIN-код: 1926–8676, Author ID (РИНЦ): 1009371, ORCID: 0000-0002-7675-2570, Scopus ID: 58667503500, доктор филологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет (129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, к. 1), Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (119071, Российская Федерация, г. Москва, ул. Малая Калужская, д. 1), ggaripova2017@yandex.ru

В статье исследуются дискуссионные проблемы идентификации феномена транскультурной литературы, связанного с творчеством писателей, занимающих пограничную позицию между несколькими культурными традициями и локусами. Автор статьи рассматривает это явление на материале романа Киора Янева «Южная Мангазея», репрезентирующего историсофскую концепцию «имперского мира» в срезе российской истории от Петровской эпохи до постсоветского времени. Проанализированы формальные и содержательные аспекты художественной модели мыслящего мира «за пределами мозга», принципы транскультурного и транслингвального моделирования его исторических констант, особенности образно-метафорической и жанрово-стилевой системы. Образ мыслящего мира «за пределами мозга» в романе Киора Янева «Южная Мангазея» позиционируется нами как «личный миф» писателя, стыкующего экзистенциальное и онтологическое в авторской попытке выстроить свою историсофскую интерпретацию «империи на костях». Представленный образ, с одной стороны, фиксирует исторические откровения о свершившейся истории-энтропии, начиная с распада государства-мифа «Златокопьящая Мангазея» и кончая эсхатологией советской государственности, с другой стороны – провидению о возможном грядущем воскрешении нового мира.

Ключевые слова: транскультурная литература, Киор Янев, роман «Южная Мангазея», мифообраз, бестиарная семиотика, тропология, авторская историсофия.

В современном мире этническая идентификация писателя, живущего за пределами географического родного «языкового»

локуса, становится не только историко-литературной проблемой, но и сложнейшим психологическим феноменом, часто предопределяемым транскультурной эстетикой, отражающей ментальную полидомность его творчества. Сегодня формируется особый тип транскультурной гибридной литературы, к которой исследователи относят «транскультурных авторов, занимающих пограничную, промежуточную позицию между несколькими нациями, традициями, локусами; <...> писателей, пишущих на разных языках и происходящих изначально из разных культур» [Женис, Кынова 2018].

На наш взгляд, такие писатели всегда будут оставаться в системе координат «тысячеликого героя» (Дж. Кэмпбелл) и определяться психологией «инаковости». М. Тлостанова дефинирует феномен «инаковости» как идентификатор транскulturации, понимаемой в координатах новой эпистемы эпохи глобализации: «Инаковость и ее снятие или его принципиальная невозможность являются одним из основных метасюжетов постсовременного транскультурного искусства, демонстрируя постоянное взаимодействие и переплетение множества голосов, дискурсов и локалов, которые в принципе неразрешимы в утопической идее синтеза» [Тлостанова 2006, 12]. Ярким примером такого взаимодействия и переплетения, одновременной мультикультурности и транскультурности является творчество современного писателя Киора (Александра) Янева. Свою автобиографию писатель изложил в трех строчках, которые определяют истоки его культурной полидомности, трансэтничности: *«Родился во времена развитого социализма в Средней Азии. Детство провёл во Фрунзе и Алма-Ате, юность в Москве, молодость в Германии. Учился в Шуке в Москве и в Людвиг-Максимилиане в Мюнхене, занимался филологией и режиссурой. Живу в Германии и вне её»* [Арабески].

Важнейшими проблемами творчества Киора Янева закономерно являются онтологические и экзистенциальные разломы времени, пространства, истории. На наш взгляд, в современном литературном процессе именно в системе хронотопической метафоризации фракталов эпохальной истории XX века и эволюционирует историософская концепция писателей, судьбы которых определило время миграции между различными границами: стран, эпох, наций, языков. Существовая в пограничье, они обретают дар фиксировать в

своем экзистенциальном и творческом сознании особую софию «травматического времени», воплощающего имперскую ментальность. Критик Наталья Иванова отмечает, что «явная и главная тематическая тенденция последних лет — векторная направленность в прошлое, к памяти (коллективной или частной), истории. <...> ...будущее русской литературы — это наше коллективное прошлое. Память всегда субъективна, окрашена личным как кровью. <...> История — в отличие от памяти — объективна и личности не принадлежит» [Иванова 2019, 34–36].

Попытка разгадать феномен подобной имперской ментальности фиксируется в романе Киора Янева «Южная Мангазея», который был опубликован на русском языке издательством *Jaromír Hladík press* (СПб) в 2020 году, а затем на немецком в *Verlag Matthes & Seitz Berlin* в 2022 году. Писатель создает свою особую авторскую знаковую систему для художественной репрезентации историософии русского мира в призме вертикального среза «советской империи», разрушающей условную «чистоту» этого мира. Семиотика «личной мифологии» писателя восходит к некоему общему коллективному бессознательному, связанному с уже постсоветским переосмыслением, но тем не менее соотносится именно с авторским транскультурным опытом трансмиссии разных национальных миров. Концепция Ролана Барта о мифе как «высказывании» позволяет нам рассматривать нарратив текста-высказывания Киора Янева именно как «личный миф», детерминированный авторской попыткой выстроить свою историософскую интерпретацию «империи на костях» [Янев 2020, 7] на основе мифологического эстетического кода, фиксируемого в системе некоего нового индивидуального «эзопова языка», шифрующего социологему «имперского мира» одновременно в символических знаках-образах «личного мифа» и в единой «мифовой парадигме человечества» [Шафранская 2002, 36–41]. Подобная внутренняя кросс-мифологичность становится авторским почерком, проявленным, в первую очередь, в особой метафорике языка: «Побагровевшее вещество времени так сдавило пространственную арматуру, что сверху и снизу образовались проталины, вроде станции столетней однокорейки, где Ян, как вкопанный в помпейский городок, курился мозговым теплом, обкуривал платоновские образы, паровой золотой облетающие на его нижнюю, мясную марионетку. <...> На

гребне заката, всплеснувшего рельсы, Ян, наконец, нагнал прошлое, расходявшееся кругами от когда-то канувшего дня» [Янев 2020, 8].

Киор Янев проектирует аномальное расстройство сознания времени, объясняющее кризисные сломы в истории XX века. Писатель создает особое живое существо – *мыслящий мир* «за пределами мозга» (так называется одна из глав романа), социальное тело которого разлагается на границах вертикали времени советской истории, но осмысляется только в пределах постколониального сознания. Как тут не вспомнить Ю. Лотмана, определившего логику пребывания «внутри мыслящих миров» как *семиотический опыт, парадоксально предшествующий любому семиотическому акту* [Лотман 2022, 188]. Именно подобное осознание истории в контексте маргинальной знаковой системы пограничья советской и постсоветской России с чередой «заселения-выселения» стран, народов, личностей зашифровано на уровне творческой транскulturации и семиотической трансмиссии.

Большая часть критиков отмечает особое качество стиля и языка романа, который может быть определен как «роман-фантазмагория», заявленный в аннотации как «алхимический опыт, поставленный над российской историей, древней и новейшей, азиатской и европейской, развернутой в злоеущий миф и свернутой в дикий быт, вымышленной и умышленной... Главный элемент этого опыта – русский язык, принимающий по ходу повествования все мыслимые и немыслимые формы и становящийся в конце концов чем-то вроде праведной саламандры, горящей и не сгорающей в лютом огне двадцатого века» [Янев 2020, 4].

На наш взгляд, писатель моделирует особое измененное состояние языка (ИСЯ, по аналогии с ИСС), и этот способ авторской репрезентации истории с измененным состоянием времени акцентированно тропологичен [Анкерсмит 2003]. Это означает, что Киор Янев проектирует неклассическую модель мира с помощью качественно новой метафоры, когда перенос значения происходит не на уровне семантики, а на уровне образного значения слова (эйдетический перенос) или прагматики речевого знака (семиотический перенос). Так, например, в романе история телесна, представляется как *живое существо* (минога) и/или *живое вещество* (магма) и наделяется качествами бестиарных образов (знаков), но при этом не перестает быть историей. Не важен принцип тождественности или ассоциативности в художественной

тропологии¹ Киора Янева, важен принцип авторской образной семиотизации, базирующейся на замещении смыслов истории и бестиалогии. Так, метафора Киора Янева зооморфирует историческую реальность, и это становится способом смысловой идентификации ее расчеловечивания. Непрямое выражение образного смысла через семантику языка становится для писателя важнейшим способом трансмиссии культурной и исторической реальностей, подчеркивающей их глубинную взаимообусловленность: например, «московское небо – мозг павшего ангела» [Янев 2020, 10], «лунная Москва и стала бы просто кайно-мезозойскими челюстями» [Янев 2020, 198], «Луна-вампир солнечных зайчиков» [Янев 2020, 198]. Концептуализированная в работе Л.А. Гогтишвили «феноменология непрямого говорения» [Гогтишвили 2006] и объясняет авторскую тропологичность русского языка в романе «Южная Мангазея». Таким образом, для понимания авторской концепции практически не стоит искать прямых метафорических соотнесений (по принципу сходства, смежности, тождественности), смысловое поле может быть построено на уровне референций и метафор вторичной номинации, тяготеющих к парасемантике².

По этому принципу в романе «Южная Мангазея» формируется уникальная метафора «история-минога», которая тяготеет к оксюморонной символической парасемантике – это вечно движущееся, но остановившееся время, духовно-историософские константы которого определяются семантикой «удушья» советской идеологией «всеобщего счастья». Так, следует отметить интенсивную семиотизацию «немыслящей» истории в контексте семантики бестиарных образов, количество и разнообразие которых поражают. Самым ярким из них, на наш взгляд, становится «минога» – вымирающий вид бесчелюстного животного. Первая глава романа «Минога» рисует танатологическую историософию российского имперского прошлого в системе интертекстуального потока

¹ Тропология (от греч. tropos – переворачивание, treno – переворачиваю) обозначает троп как искусное образное (*этот термин употребляется в нескольких смыслах*) использование слова.

² Парасемантика – концепция семантики языка, исходящая из того, что составляющие значение слова смыслы очень часто образуются путем случайных (или случайных на первый взгляд) ассоциаций.

метафорических культурных кодов: например, «империя на костях» обыгрывает идиому «город на костях (крови)» Петербург, а «невидимый бок летучего Вронского» связан с символикой будущего разрушения, смерти и конца, поскольку символика Фру-Фру связана со сложным сюжетным иносказанием, намекающим на будущую судьбу Анны Карениной и т.д. Имперское время у Киора Янева выписано как «живая субстанция» (*минога*), способная инстинктивно присасываться к человеку и поглощать его, засасывать в себя и разрушать жизнь вечным фантомным страхом: «Империя на костях – ортопедическое чудо. Смолёные мостки на культях потешной морской столицы, сыпась прогорклой пудрой и короедами, впились-таки в фиоровантьев мираж предпамирских пиков. <...> В ея ветряные изложницы после ломоносовского семестра направлялся студент Ян на казённой подушке в облачной консистенции, облачённой ржавым саваном с фантомным литером, взлетавшим на рельсовых стыках. В них прорастала верблюжья колючка, щетина гоголевского мертвеца. <...> Однако наземный маршрут – это не настоящее путешествие в иную стихию, и поезд лишь напоминал миногу, присосавшуюся к чему-то действительно запредельному, к невидимому боку летучего Вронского, от которого заметны только огненные лампасы в окнах и зрачках измотанной читательницы, пахнущей бычками в томате» [Янев 2020, 7–8].

Семантическая реконструкция биологических смыслов миноги как безжалостной мерзкой паразитической твари, нацеленной только на убийство и пожирание другого, присасывающейся и вытягивающей все живые соки своей жертвы, проектирует образ сталинской истории, не только разрушившей судьбы многих и многих, но и создавшей инерцию эсхатологического будущего. Мортальные смыслы подчеркнуты сложной метафорикой «ржавого савана с фантомным литером», связанной с понятием «литеры нищего бродяги». Это буквенно-иероглифический знак виселицы, который предназначен для рукоделия по саванам, для заклятий в процессе метафизического «пришивания» мертвых к живым, живых к мертвым. Апокалиптические смыслы *миноги-времени* распавшейся империи акцентированы не только семиотикой смерти и телесного распада, разложения, но и сложной формой гипер-языка, не оставляющего просвета для ассоциативных смыслов. Живое время мертвой империи связано и с внутренним фрактальным культурным

пространством, структурированным кодами биномиального образа рая-ада. Имперский потерянный рай-ад в романе зафиксирован в особой метафоре развернутого внутрь себя остановившегося времени без границ. Империя мертва – остановившееся время потерянного рая-ада живое, поскольку оно соотносимо с вечными поисками идеала и всеобщего счастья, которое утопично и провиденциально всегда оборачивается антиутопией, ибо «человек – существо социальное, он “запрограммирован” традицией» [Шафранская 2008, 38] ожидания Страшного суда на трансформацию любой социальной утопии в эсхатологию вымирания.

В контексте знаковых бестиологем важным представляется инсектный код (острицы, клопы, комары, черви, бабочки, личинки и др.), усиливающий ощущение «паразитической» семантики времени «смерти» и разлагающегося пространства, разрушающих не только сознание, но и телесность мира, сотворенного Словом Бога. «Энтомологический sos» [Янев 2020, 7] Киора Янева тропологичен также: «после ночёвок в клопастой двушке» [Янев 2020, 8]; «от клопов, выползавших, оседлав тараканов, из кухонного чулана» [Янев 2020, 10]; «счастье дождевых червяков» [Янев 2020, 10]; «острицы, выползали наружу» [Янев 2020, 13]; «в земных недрах личинки развивались» [Янев 2020, 13]; «там заведется червь» [Янев 2020, 17]; «громадная тупая личинка» [Янев 2020, 17]; «борец с царством червей» [Янев 2020, 17]; «в самую гущу гигантского муравейника» [Янев 2020, 27] и т.д. Подобная интенсификация инсектных образов детерминирована задачами тропологической символизации. Писатель словно моделирует некое тотальное пространство маргинальных топосов человеческой истории, означенной бытом тюрем, бараков, коммуналок, общаг и т.д. Историософия такого загаженного насекомыми мира предопределяет большие судьбы живущих в ней. Еще одно значение может быть определено выходом в систему культурных референций, когда инсектный код разворачивает читателя в семиотическое «инсектное» поле русской литературы, – это и «блоха» Лескова, «таракан» Чуковского, «клоп» Маяковского, «умная блоха» Сорокина и т.д.

Инсектный код в романе Киора Янева функционирует как знак «экзистенциального отчаяния» и разлагающейся онтологической телесности мира и в своей энтропийной семиотике совпадает с

58

эсхатологическими смыслами романа В. Сорокина «Манарага» и семантикой «нецивилизованного» мира-хаоса из книги Л. Гинзбург «День Оттера», определяемого Е. Бернштейном как знак «иррационального ужаса» [Бернштейн 2016]: «Их склизкая прозрачность была воплощением низшей неорганизованной материи, грозящей вновь поглотить цивилизованного человека. <...> Но в этом-то и был самый ужас – никакие проявления человеческой жизни их не касались. Обозначая собой стадии телесного умирания, вши будят у рассказчика кошмарное чувство отчуждения собственного гибнущего тела от разрушающегося сознания» [Гинзбург 2011, 215].

В романе «Южная Мангазея» страха нет никакого, насекомые становятся неотъемлемой частью постколониального распада, генетическим знаком истерического шизоидного сознания, наблюдающего свой распад. Иррациональность заменена на естественность их соприсутствия в человеческом мире, той самой иллюзии прошлого: «Тот прекрасный, окружающий всех нас инфракрасный мир, где жили-плавали эти безбожные создания, был мозгом павшего ангела-хранителя – а мы, люди, живущие в нем, его воспоминаниями. У всех людей один ангел-хранитель, потому что все мы живём в его мозгу – вначале там был тот самый райский сад» [Янев 2020, 20].

На наш взгляд, именно поисками мессианского топоса «райский сад» детерминируется внутренняя антитеза «свой – иной» в романе. Маркируется она полюсами «юг – север» со всеми вытекающими возможными значениями. Разрыв полюсов необходимо преодолеть, тогда каждый *иной* станет *своим*.

Топос Южной Мангазеи сквозной, центрирующий смыслы всех уровней, соотносимый одновременно с географической конкретикой и иллюзорным пространством всего в романе (сознания, внутреннего бытия, мифологии и т.д.), но главное – с историческим прошлым, неким символом «потерянного рая», начало утраты которого коренится в реальной истории первого русского заполярного города Мангазея, основанного в 1601 году. Считается, что название города произошло или от имени самодийского князя Маказея (*Монгаси*), или от старинного названия речки Таз. По мнению историка Н.И. Никитина [Никитин 1990], топоним «Молгонзея» восходит к коми-зырянскому «молгон» – «крайний, конечный» – и обозначает «окраинный народ». Город процветал,

получил второе название «златокопящая Мангазея», но после закрытия морского пути пришел в упадок и полностью исчез в конце XVII века, оставив лишь мифы о русской Атлантиде. Исследователи считают, что в культурном, историческом и географическом аспектах Мангазея повторила судьбу гомеровской Трои: с течением времени Мангазею стали считать легендарным городом – никогда не существовавшим на самом деле и, видимо, просто вымышленным и опозитизированным в народной памяти и культуре национального фольклора. Как бы то ни было, историки полагают, что Мангазея сыграла «выдающуюся роль в освоении всей Сибири как торговый центр и форпост русского землепроходческого движения на восток» [Рощевская 1980, 21–22].

Тайна русской Мангазеи до сих пор не оставляет в покое не только историков, но и писателей. Кроме романа Киора Янева, художественную историю Мангазеи воссоздал, например, Юрий Шестёра [Шестёра 2017].

Второй ключевой топос – Москва. Обозначен он как мир реальный, современный, но подземный, соотносимый с онтологией метро, мавзолея Ленина («Москва по каким-то подземным законам живет...» [Янев 2020, 70]) и сумеречным сознанием героя Яна – «сына министра» [Янев 2020, 112] Дира. Важно, что Ян ассоциативно связан с реальным летописным персонажем (в летописях *Дирь*, ум. около 882), киевским князем, правившим совместно с Аскольдом в 864–882 годах.

Москва представляет собой живую экзистенцию, воплощенное историческое сознание русского мира. А. Марков обоснованно считает, что «главный герой романа Янева – вовсе не текст, не материальное начало и не компьютерная сеть, а Москва» [Марков 2021, 225].

«Ян утер пот. Вокруг ветшала Москва. Обнажала поскользнувшегося небожителя, сползала с его пор и жилок. Размазала здешним миром, а теперь изживает его! Освобождает свою бесплотную суть от местной архитектуры, выпуская её все более легкими, с просветами, тенями, блуждающими, как болотные огоньки. Все следы и тени в Москве возвышенной природы! – почувствовал Ян. С города слезает материя, как пространство с теней, образующих целое озеро, в котором кристаллизуется московский Китеж. Сколько раз он пытался разглядеть эту крепость!

Мешает зыбь строительного раствора. Тени всё больше наполняют Москву» [Янев 2020, 91–92].

Существование Москвы и Южной Мангазеи определяется памятью Яна о всех временах русского мира, истоки которого в Киевской Руси, чья история развернута в топологической метафорике персонажной системы. Практически каждый герой романа семиотически кодирует в себе те или иные историософемы «русского мира», как правило несущие знак пограничья (язычество и христианство, смешение народов и этносов и т.д.). Мы склонны согласиться с мнением Т. Баскаковой о том, что «описание и Москвы, и Новой Мангазеи отличается сочетанием очень точно – визуально-точно – подмеченных бытовых деталей, исторических реминисценций (относящихся к самым разным, сливающимся в некий палимпсест, временам) и ... скажем пока так: сказочности» [Баскакова 2019].

Москва возвращает «тень» исчезнувшей Мангазеи и формирует в романе ее знакового двойника. Н. Архангельский так и определяет Мангазею: «зазеркальный двойник Москвы, её астральное тело» [Архангельский 2023, 13]. Критик точно замечает всеохватность мангазейного хронотопа: «Это фантастический мир, со своей собственной эпохой. События и география отсылают к реальности. Но это новая мифология, и со своим акцентом. Не с библейским, не с античным и не с фольклорным сусально-русским. С более исторически адекватным – российско-евразийским. <...> Полумифическая Мангазея – реальное место на Земле. Город-убежище, утонувший в веках. Китеж, исчезнувший в водах Белозерья. Русская Гиперборея. И Мангазея, и эллинская Гиперборея, по преданиям, находились на севере. Южной Мангазее, вероятно, полагается быть южнее» [Архангельский 2023, 13].

В «Арабесках» Киор Янев подменяет «полносную» метафорику романа и проектирует свою «южную» Северную Мангазею именно как прообраз мифического Китеж-града, идеального города, модель которого была разработана уже в третьем романе трилогии Д. Мережковского «Христос и Антихрист» [Мережковский 1990, 370]. Мережковский словно «отменяет» историческое время реального «града Петра», тем самым выводит интерпретационную оценку образа новой России-Петербурга в пласт символического подтекста «городских» мифообразов, по своей синкретической специфике соотносимых с утопическими или антиутопическими моделями бытия, наиболее распространёнными из них являются «рай» и «ад».

Если Китеж-град ассоциативно соотносится с моделью рая, что в тексте романа подчёркнуто упоминанием Афонского сада Пресвятой Богородицы, то Петербург метафоризирует модель ада, что также подтверждено последующим введением «антипространства» Соловецкого острова как антитезы райскому саду Пресвятой Богородицы. На наш взгляд, Мережковский посредством создания поэтики мифо-метафорической соотнесённости мирообраза «идеального града» и реального исторического города создаёт определённую схему художественного перевода реального хронотопа в концептуальный. Киор Янев структурирует в тексте под названием «Арабески», который можно считать корпусом «примечаний» к прочитанному и написанному, пространственное, пусть даже призрачное, соотнесение мифообраза Китеж-града, лежащего вне координат реального исторического «смутного» времени советской эпохи, с реальным пространством Мангазеи Златокипящей как аналога современной России – с контурами новой Петровской империи, могущей стать «уходящей Атлантидой», но все-таки «несущей морозный китежский звон в Ледовитый океан» [Арабески] как надежду на спасение: «Мангазея, Русская Винета, первый острог-город за Полярным кругом, была построена по горностаевому пунктиру Бориса Годунова на посланных на вечной мёрзлоте берестяных листах, поминальных грамотах недавно канувшей рюриковой, древней Руси. На чьем месте, как после тунгусского метеорита, остались болотные мороки, откуда в проморенный бредень острога и поползли сусанинские огоньки собольих, кунных мехов и аманатской пестряди, так что после Смутного промежутка в сумрачном детинце вспыхнули терема Мангазеи Златокипящей, семьдесят лет³ пылавшей Северным, видным за тысячи вёрст, сиянием, в котором рождались контуры новой, Петровской империи, пока, наконец, не растаяли ледяные фундаменты и холодный факел плавно ушел под хрустальный крутояр на берегу реки Таз, несущей морозный китежский звон в Ледовитый океан» [Арабески].

Такое соотнесение Южной и Северной Мангазеи поддержано последней частью киноэкфрастического Приложения к роману «Южная Мангазея», представляющего из себя авторские

³ Столько, сколько существовал СССР (здесь – примечания *автора романа*).

художественные синопсисы шедевров мирового кино XX века. Описание последнего фильма «Секрет лидера» (Ф. Шарипов, 2018) из «Фильмотеки, просмотренной Викчем на лопатках Черенковой» метафоризирует некое возможное обретение «потерянного рая», фиксируемого в классическом для русской культуры *соброрном* образе яблоневого сада. Киор Янев пророчествует вслед за русскими писателями-деревенщиками о возможной эсхатологии, оставляя утопическую надежду вернуть-воскресить яблоневый сад. Провиденциально писатель предрекает это обретение через культурное (точнее – транскультурное) собрание в китежскую целостность Южной и Северной Мангазеи: «Яблоневый рай в северной провинции тревожит звонок из южной столицы, где душевносложного чеховского интеллигента Каната обучает коуч-Вергилий – как подняться в социальном лифте в новоалмаатинском небоскрёбе. Его пассажиры переименовывают себя и окружающий мир, наверху же за окнами шефа перепутаны стороны света и героя встречает Мефистофель в облике однокурсника» [Янев 2020, 318].

Киор Янев использует и определённые билингвальные схемы, которые мы обозначили бы как бифонные – транслитерацию и транскрипцию. Так, языковая «национальная» составляющая важнейшего русского родового образа «дом» транслитерирована в романе через транслингвизм «двойной модальности» (русская кириллица и латинский алфавит) в лексему «kvartira». Фонетическое разрушение основного культурного маркера русской национальной традиции усиливает образ «кириллического» распада дома как знака «укорененности». «Kvartira» символически соотносится с моделью неродового заимствованного «иногo» жизненного мира и центрирует авторское «эмиграционное» сознание через биязыковую нарратацию – «Ян был так внутренне перетянут, как если б родился прямо из зеркала в её русской kvartire с обязательными завитушками на обоях, рудиментами несбывшегося в детстве ягодника морошки...» [Янев 2020, 8–9].

Использование писателем транслитерации русского слова латиницей (романизация русской лингвокультуры) является способом лексико-семантической (функциональной) замены. В данном случае она не выполняет привычную функцию акцентации на реалиях иноэтнокультурных или иносociальных. На наш взгляд, Киор Янев использованием транслитерированной лексики «kvartira»

отражает определенный контекст «инаковости», его смысловую метафоричность. Использует Киор Янев и форму переводческой транскрипции: «Ян ощутил себя пятипалым слепком. Без востока в голове. Что ж, – смирился безумный глиняный чурбан: – смысл – беглый небожитель! Из саркофага теней. На восток, ориент! Ориентирует мир, как гусеничную ленту» [Янев 2020, 91–92].

Перевод посредством транскрипции также выполняет контекстуально-референциальную функцию поиска скрытых смыслов. Писатель акцентирует помимо двух значений – семантического перевода «восток» и омонимичного «ориентирует» – еще одно понятийное «ориент», что есть усеченная форма «ориентализм».

То, что писателя волнует тема ориентализма и он «играет» ею на разных уровнях текста, подтверждает еще одна русско-тюркская транслитерация лексемы «орыс» (в некоторых случаях – *урыс*)⁴, поддержанная бинальным онимом имени героини «Клара Айгуль»⁵. Двойное имя функционирует как семиотический знак «Незнакомки из Сены» (*рассмотренный ниже в тексте*) или древнегреческой Галатеи⁶, не раз упоминаемой в тексте романа: «Клара Агуль⁷ уже пробовала однажды, но тогда скорый с орусам опоздал и вместо него пошел солдатский товарняк, полный аульных новобранцев со вторыми, чуть прищуренными затылками на лицах и с третьим глазом, беспорядочно цеплявшимся за небеса, выдерживая оттуда черных птиц» [Янев 2020, 17].

⁴ В переводе с тюркских языков – *русский*.

⁵ То, что Клара Айгуль «созвучна» Кларе Газуль, вымышленной испанской актрисе, под именем которой Проспер Мериме выпустил собрание романтических пьес «Театр Клары Газуль», разумеется, не является случайным.

⁶ Интертекстуальное и референциальное смысловое поле может быть расширено за счет ряда одноименных произведений, сюжетная основа которых построена на идентичных литературных мистификациях – новелла Мигеля Сервантеса «Галатея» (1585 г.), комедия Джона Лили «Галатея» (1588 г.) и других, а также московский журнал «Галатея», который издавал С.Е. Раич в 1829–1830 гг. и 1839–1840 гг., и немой фильм Жоржа Мельеса «Пигмалион и Галатея» (Франция, 1898 г., премьера состоялась в 1903 г.).

⁷ Так в тексте романа.

Тропологическая метафоризация фиксируется писателем также в системе идиоматического билингвизма: «С его помощью Ян и купил в валютном баре гостиницы “Орлёнок” джин с тоником для своей *Inconnue de la Seine*» [Янев 2020, 14]; «Анхен, выпив белены и присев в дунайскую тину, выдавливала выкидыш, *Inconnue de Danube*, в холодную реку, текущую на восток» [Янев 2020, 20].

Первая франкофонная идиома «*Inconnue de la Seine*» значима не прямой переводческой семантикой в значении «Неизвестная река Сена» (дословный перевод с французского), а идиоматической метафорикой образа «Незнакомка из Сены», интерпретируемого не столько в соответствии с реальной историей⁸, сколько в интертекстуальной системе образа «экзистенциальной пустоты» в стихотворении В. Набокова «*L'inconnue de la Seine*», написанном в 1934 году в Берлине:

Торопя этой жизни развязку,
не любя на земле ничего,
всё гляжу я на белую маску
неживого лица твоего.

В без конца замирающих струнах
слышу голос твоей красоты.
В бледных толпах утопленниц юных
всех бледней и пленительней ты.

<...>

Кто он был, умоляю, поведай,
соблазнитель таинственный твой?
Кудреватый племянник соседа –

⁸ Самая распространённая легенда гласит, что в конце 80-х годов позапрошлого века тело незнакомки было выловлено из вод Сены неподалёку от Лувра. Никто не знал имени прекрасной утопленницы, никто её никогда раньше не видел, никто не заявлял в полицию об её исчезновении. На теле никаких следов насилия обнаружено не было, поэтому причиной смерти посчитали самоубийство, причины которого так и остались непонятными. Работник морга, поражённый красотой девушки и её удивительной, какой-то умиротворённой улыбкой, сделал с её лица посмертную маску, которой все восхищались как образом идеальной эротической красоты.

пёстрый галстучек, зуб золотой?

<...>

И теперь, сотрясаясь всем телом,

он, как я, на кровати сидит

в чёрном мире, давно опустелом,

и на белую маску глядит [Набоков 2002, 203–204].

В тексте романа важна ошибка-концепция – пропуск артикля *L'*, меняющий в русском варианте морфологию, что переводит значение «незнакомка» в «неизвестную». Именно этот смысл акцентирован писателем во второй франкофонной идиоме «*Inconnue de Danube*», декодируемой за счет ассоциативной тропологии «*выкидыш* – *Inconnue de Danube*» при помощи использования посредника-историософемы «Неизвестный Дунай». Французская идиома-оним «*Inconnue de Danube*» связана с историей о существовании неизвестной родины русов «Дунайская Русь». Так Киор Янев через транслингвистические приемы вводит в роман контекстуально альтернативную историю древних русов. В настоящее время в основном пропагандируются две версии происхождения Руси: норманская, связывающая начало Руси со Скандинавией, и основная, альтернативная ей, балто-славянская, связывающая начало Руси с южным берегом Балтики. Между тем Начальный свод выводит Русь из Подунавья, бывшей римской провинции Норик, где источники отмечают наличие государства русов с IV в. н.э. [Кузьмин 2003].

Изучая русский эпос, разные исследователи в разное время и независимо друг от друга пришли к выводу о зарождении эпоса в Подунавье, опираясь на предания о сражении Ильи Русского (Муравленина), иначе – Олимара (в «Деяниях данов»), с «татарами»-готами и гуннами, к V в. н.э. Не исключено, что на образ Ильи Муромца оказал влияние не только Олимар Русский, но и Олег Моравский – правитель Великой Моравии в середине X в., по происхождению рус и, очень вероятно, сын Олега Вещего и родственник (возможно, двоюродный брат) Ольги Русской – династическая ветвь Дунайской Руси [Никитин 2001; Королев 2002; Цветков 2011].

Лексико-семантические игры Киора Янева лежат в плоскости не только транслингвальных, но и транскультурных стратегий и помогают создавать неожиданные референциальные

интерпретационные контексты. Таким образом, Киор Янев конструирует транскультурную модель неклассического «мира как текста», в которой каждое слово есть код культурного смысла, фиксирующего исторические откровения о свершившейся истории-энтропии и провиденцию о возможном грядущем воскрешении, но не через приход Спасителя-мессии, а через переосмысление своей истории и перестройки сознания. Мессианская провиденция становится своего рода идеологическим референтом, в ракурсе которого формируется качественно новая мировоззренческая и культурная парадигма, концептуализирующая особые процессы жанрообразования «мироподобных» текстов. Мы уже отмечали ранее, что романские качества *мироподобия* и *мироприемлемости* (на основе теории В. Хализева) актуальны именно для произведений с антиутопическими или утопическими рефлексиями. Киор Янев моделирует в романе эстетическую реальность эсхатологии исторического прошлого (распавшегося имперского мира) посредством диегетического повествования, в котором провиденциальная эсхатология прописана не на уровне сюжета, а в пророческих смыслах внетекстовой референции [Гарипова, Шафранская 2022, 30–31].

Татьяна Бельская отмечает особую транскультуральность Киора Янева и обнаруживает ее в модернистской традиции мировой культуры, знаки которой так или иначе зашифрованы в тексте романа «Южная Мангазея»: «Киор Янев – такое у меня общее впечатление – написал виртуозный роман, продолжающий традицию русского модернизма или, если быть совсем точным, линию Андрея Белого. В современной немецкой литературе эта линия представлена, хоть и пребывает на периферии массово-читательского интереса. Я имею в виду попытки осмыслить прошлое, в мифологически-алхимическом духе, чтобы найти в нем способ перестройки собственной личности, собственного сознания. К этой линии относятся, например (если назвать имена только тех писателей, чьим творчеством я внимательно занималась), Ханс Хенни Янн, Арно Шмидт, Ханс Волльшлегер, Райнхард Йиргль, отчасти – швейцарец Кристиан Крахт с его последним романом “Мертвые”. Из современных, живущих в России, писателей (за границей были Владимир Набоков, Борис Поплавский) мне в этой связи никто на ум не приходит. За единственным исключением: это писавшийся в 1944–1951 годах роман Павла Залыцмана “Средняя Азия в Средние века”, который, однако, был впервые опубликован в 2018 году

и, значит, повлиять на Киора Янева никак не мог⁹. Если сравнить Янева с упомянутыми писателями, можно сказать, что он создал ни на что другое не похожий, соединяющий в себе опыт европейской и восточной (тюркской?) культур, вариант развития такой темы, для меня лично ценный – прежде всего языком, конечно; а также структурным построением текста (этими удивительными рецензиями/грезами/автокомментариями в самом конце); и, не в последнюю очередь, – тем, что этот текст впитал в себя множество реалий и фантазмагорий именно российской действительности» [Баскакова 2019].

Современные исследователи выделяют узловые понятия, на которые можно опираться при установлении пересечений русской и мировой литературы: мотивы, образы и литературные мистификации [Русская литература 2013, 17]. Часто писатель, давно не живущий в стране своего творческого языка, испытывает эстетическую потребность художественного изображения внутреннего этоса культуры, жизни, истории страны этого языка как экзистенциального способа *внутренней колонизации* (А. Эткинд) или *деколонизации* (М. Тлостанова), в зависимости от соотношения своей *личной мифологии* (термин Стенли Криппнер) с историей своей «другой», «чужой», но родной (*хотя бы по принципу языкового сознания и самоосознания*) нации. И тогда идентификаторами авторского «мыслящего мира» (Ю. Лотман) – а у Киора Янева он «за пределами мозга» – становятся транскультурные маркеры – референциально прочитываемые мотивы, образы и литературные мистификации. Все они в романе Киора Янева «Южная Мангазея» и определяют фрактальный выход через референциальные соотношения в мировую традицию художественного историософского миромоделирования.

Источники

Арабески – *Арабески. Проза Киора Янева* // Textura: международный литературный портал. 2022. 19 августа. URL: <https://textura.club/arabeski/> (дата обращения: 25.10.2022).

Гинзбург 2011 – Гинзбург Л. *Проходящие характеры: проза военных лет, записки блокадного человека*. М.: Новое изд-во, 2011.

⁹ Учитывая, что роман Киора Янева был опубликован в 2020 году, исключать такое влияние нельзя. – Г.Г.

Мережковский 1990 – Мережковский Д.С. *Собр. соч.: В 4 т. Т. 2.* М., 1990.

Набоков 2002 – Набоков В.В. *Стихотворения.* СПб., 2002.

Шестёра 2017 – Шестёра Ю. *Мангазея.* М., 2017.

Янев 2020 – Янев К. *Южная Мангазея: роман.* СПб., 2020.

Литература

Анкерсмит 2003 – Анкерсмит Ф.Р. *История и тропология: взлет и падение метафоры.* М., 2003.

Архангельский 2023 – Архангельский Н. *О романе Киора Янева «Южная Мангазея»* // Дегуста. RU: Независимый электронный критико-литературный журнал. 2023. № 14. URL: <http://degusta.ru/menju-2021/menju-05-2021/nikolaj-arhangelskij-zametki-o-hrupkosti-rtuti/> (дата обращения: 25.10.2022).

Баскакова 2019 – Баскакова Т. *Южная Мангазея... – на какой карте искать?* // Бельские просторы. Литпроцесс. 2019. 18 сентября. URL: <https://belprost.ru/articles/litprotsess/2019-09-18/tatyana-baskakova-yuzhnaya-mangazeya-na-kakoy-karte-iskat-126352> (дата обращения: 25.10.2022).

Бернштейн 2016 – Бернштейн Е. *Семиотика одного мотива: вошь (Pediculus humanus corporis) в «Не-мемуарах» Лотмана и в русской военной прозе* // Неприкосновенный запас. 2016. № 4. С. 224–231.

Гарипова, Шафранская 2022 – Гарипова Г.Т., Шафранская Э.Ф. *Сравнительное литературоведение: Методология и практика изучения русской литературы в системе компаративного анализа.* Владимир, 2022.

Гоготишвили 2006 – Гоготишвили Л.А. *Непрямое говорение.* М., 2006.

Женис, Киынова 2018 – Женис Н., Киынова Ж.К. *Транскультурный подход в рамках изучения национальной литературы* // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2018. № 2. С. 47–51.

Иванова 2019 – Иванова Н.Б. *Литературный парк с фигурами и беседкой: Избирательный взгляд на русскую прозу XXI века.* М., 2019.

Королев 2002 – Королев А.С. *Загадки первых русских князей.* М., 2002.

Кузьмин 2003 – Кузьмин А.Г. *Начало Руси: Тайны рождения русского народа.* М., 2003.

Лотман 2022 – Лотман Ю. *Внутри мыслящих миров.* СПб., 2022.

Марков 2021 – Марков А. *Самый мирный киберпанк, самый светлый метароман* // Знамя. 2021. № 8. С. 225–226.

Никитин 2001 – Никитин А.Л. *Основания русской истории: Мифологемы и факты.* М., 2001.

Никитин 1990 – Никитин Н.И. *Освоение Сибири в XVII веке.* М., 1990.

Рощевская 1980 – Рощевская Л. *Памятники и памятные места Тюменской области.* Свердловск, 1980.

Русская литература 2013 – *Русская литература в системе межкультурных коммуникаций XXI века: современное состояние и перспективы развития: Коллективная монография.* Ташкент, 2013.

Тлостанова 2006 – Тлостанова М.В. *Транскультурация как новая эпистема эпохи глобализации* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2006. № 2. С. 5–16.

Цветков 2011 – Цветков С.Э. *Русская земля. Между язычеством и христианством: от князя Игоря до сына его Святослава*. М., 2011.

Шафранская 2002 – Шафранская Э.Ф. *Роман Т. Толстой «Кысь» глазами учителя и ученика: мифологическая концепция романа* // Русская словесность. 2002. № 1. С. 36–41.

Шафранская 2008 – Шафранская Э.Ф. *Роман А. Иличевского «Матисс»* // Русская словесность. 2008. № 4. С. 38–40.

THE IMAGE OF THE THINKING WORLD “BEYOND THE BRAIN” BY KIOR YANEV NOVEL SOUTHERN MANGAZEYA

© **Garipova Gulchira Talgatovna** (2024), SPIN code: 1926-8676, Author ID (RSCI): 1009371, ORCID: 0000-0002-7675-2570, Scopus ID: 58667503500, Doctor of Philology, Professor, Moscow City University (129226, Russian Federation, Moscow, 2nd Agricultural Ave., 4, K. 1), Kosygin Russian State University (1 Malaya Kaluzhskaya str., Moscow, 119071, Russian Federation), ggaripova2017@yandex.ru

The article explores the controversial problems of identifying the phenomenon of transcultural literature associated with the work of writers who occupy a borderline position between several cultural traditions and loci. The authors of the article consider this phenomenon on the basis of the material of Kior Yanev's novel “Southern Mangazeya”, which represents the author's historiosophical concept of the “imperial world” in the context of Russian history from the era of Peter the Great to the post-Soviet period. We analyzed the formal and substantive aspects of the artistic model of the thinking world “beyond the brain”, the principles of transcultural and translanguaging modeling of its historical constants, the features of the figurative-metaphorical and genre-style system. The image of the thinking world “beyond the brain” in Kior Yanev's novel “Southern Mangazeya” is presented as a “personal myth” of the writer, combining the existential and ontological in the author's attempt to build his historiosophical interpretation of “empire on bones”. On the one hand, this worldview captures historical revelations about the accomplished history-entropy, starting with the collapse of the Golden-haired Mangazeya state and ending with the eschatology of Soviet statehood. On the other hand it captures providence about the possible future resurrection of a new world.

Keywords: transcultural literature, Kior Yanev, the novel “Southern Mangazeya”, mythological image, bestial semiotics, tropology, author's historiography.

References

(Articles from Scientific Journals)

Архангельский 2023 – Arkhangel'skiy N. O romane Kiora Yaneva “Yuzhnaya Mangazeya” [About Kior Yanev's novel “Southern Mangazeya”]. *Degusta. PU: Nezavisimyyj elektronnyj kritiko-literaturnyj zhurnal*, 2023, no. 14. Available at: <http://degysta.ru/menju-2021/menju-05-2021/nikolaj-arhangel'skiy-zametki-o-hrupkosti-rtuti/> (accessed 25.10.2022). (In Russian).

Баскакова 2019 – Baskakova T. *Yuzhnaya Mangazeya... – na kakoy karte iskat?* [Southern Mangazeya... – which map should I look for?]. *Bel'skiye prostory. Litprotsess*, 2019, 18 sentyabrya. Available at: <https://belprost.ru/articles/litprotsess/2019-09-18/tatyana-baskakova-yuzhnaya-mangazeya-na-kakoy-karte-iskat-126352> (accessed 25.10.2022). (In Russian).

Бернштейн 2016 – Bernshteyn E. *Semiotika odnogo motiva: vosh' (Pediculus humani scorporis) v “Ne-memuarakh” Lotmana i v russkoy voyennoy proze* [The semiotics of a single motif: the louse (Pediculus humanus corporis) in Lotman's “Non-memoirs” and in Russian military prose]. *Neprikosnovennyy zapas*, 2016, no. 4, pp. 224–231. (In Russian).

Женис, Кынова 2018 – Zhenis N., Kiyнова Zh.K. *Transkul'turnyy podkhod v ramkakh izucheniya natsional'noy literatury* [Transcultural approach in the framework of the study of national literature]. *Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya*, 2018, no. 2, pp. 47–51. (In Russian).

Марков 2021 – Markov A. *Samyy mirnyy kiberpank, samyy svetlyy metaroman* [The most peaceful cyberpunk, the lightest metaroman]. *Znanya*, 2021, no. 8, pp. 225–226. (In Russian).

Тлостанова 2006 – Tlostanova M.V. *Transkul'turatsiya kak novaya epistema epokhi globalizatsii* [Transculturation as a new episteme of the era of Globalization]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya*, 2006, no. 2, pp. 5–16. (In Russian).

Шафранская 2002 – Shafranskaya E.F. *Roman T. Tolstoy “Kys” glazami uchitelya i uchenika: mifologicheskaya kontseptsiya romana* [Tolstoy's novel “Kys” through the eyes of a teacher and a student: the mythological concept of the novel]. *Russkaya slovesnost'*, 2002, no. 1, pp. 36–41. (In Russian).

Шафранская 2008 – Shafranskaya E.F. *Roman A. Ilchevskogo “Matis”* [The novel by A. Ilchevsky “Matisse”]. *Russkaya slovesnost'*, 2008, no. 4, pp. 38–40. (In Russian).

(Monographs)

Анкерсмит 2003 – Ankersmit F.R. *Istoriya i tropologiya: vzlet i padeniye metafory* [History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor]. Moscow, 2003. (In Russian).

Гарипова, Шафранская 2022 – Garipova G.T., Shafranskaya E.F. *Sravnitel'noye literaturovedeniye: Metodologiya i praktika izucheniya russkoy*

literatury v sisteme komparativnogo analiza [Comparative Literature: Methodology and practice of studying Russian literature in the system of comparative analysis]. Vladimir, 2022. (In Russian).

Гоготishvili 2006 – Gogotishvili L.A. *Nepryamoye govoreniye* [Indirect speaking]. Moscow, 2006. (In Russian).

Иванова 2019 – Ivanova N.B. *Literaturnyy park s figurami i besedkoy: Izbiratel'nyy vzglyad na russkuyu prozu XXI veka* [Literary Park with figures and gazebo: A selective look at Russian prose of the XXI century]. Moscow, 2019. (In Russian).

Королев 2002 – Korolev A.S. *Zagadki pervykh russkikh knyazey* [The Riddles of the first Russian Princes]. Moscow, 2002. (In Russian).

Кузьмин 2003 – Kuz'min A.G. *Nachalo Rusi: Tayny rozhdeniya russkogo naroda* [The Beginning of Russia: The Secrets of the birth of the Russian people]. Moscow, 2003. (In Russian).

Лотман 2022 – Lotman Yu. *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside the Thinking Worlds]. Saint-Petersburg, 2022. (In Russian).

Никитин 2001 – Nikitin A.L. *Osnovaniya russkoy istorii: Mifologemy i fakty* [The Foundations of Russian History: Mythologems and Facts]. Moscow, 2001. (In Russian).

Никитин 1990 – Nikitin N.I. *Osvoyeniye Sibiri v XVII veke* [The development of Siberia in the XVII century]. Moscow, 1990. (In Russian).

Рощевская 1980 – Roshchevskaya L. *Pamyatniki i pamyatnyye mesta Tyumenskoy oblasti* [Monuments and memorials of the Tyumen region]. Sverdlovsk, 1980. (In Russian).

Русская литература 2013 – *Russkaya literatura v sisteme mezhkul'turnykh kommunikatsiy XXI veka: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya: Kollektivnaya monografiya* [Russian literature in the system of intercultural communications of the XXI century: current state and prospects of development: A collective monograph]. Tashkent, 2013. (In Russian).

Цветков 2011 – Tsvetkov S.E. *Russkaya zemlya. Mezhdru yazychestvom i khristianstvom: ot knyazya Igorya do syna ego Svyatoslava* [Russian land. Between Paganism and Christianity: from Prince Igor to his son Svyatoslav]. Moscow, 2011. (In Russian).

Поступила в редакцию 16.01.2024

ВАСИЛИЙ И ФАЗИЛЬ: ГЕНИЙ И МЕСТО

© **Авченко Василий Олегович** (2024), ORCID: 0000-0001-5697-7580, SPIN-код: 2297-4559, писатель, независимый исследователь (Владивосток, Россия), avchenko@yandex.ru

В 2024 году исполняется 95 лет со дня рождения Василия Шукшина (1929–1974) и Фазиля Искандера (1929–2016). Эта юбилейная дата является хорошим поводом не только для того, чтобы вспомнить обоих писателей, но и для того, чтобы сопоставить их творческие пути, найти в них общее и различное. Предлагаемое эссе, имеющее юбилейный характер, намечает те узловые моменты, которые, с одной стороны, позволяют говорить о художественной и биографической общности между Искандером и Шукшиным, а с другой – помогают осознать эстетическую уникальность каждого из них.

Ключевые слова: В. Шукшин, Ф. Искандер, шестидесятничество, деревенская проза.

Вряд ли можно найти писателя-современника, повлиявшего на Шукшина сильнее, чем Шолохов. Обе большие прозаические вещи Шукшина: «Любавины» о сибирской деревне 1920-х годов и «Я пришёл дать вам волю» о восстании Разина – очевидным образом отсылают и к «Тихому Дону», и к «Поднятой целине». В шукшинских рассказах упоминается дед Щукарь, а вдовья тётка Анисья перекочевала из «Поднятой целины» прямо в киноповесть «Живёт такой парень». Если в «Поднятой целине» в Гремячий Лог прибыл и мутит воду бывший белый офицер – поляк Лятевский, то в «Любавинах» в Баклань прибывает его двойник – тоже бандит, бывший офицер из поляков Закревский... Лебединой песнью актёра Шукшина стал Лопухин в бондарчуковской экранизации «Они сражались за Родину»; настоящим откровением для Василия Макаровича стала встреча там же, на съёмках, с Шолоховым. После этой встречи он решил бросить и столицу, и кино, – уехать в родные алтайские Сrostки и писать, писать... Сложно судить, удалось бы это ему или нет, потому что на тех же съёмках Шукшина не стало.

Сейчас, впрочем, хочется сказать о другом – о странных сближениях и неочевидных параллелях¹.

Кавказским двойником сибиряка Шукшина выступает Фазиль Искандер.

Оба – и Василий, и Фазиль – родились в 1929 году. Это поколение, едва-едва не попавшее на войну. Имя Фазиль – восточный вариант Василия. В 2000 году Искандер крестился в православную веру и в крещении стал Василием. По паспорту он был Фазильбей. А Шукшин долго носил материнскую фамилию – Попов, отцовскую взял лишь в 1947 году при получении паспорта.

У Искандера воевали и сидели дяди, а отца, по каким-то причинам не принявшего советского гражданства, выслали в Иран – на историческую родину, где он никогда не был. У Шукшина отца расстреляли по контрреволюционной статье, а отчим погиб на фронте.

Поступление Шукшина и Искандера в московские вузы у обоих стало авторским мифом. Во многих вариантах излагается приход абитуриента Шукшина во ВГИК в кирзовых сапогах и гимнастёрке и бравирование собственной мнимой малограмотностью. Искандер описал свои абитуриентские хлопоты в рассказе «Начало» [Искандер 1978], и там тоже присутствует самолюбие талантливого парня из далёкого края, отражены вечные наши провинциальные комплексы...

Но главное, что и роднит, и различает Шукшина с Искандером, – это, конечно, не анкетные данные, а созданный каждым художественный мир. Абсолютно узнаваемый, колоритный; неповторимо шукшинский и неповторимо же искандеровский.

Обоих сравнивали с Маркесом, Джойсом, Фолкнером... А абхазский Чегем и алтайские Сростки, соответственно, – с фолкнеровской Йокнапатофой, маркесовским Макондо и джойсовским Дублином. Когда-то дублинцы, говорят, обижались на Джойса, но теперь все претензии в прошлом. Джойс признан как «гений места» и даже с того света кормит Дублин. Претензии со стороны земляков были знакомы и Шукшину с Искандером. Но

¹ Читателю доступны подробные биографии и Шукшина [Варламов 2015], и Искандера [Гундарин, Попов 2022]. Настоящее эссе можно рассматривать как своеобразный «конспект» их параллельного жизнеописания.

теперь первый стал настоящим символом Алтая, а второй – Абхазии. И оба продолжают «продвигать» свои малые родины, привлекая туда всё новых гостей...

Говоря о Шукшине, обычно вспоминают его «чудиков», но у Искандера их никак не меньше.

Сквозной герой Шукшина – Разин – не был чужд и Искандеру. В «Человеке и его окрестностях» он пространно философствует по поводу песни «Из-за острова на стрежень...», там же мелькает и атаман Кудеяр из другой народной песни.

Шукшин противопоставлял город деревне, Искандер – патриархальный быт старого Чегема новым городским нравам. Шукшин говорил, что, перестав быть деревенским, по-настоящему городским он так и не стал: ощущал себя человеком, одной ногой стоящим на берегу, а второй – в лодке, плывущей по реке. То же мог сказать о себе и Искандер, ставший, подобно Шукшину, москвичом, но всю жизнь писавший об Абхазии, Мухусе-Сухуме и родном исчезнувшем Чегеме – потерянном рае.

Оба писали по-разному, по-своему. Но у позднего Шукшина, что интересно, появляется и сатира, его повесть-сказка «До третьих петухов» чем-то неуловимо напоминает искандеровских «Кроликов и удавов».

Искандер начинал как поэт. Шукшин тоже порой писал стихи, но мало, редко, даже, кажется, стеснялся их, однако при случае «вплавлял» в прозу как тексты неизвестного автора.

Искандер рос на южной окраине советской империи, на стыке стихий, границ и культур, среди греков, персов, турок... Шукшин – тоже почти на окраине, но совершенно иной. Он описывал Алтай и Чуйский тракт, за которым крылось чужое, непонятное: «Никто не знал, что там. Может, Монголия, может, Китай» [Шукшин 1998, 6–7]. У Шукшина, в отличие от Искандера, – абсолютно мооязычная и мононациональная среда: русские, которым и в голову не приходит задумываться о своей русскости, поскольку некому себя противопоставлять. Тем более они не думают о заграницах – тот свет и то кажется реальнее. Даже коренные алтайцы у Шукшина живут где-то далеко за кадром; упомянет он село с нерусским названием Онгудай или назовёт район «аймаком» – и на этом всё, экзотика кончилась. У Искандера, напротив, цветущее многообразие и многоязычие. И та самая экзотика, которая для него не экзотика даже (это для заезжих туристов), а просто сама жизнь.

И тот, и другой отдали дань – каждый по-своему – и шестидесятичеству, и «деревенской прозе», и оба не исчерпываются рамками никакого течения.

Искандера и Шукшина многое роднит. А что их отличает друг от друга?

Предложим такой вариант ответа: истоки. Климат и ландшафт, которые творят и «форматируют». Россия – страна северная и холодная, мороз заложен в саму её ДНК. Но если Шукшин и в Москве остался сибиряком, то Искандер принёс в русскую словесность кавказское солнце, тёплое Черноморье, золотое руно Колхиды.

Закон природы – избыточность: семян должно быть много, потому что большинство из них всё равно так или иначе пропадут. Из нескольких тысяч икринок должны вырасти всего две-три рыбины, и тогда популяция сохранится. Природа делает запас, создаёт множество вариантов и набросков. Что-то погибнет, а что-то уцелеет, окажется более удачливым или устойчивым – и выживет. Кажется, примерно то же решается где-то на небесах и с нашими гениями: какое-то семечко да взойдёт. В этом случае взошли и проросли оба – на Алтае и в Абхазии. Два драгоценных кристалла необъятной и непостижимой, как сама природа, русской литературы.

Источники

Искандер 1978 – Искандер Ф. *Начало* // Искандер Ф. Начало. Рассказы. Сухуми, 1978. С. 3–18.

Шукшин 1998 – Шукшин В.М. *Собрание сочинений в 6-ти книгах. Книга четвертая. «Любавины»: Роман.* М., 1998.

Литература

Варламов 2015 – Варламов А. *Шукшин.* М., 2015.

Гундарин, Попов 2022 – Гундарин М., Попов Е. *Фазиль.* М., 2022.

VASILY AND FAZIL: GENIUS AND PLACE

© **Avchenko Vasily Olegovich** (2024), ORCID: 0000-0001-5697-7580, SPIN-code: 2297-4559, writer, independent researcher (Vladivostok, Russia), avchenko@yandex.ru

2024 marks the 95th anniversary of the birth of Vasily Shukshin (1929–1974) and Fazil Iskander (1929–2016). This anniversary is a good reason not

only to remember both writers, but also to compare their creative paths, to find common and different things in them. The proposed essay, which has an anniversary character, outlines those key points that, on the one hand, allow us to talk about the artistic and biographical community between Iskander and Shukshin, and on the other hand, help to realize the aesthetic uniqueness of each of them.

Keywords: V. Shukshin, F. Iskander, the Sixties, rural prose.

References

(Monographs)

Варламов 2015 – Varlamov A. *Shukshin* [Shukshin]. Moscow, 2015. (In Russian).

Гундарин, Попов 2022 – Gundarin M., Popov E. *Fazil'* [Fazil']. Moscow, 2022. (In Russian).

Поступила в редакцию 26.02.2024

УДК 82

ВИКТОР СОСНОРА: ДЛЯ ВРЕМЕНИ И ВЕЧНОСТИ
(интервью с Татьяной Владимировной Соснорой)

© Болнова Екатерина Владимировна (2024), SPIN-код: 7779-0276, ORCID: 0000-0003-4956-642X, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), eka332@yandex.ru

Статья представляет собой интервью Татьяны Владимировны Сосноры, вдовы поэта и писателя Виктора Александровича Сосноры. В роли интервьюера выступает старший преподаватель ННГУ им. Н.И. Лобачевского Болнова Екатерина Владимировна. Виктор Александрович Соснора – масштабный поэт, писатель, заявивший о себе во второй половине XX века. Каждая его книга становилась событием в литературных кругах. Судьба В.А. Сосноры полна неожиданных поворотов и зигзагов. Т.В. Соснора является независимым исследователем, занимается сохранением наследия своего мужа. В интервью затрагиваются проблемы публикации ранее неизданных произведений, в том числе многочисленных дневников, а также критических статей и отзывов. Т.В. Соснора рассказывает о судьбе дневников второй жены В.А. Сосноры Нины Алексеевой, умершей после продолжительной болезни в 2009 г. Т.В. Соснора рассказывает об отношении В.А. Сосноры к критическим отзывам и рецензиям на его произведения. Раскрываются некоторые моменты, связанные с творческой лабораторией писателя. Говоря о владении В.А. Соснорой иностранными языками, вдова писателя проясняет и ход работы над переводами, которые он делал. В интервью затрагиваются и факты биографии писателя, касающиеся отца, матери, дяди, сестры, бабушки и других родственников, а также связанные с переездом В.А. Сосноры в Ленинград. Т.В. Соснора рассказывает о художественном кредо В.А. Сосноры, а также о его отношении к политическим вопросам.

Ключевые слова: В.А. Соснора, биография писателя, творчество писателя, архивные материалы, дневниковые записи, критические материалы.

Екатерина Болнова: В 2018 г. было опубликовано трехтомное собрание сочинений В. Сосноры [Соснора 2018]. Остались ли

неопубликованные тексты? Публикуются ли они после смерти Виктора Александровича?

Татьяна Соснора: Публикуются, но мало, так как Виктор Александрович опубликовал все, что хотел. В тот трехтомник, о котором Вы говорите, вошло то, что отобрал Соснора. Оставшиеся тексты он либо сам забраковал, либо сжег когда-то, либо оставил в архиве, но публиковать запретил. В семье Эрнста Яновича Олещука, друга Виктора Александровича со времен службы в армии, хранится папка со стихами, на которой позже, в 1990 году, Виктор Александрович написал: «Всё, что в этой папке я разрешаю продать в любое время суток, но запрещаю публиковать». Но в 2011 году мы нашли с Виктором Александровичем целую папку с машинописью. Это тексты, которые он писал в 1997–99 гг., поток сознания на разные темы. Прочитав их, Виктор Александрович разрешил опубликовать их сначала в «Знамени» [Соснора 2012], а потом эти тексты составили «Диски безнадежности». Самая большая проблема с публикацией неизданных произведений заключается в отборе материала. Сложно понять, что стоит публиковать для читателей, а что стоит оставить для академических изданий, чтобы не нарушить волю Виктора Александровича. Есть желание опубликовать критические отзывы и рецензии самого Сосноры. Он писал интересные разборы стихов, которые присылали в «Аврору», «Звезду». Есть в планах и издание воспоминаний друзей, коллег, учеников о Сосноре. Книга должна выйти в ближайшее время. Работа была проделана очень большая, и она движется к завершению.

ЕБ: Есть ли в планах публикация дневников Виктора Александровича, которые хранятся в ЦГАЛИ и РНБ?

ТС: Проблема в том, что часть дневников не описана. И судьба далеко не всех из них известна. Подготовка дневников к изданию – гигантская работа. Требуются комментарии, требуется установление хронологических рамок. Пока эта работа еще не ведется. Сейчас мне очень важно собрать все, что осталось на руках у друзей и знакомых Виктора Александровича. Многие из них делятся рукописями. Дело в том, что Соснора в молодости очень любил рассылать рукописи друзьям: делал копии и отправлял. Сбор этих материалов является сейчас первостепенной задачей для меня. Еще Виктор

Александрович хотел найти произведение «Мальчик-Спальчик»¹. Это раннее произведение, в котором описана жизнь на Кубани. Я нашла текст в одном из архивов, но рукописные варианты, которые там хранятся, явно не окончательные. Там есть разночтения в именах, другие различия. Надо продолжать поиски в архивах друзей Виктора Александровича, он, вероятно, тоже этот рассказ перепечатывал. Возможно, у кого-то есть машинопись. Но у Лили Брик в архиве, к сожалению, этого текста нет.

Часто обращаются редакторы журналов с просьбой предоставить неизданные тексты. Но я стараюсь подходить к публикации неизвестных текстов и писем с умом, чтобы не пойти вразрез с желанием самого Сосноры, как уже было сказано. Письма и дневники необходимо комментировать. Например, переписку с Лилей Брик комментировал А.Ю. Арьев [Ананко 2012], и даже ему это было непросто – он тоже допустил несколько ошибок. Хотя в то время Виктор Александрович был еще жив и потом обнаружил в комментариях неточности. В частности, в отчестве второй жены Нины Алексеевой.

ЕБ: Он ее в дневниках называл Ны?

ТС: Возможно. В «Книге Пустот» она фигурирует как Ло Ш. Ее дневники тоже сохранились, и они изданы в Новосибирске силами друзей Виктора Александровича (Александр Раппопорт, Евгений Шурыгин и Анатолий Грицюк). Они есть и в свободном доступе в интернете на сайте М. Армалинского. Почти весь тираж пока лежит дома у Сосноры, хотя книга была издана в 2010 году [Алексеева 2010]. Издали ее хорошо и с большой любовью, но без уникального номера книжного издания, получается, что книга представляет собой самиздат. Соснора хотел исправить ситуацию, но не сумел придумать как. По его просьбе я занималась перепечатыванием дневников Нины Алексеевой. Соснора неоднократно пытался опубликовать их через разные издательства, но получал отказ. Затем он обратился к М. Армалинскому в США, надеясь, что получится издать там, но получилось опубликовать только на сайте. Потом уже друзья в Новосибирске помогли книгу издать.

ЕБ: Соснора не собирался издать дневники Нины Алексеевой в качестве приложения к своим дневникам?

¹ Название является авторским.

ТС: Соснора был уверен, что это хорошие женские дневники. Ему было важно, чтобы ее тексты были восприняты читателем как самостоятельные произведения. Петербургский издатель Олег Николаевич Дмитриев хотел сделать совместную книжку Сосноры и Нины, но Виктор Александрович не согласился. Ему важно было, чтобы это была именно книга Нины, он считал ее самостоятельным автором.

ЕБ: Было ли Виктору Александровичу важно мнение критиков о его творчестве?

ТС: Конечно, ему это было важно, но Виктор Александрович многие вещи обыгрывал, относился к критике с изрядной долей юмора. Далеко не все он читал, а то, что читал, в последние годы редко комментировал. Это касалось и литературоведческих работ. Однажды мы были в Доме творчества писателей летом, и Елена Новикова, его ученица, показала Виктору Александровичу несколько статей, посвященных его творчеству. Статьи Евгении Сусловой [Суслова 2013], Аллы Горбуновой [Горбунова 2014]. Виктор Александрович очень обрадовался, что о нем пишут молодые и симпатичные исследовательницы. Он вдохновился, что интересен молодым ученым, ведь думал, что он забыт. И буквально произнося эти слова, он разрывал распечатанные статьи на мелкие кусочки и бросал их в мусорку.

ЕБ: То есть он не прочитал их?

ТС: Думаю, что прочитал, но не стал обсуждать и как-то комментировать. Он радовался, что интересен молодежи. Еще один интересный случай произошел в единственную встречу Виктора Александровича с Игорем Лощиловым, который передавал ему гостинцы из Новосибирска. Игорь Лощилов тогда плотно занимался Николаем Заболоцким и рассказывал об этом Сосноре. Виктор Александрович «предсказал», что ученый еще будет комментировать самого Соснору. Конечно, ему было важно, что его изучают, что о нем пишут.

ЕБ: Как Виктор Александрович относился к негативным отзывам? Болезненно?

ТС: Я такого не могу припомнить в последние годы жизни Виктора Александровича и не знаю, как дело обстояло в молодости. Однако судя по тому, что на ранние произведения часто поступали отрицательные рецензии, но Соснора продолжал писать то, что считал нужным, это на него не влияло сильно. Конечно, надо

смотреть, что он писал близким в письмах по этому поводу. Думаю, сильнее его расстраивало, что его не печатали или печатали не то, что бы он хотел, цензурировали, печатали не так часто. Виктор Александрович умел с юмором относиться к критике, не держал обиды.

ЕБ: На книгу «Властители и судьбы» поступало много отрицательных отзывов, рецензий. Виктор Александрович их сохранил и сдал в архив. Почему?

ТС: Однажды мы шли с ним по кладбищу в Комарово и увидели могилу историка Семена Бенциановича Окуня. И Виктор Александрович сказал: «Вот, Окунь! Я ему однажды говорю: “Ты килька, а не окунь!” – потому что он про меня разгромную рецензию написал». То есть Соснора с юмором относился к таким рецензиям. Конечно, Виктору Александровичу было тяжело, что книгу никак не печатают. Он писал Даниилу Гранину и просил помочь с публикацией, потому что ее все время отодвигали.

ЕБ: Какими иностранными языками владел Соснора и на каком уровне?

ТС: Сам Виктор Александрович в разных интервью по-разному отвечал на этот вопрос. Судя по всему, он мог понимать украинский, мог понимать польский, поскольку отец был поляк и Виктор Александрович какое-то время жил в среде, где этот язык использовался. Немного знал эстонский язык, поскольку жил там некоторое время. Виктор Александрович говорил, что знал немецкий благодаря своей бабушке, но это может быть поставлено под сомнение. Немецкий знала его первая жена Марина, которая писала диссертацию или диплом по Клопштоку и потом преподавала немецкий язык в инженерно-строительном институте, то есть языком она владела профессионально. Французский знала Нина Алексеева, она его выучила специально, чтобы уметь общаться с носителями языка в поездках во Францию. Английский тоже знала она и помогала Сосноре в работе над переводом текстов Аллена Гинзберга. Но этот перевод критиковали в том числе и за неточности в области языка. Сам Виктор Александрович любил рассказывать, что в детстве он переводил немецких поэтов, в том числе Гете, на уроках немецкого языка. Но это может быть и мифотворчеством Виктора Александровича.

ЕБ: Как Соснора писал? От руки, на машинке, долго ли работал над одним текстом, как вносил правки? Работал ли параллельно над несколькими текстами или все внимание сосредотачивал на одном?

ТС: К сожалению, творческий процесс я не видела. В последние годы Виктор Александрович писал дневники, письма. При мне он писал речь, с которой выступал на вручении премии «Поэт». Выглядело это так: Соснора долго не мог ее написать, ходил, мучился, никаких черновиков при этом не писал, предлагал даже мне написать за него. А потом сел и написал речь в один момент. Сразу чистовой вариант. Тоже самое было в 2014 году, когда в журнале «Дилетант» вышла статья Дмитрия Быкова* про Василия Аксенова [Быков 2014]. Сосноре она очень не понравилась, он считал, что Дмитрий Быков в статье не прав, и собрался писать отзыв, находясь в Комарово. Он попросил приготовить белые листы формата А4 и черные гелевые ручки. И, действительно, когда мы приехали в Комарово, он сел за абсолютно пустой стол, где лежали только бумага и ручки, и сел писать, без черновиков, без набросков, набело. Отзыв Соснора написал на 4 листах, которые и сейчас лежат дома, но публиковать нигде не стал.

Он любил писать дневники и говорил, что это его подспорье. Дневники он потом перерабатывал. В 2012 году, находясь в больнице, Виктор Александрович вел дневник, в котором описывал то, что с ним происходило. Получился симпатичный текст, небольшой по объему, но цельный. Он был создан также без исправлений, за один раз. Пока этот текст также не опубликован.

То есть я была свидетелем того, что Виктор Александрович долго вынашивает текст в голове, а потом набело пишет. То же самое с письмами. При мне он письма не правил. У меня есть сканированный в 2006 или 2007 году Еленой Новиковой по просьбе самого Сосноры дневник, писавшийся с большими перерывами с 1990-х по 2006 годы. Там были «Мотивы Феогида», которые он начал писать в 2003 году. В дневнике фрагменты, отрывки. Потом он работу над циклом забросил на какое-то время и вернулся к ней в 2004 году. Также дома лежит машинопись, уже мало отличающаяся от окончательного опубликованного варианта. Небольшие

* Дмитрий Быков признан иноагентом Минюстом РФ.

исправления коснулись пунктуации и некоторых слов. То есть этот цикл он писал от руки несколько раз, потом была машинопись, которую он также правил.

Друзья вспоминают, что в 50-е годы Соснора писал от руки, когда не было печатной машинки. В комнате Виктора Александровича висели бельевые веревки, на них он развешивал варианты, на которые смотрел и решал, как лучше написать. Потом он, будучи эстетом, переписывал стихи блестящей черной тушью от руки. И такие рукописи сохранились в РНБ. Конечно, было много машинописи. В конце 60-х – начале 70-х, по воспоминаниям друзей, он мог всю ночь стучать на машинке, якобы даже не правя.

Но в целом даже по «Мотивам Феогида» видно, как сначала появляются отдельные фразы, фрагменты. Сначала в дневнике фигурировало название «Мотивы античности», которое потом он изменил.

При мне Виктор Александрович параллельно над несколькими текстами не работал, но были продуктивные годы, например, 60-е, когда он писал много прозы и стихов. Возможно, что-то из этого создавалось параллельно. При этом многое из написанного не издавалось, например, притчи.

ЕБ: Как Соснора писал: текстами, циклами, книгами?

ТС: Соснора часто повторял в интервью, что пишет книгами и читать его необходимо так же. Его удручало, что в советское время только «Всадники» были изданы полностью, все остальное было надергано из разных книг. Тем самым разрушалась целостность восприятия. Несмотря на то, что Виктора Александровича хорошо издавали, немалыми тиражами, это было непросто: приходилось мириться с цензурой, Соснора переживал по этому поводу. Небольшую книгу «Аист» не могли издать восемь лет. Я нашла материалы, связанные с публикацией. Книга всего 20 страничек (точнее, конечно, не 20 страничек, а 80, но это книжечка размером чуть больше ладони, а переплет в виде пары скоб-скрепок), но вокруг нее было сломано много копий. Хотелось бы даже опубликовать эту историю. Есть протоколы заседаний, на которых защищали и ругали Соснору. Есть рецензии. Надеюсь, скоро эта история будет описана. Сейчас над этим работают новосибирские литературоведы Евгений Игоревич Лощилов и Татьяна Ивановна Ковалева.

ЕБ: Как у Сосноры появлялись творческие задумки, планы? Что ложилось в основу: факт жизни, впечатление, настроение, чужой текст, художественная задача?

ТС: Почти все, что писал Соснора, вырастало из дневников. Это события жизни, переработанные в художественный текст. Это касается, например, и цикла «Мой милый», в основе которого личная история. От ранних текстов до поздних этот принцип не меняется. В основе лежат события, факты, впечатления самого Сосноры. Виктор Александрович не скрывал биографическую основу, но и не выставлял напоказ, поэтому многие факты известны со слов друзей, близких людей. В «Дне зверя» много биографических аспектов, связанных с историей его взаимоотношений с первой женой (Мариной). Однако не стоит воспринимать его книги как автобиографические: в них многое переосмыслено, дописано, вымышлено. Духовное прощание с Мариной отразилось и в более позднем цикле, написанном в Париже.

Что касается произведений на исторические темы, то это результат огромной работы Виктора Александровича в архивах и библиотеках, изучения литературных и исторических источников и различных исследований, множества книг. В 1968 году – а в этом году был написан основной корпус исторической прозы – Соснора писал Лиле Брик: «Попытался уйти в историю, обложился тремястами книгами про Державина и Екатерину...».

ЕБ: В чем смысл многочисленных отсылок к чужим произведениям в текстах Сосноры?

ТС: В творчестве Сосноры много отсылок к чужим произведениям, даже в заглавиях. Например, книга «Куда пошел? И где окно?» и другие. Сам Соснора не рассуждал об этом при мне, но книги были очень важны в его мире. Книги создавали то пространство, в котором он жил.

ЕБ: Как Соснора познакомился с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым и Николаем Асеевым? Часто фигурирует рассказ о том, что Асеев позвонил Сосноре, прочитав его книгу. Насколько это соответствует действительности?

ТС: Да, действительно, стихи Николаю Асееву передал Борис Абрамович Слуцкий, и Асеев начал искать Соснору, поскольку стихи произвели на него сильное впечатление. А к Лихачеву обратился уже Асеев. Сохранилась их переписка о Сосноре в книге

воспоминаний об Асееве. Асеев просит прочитать стихи молодого поэта и очень радуется, что Лихачев разделяет мнение самого Асеева о таланте Соснора.

Соснора приехал к матери в 1954 году в Ленинград, окончив школу во Львове. В это время он уже писал стихи и в Ленинграде начал ходить в ЛИТО. Когда он ушел в армию, к нему туда уже ездили Яков Гордин и другие ребята из ЛИТО, они переписывались. Он был в ЛИТО Давида Дара и ЛИТО Глеба Семенова, но ни там, ни там он надолго не задержался, хотя со всеми перезнакомился и был сразу тепло принят. Он сразу подружился с Гординым, со своей первой женой Мариной был свидетелем на его свадьбе. Никаких связей на высоком уровне у него не было, хоть и ходили слухи, что Соснора был любимым племянником Молотова, но это, конечно, легенда, которую сам Соснора многократно обыгрывал.

ЕБ: Соснора после 1954 жил все время в Ленинграде?

ТС: Соснора родился в Алупке, но сразу после его рождения семья вернулась в Ленинград. Первые годы жизни и в начале блокады он жил на Невском, дом 61. В комнату на Стремянной улице мать Виктора Александровича перебралась в первых числах января 1944 года. Там же, на Стремянной, семья воссоединилась в 1945-м. Мать работала на Невском машиностроительном заводе, куда в 1954 году и помогла устроиться Сосноре. Во время блокады мать отдала детей в детский дом – это спасло им жизнь. Виктора Александровича вывез из блокадного Ленинграда дядя, Петр Соснора, а сестра прожила в детдоме все военные годы, и забрал ее оттуда отец после победы².

² Татьяна Соснора предоставила данные собственных изысканий, основанные на выписках из домовых книг по указанным адресам:

Адрес: пр. Двадцать пятого Октября (Невский пр.), д. 61, кв. 22.

Соснора Александр Иванович (отец). Прибыл 14.05.1933 (судя по домовую книге, с 1933 года здесь перебивала и время от времени жила вся семья отца: и брат, и сестры). Выбыл в 1941 в Красную армию.

Горовацкая Хава (Ева) Вульфовна (мать) прибыла 02.07.1935. Переменила фамилию на Соснора 05.10.1936 (?).

Выбыла 02.04.1942 г. на новый адрес — пр. Двадцать Пятого Октября (Невский пр.) д. 53, кв. 3.

Соснора Виктор прибыл 28.06.1936, а вот убыл — вопрос. У меня в черновичках написано «02 апреля 1942», но нет сведений — куда.

ЕБ: Виктор Александрович много писал о цирковом прошлом своей семьи – удалось что-то достоверно выяснить об этой стороне жизни Сосноры?

ТС: Вся большая семья отца Сосноры (он, его брат Петр и две сестры) – это были фанатичные физкультурники. Они занимались спортом, возможно, создали и труппу, но я не думаю, что это было основным местом работы. Когда я смотрела биографию Петра Сосноры, написанную им при подаче заявления на вступление в партию, то отметила, что он работал в разных организациях в должностях, связанных со спортом, но цирк в этом перечне не значился. Кстати, очень интересный момент связан с подписью Петра Сосноры. Виктор Александрович ее видеть в сознательном возрасте не мог, но его собственная подпись очень похожа на подпись Петра Сосноры.

Виктор Александрович говорил, что труппа отца называлась «Четыре Соснора четыре» (или «4 – Соснора – 4»). Хотя Соснора и упоминал, что его мать связана с цирком, подтверждений этому пока найти не удалось. Точно известно, что она работала на заводе в разных должностях, во время войны она занимала должность начальника отдела кадров. Ева Вульфовна любила читать и, по словам сестры Виктора Александровича, была убежденной коммунисткой. Ее исключили из комсомола за сокрытие социального происхождения, но в войну приняли обратно – конечно, уже не в комсомол, а в партию.

Сестра Виктора Александровича в 90-е годы переехала в Германию, а потом уже перебралась в Израиль, где и живет сейчас вместе с одной из дочерей. Вторая племянница Виктора Александровича живет в Санкт-Петербурге.

Скорее всего, таких сведений не было и в домовоей книге. В доме 53 Виктор Александрович не появлялся.

Может быть, Виктор Александрович прав и в дом 61, действительно, попала бомба, и матери пришлось именно по этой причине перебраться в дом неподалеку.

По новому адресу Ева Вульфовна прожила с 02.04.1942 по 03.01.1944.

На Стремянную ул., д. 2 кв. 12 Ева Вульфовна переехала 03 января 1944 года.

ЕБ: Главным героем рассказа «Человек и лошадь» является Самуил Шихель. Видимо, его прототипом был кто-то из друзей Виктора Александровича. Это так?

ТС: Да, Григорий Шихель, он эмигрировал в Америку. Там они встречались с Виктором Александровичем, когда тот приезжал в США. Есть совместное фото оттуда и видео, которое нашла Дарра Гольдштейн. Аллен Гинзберг снимал домашнее видео, на которое попал Соснора вместе с Шихелем. Шихель переводил Сосноре с английского. Дарра Гольдштейн не просто нашла видео, но и написала прекрасный материал для книги о Сосноре, в котором рассказала о его поездке в Америку. В последние годы жизни Виктор Александрович пытался разыскать Шихеля, но не смог этого сделать.

Когда Виктор Александрович вспоминал свое детство во Львове, он рассказывал и про Шихеля, называя его чаще всего Буром Великим. Но про лошадей и скачки он ничего не говорил. Рассказывал историю, что Бур Великий, не умея плавать, на спор прыгнул с вышки, а Соснора, испугавшись за него и переволновавшись, бросился к нему и порезал расческой, которую держал в руках. В рассказах Виктора Александровича Бур Великий держался несколько особняком от компании. Он дружил со всеми, но был беднее, учился в другой школе. Хотя и сам Соснора жил небогато. Ходил в одном спортивном костюме. Отец Виктора Александровича был чиновником, но не считал, что детей нужно баловать. Виктор Александрович много времени проводил у друзей. Кроме Бура Великого, в компанию входили Виктор Курсанов, Виктор Сумин и Игочка Домнин. Виктору Курсанову отец покупал книги, костюмы, пластинки, и друг делился всем с Соснорой. С Виктором Суминым они фехтовали. У Виктора Александровича была детская влюбленность в мать Игочки, которая замечала это и старалась накормить лишний раз Соснору, угостить чем-то. Игочка, по рассказам Сосноры, был нежным, трепетным мальчиком, играющим на рояле, не уличным.

ЕБ: Виктор Александрович выезжал за границу?

ТС: Он очень много ездил. В первую очередь, благодаря Лиле Брик: она устроила поездку во Францию для нескольких писателей в 1965 году. Должна была ехать Ахматова, но она не поехала. Поехали Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Леонид Мартынов, Виктор Соснора и другие поэты. Лиля Брик посылала Эльзе Триоле

тексты, в том числе тексты Сосноры, просила их опубликовать. В 1963–65 гг. были опубликованы стихи Сосноры во Франции. Потом появилась Сюзанна Масси, которая Соснору, Горбовского, Бродского, Кушнера и Кузьминского в 1972 году опубликовала в Нью-Йорке в книге «Живое зеркало» [Massie 1972]. Стихи поэтов были опубликованы с предисловиями Сюзанны и в переводе Макса Хейворда, Джорджа Клайна и Сюзанны Масси.

Виктор Александрович с писательской делегацией ездил в Италию. Был в Варшаве, Праге. Был в 1987 году в Америке. Эту поездку организовали Дарра Гольдштейн и Аллен Гинзберг. Потом, в 1990 году, он еще раз ездил в Америку. В 1994 году Виктор Александрович три месяца жил в Марселе. В 1996 году он ездил в Германию. Несколько раз Виктор Александрович ездил в Белград, в Советскую Югославию. Был он и в Турции. Ездил в Швецию. То есть Соснора много поездил по миру.

ЕБ: В этих поездках перед какой аудиторией он выступал?

ТС: Перед самой разной. Организовывались вечера, встречи. В 1979 году его приглашали в Париж, в университет Венсен-Сен-Дени, он выступал в нескольких местах, в том числе перед эмигрантами первой волны и их потомками. Сохранились записи, воспоминания. Они будут опубликованы в книге в скором времени.

ЕБ: Каковы были взаимоотношения Сосноры с религией?

ТС: Его отпевали в католическом храме, но с богом у него были непростые отношения. Он мог с ним общаться на равных, мог показать кулак, а мог и сказать, что «там» ничего нет, нет никаких встреч. Но католиком Соснора ощущал себя всю жизнь. Его крестил, вероятнее всего, дед по отцовской линии. Его отец был крещен в католическом храме в городе Луга, возможно, там же крестили и Виктора Александровича. Соснора праздновал католическое рождество, но при этом не в пику православным праздникам, а по внутреннему мироощущению.

ЕБ: Как к этому относилась мать и родственники по материнской линии, у которых корни еврейские?

ТС: Виктор Александрович рассказывал, что когда в 18 лет его на вокзале в Ленинграде встретила мать, то предупредила, чтобы он не указывал свое еврейское происхождение по материнской линии, поскольку времена были сложные. А сам себя Виктор Александрович относил к полякам, именно эта национальность указана в документах.

ЕБ: Как с этим связана «еврейская» тема в рассказе «Человек и лошадь», в котором главный герой бьет всех, кто называет его евреем, настаивая, что он русский?

ТС: Шихель был оскорблен тем, что его называли евреем. Когда мы только познакомились с Виктором Александровичем и подолгу гуляли вместе, он смеялся над тем, что говорит только о евреях. Хотя в нем не было никогда ни семитизма, ни антисемитизма. Зная в себе еврейскую кровь, он мог позволить себе шутки на данную тему, хотя от других бы мог и не потерпеть. Конечно, еврейская тема им неоднократно затрагивалась. Он рассказывал, что его во время оккупации в гестапо забирали как еврея. В Архангельске его дразнили за еврейское происхождение, и он украл у отца револьвер, чтобы поквитаться с обидчиками. Никто, конечно, не пострадал. Отец поддержал сына, но револьвер после этого случая утопил. Во всех документах у Виктора Александровича было написано, что он поляк. Петр Соснора, его дядя, отвечая на вопросы анкеты на вступление в партию, указал, что по отцу происходит из древнего польского рода. Поскольку Виктор Александрович воспитывался в семье отца, он ощущал себя в большей мере поляком. У них была очень крепкая и дружная семья: два брата и две сестры (то есть, отец, дядя и две тети Сосноры) постоянно общались, поддерживали связи.

ЕБ: Как Соснора относился к политическим вопросам, к политическим катаклизмам?

ТС: Соснора старался быть вне политики. Все, что он говорил, он говорил с большим юмором. Он настаивал, что не был диссидентом, он не занимается политикой. Его дело было писать стихи. Конечно, определенный внутренний конфликт с советской властью был, но в конце жизни Виктор Александрович мог огоршить знакомых заявлением о том, что при коммунизме очень хорошо жилось, что коммунисты ему ничего плохого не сделали. Было трудно понять, говорит ли он серьезно, шутит или специально пытается шокировать собеседников. Сам он никогда не позиционировал себя жертвой режима. У Виктора Александровича было очень много самоиронии, он с юмором относился ко всему, что происходило и в его жизни, и в мире. Это его спасало от обид, от мелочности и выяснения отношений. Соснора старался держаться дальше от политики и от споров о ней. Это не было ему интересно.

ЕБ: Почему Соснора не стал защищать диплом, хотя и проучился несколько лет на философском факультете Ленинградского университета? Есть мнение, что это было связано именно с его внутренним несогласием с советским строем [Риц 2019].

ТС: Я думаю, ему это просто не нужно было, не интересно. Он не был прилежным студентом и не искал знаний в университете, получая их из книг, из общения с людьми. По крайней мере, Соснора никогда не вспоминал о том, что в университете чувствовал идеологическое давление.

ЕБ: Соснора в одном из интервью упоминал, что еще во Львове открыл для себя произведения древнерусской литературы. Какие книги помогли ему это сделать?

ТС: В разное время разным людям Виктор Александрович рассказывал разные версии. По одной из них во Львове были перепечатки летописей, репринтные издания древнерусских текстов в личных библиотеках Курсанова и Сумина. Родители мальчиков собирали, как я уже отмечала, не только интересные книги, но и пластинки. Иногда он говорил, что древние рукописи ему читала бабушка Ульяна (по отцовской линии), – это были первые письменные тексты, которые вообще читали Сосноре. Но речь, вероятно, шла именно о репринтных изданиях.

Не надо забывать, что Виктор Александрович любил шокировать и удивлять собеседников необычными заявлениями. Он был не только крупным поэтом, но и интересной, масштабной личностью, не укладывающейся в узкие рамки обыденности.

Источники

Алексеева 2010 – Алексеева Н. *Прости ты меня, свет белый. Дневники 1998–2009*. Новосибирск, 2010.

Ананко 2012 – Ананко Я. *Переписка Виктора Сосноры с Лилей Брик* // Звезда. 2012. № 1. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=5024> (дата обращения 28.01.2024).

Соснора 2012 – Соснора В. *Диски безнадежностей* // Знамя. 2012. № 9. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=5024> (дата обращения 28.01.2024).

Соснора 2018 – Соснора В. *Стихотворения. Первая проза. Вторая проза*. СПб., М., 2018.

Massie 1972 – Massie S. *The living mirror; five young poets from Leningrad*. Garden City, N.Y., Doubleday, 1972.

Литература

Быков 2014 – Быков Д. *Портретная галерея Дмитрия Быкова. Василий Аксенов* // Дилетант. 2014. № 4. С. 88–92.

Горбунова 2014 – Горбунова А. *В саду поэтической утопии: Виктор Александрович Соснора (род. в 1936 г.)* // Литературная матрица. Советская Атлантида. СПб., 2014. URL: <https://prochtenie.org/passage/27344?ysclid=lrnx3sja82978769649> (дата обращения 28.01.2024).

Риц 2019 – Риц Е. *Поэт в своём отечестве* // Jewish.ru. URL: <https://jewish.ru/ru/people/culture/190219/?ysclid=lrens7zldq292153357> (дата обращения 28.01.2024).

Суслова 2013 – Суслова Е. *Виктор Соснора: Corpus* // НЛО. 2013. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2013/5/viktor-sosnora-corpus.html?ysclid=lrnx177v3o595571397> (дата обращения 28.01.2024).

VICTOR SOSNORA: FOR TIME AND ETERNITY (interview with Tatiana Vladimirovna Sosnora)

© **Bolnova Ekaterina Vladimirovna** (2024), ORCID: 0000-0003-4956-642X, SPIN-code: 7779-0276, PhD in Philology, senior lecturer, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (23 Prospekt Gagarina (Gagarina Avenue), Nizhnij Novgorod, 603950, Russian Federation), eka332@yandex.ru

The article is an interview with Tatiana Vladimirovna Sosnora, the widow of the poet and writer Viktor Alexandrovich Sosnora. Ekaterina Vladimirovna Bolnova, senior lecturer at Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, acts as an interviewer. Viktor Alexandrovich Sosnora is a large-scale poet, writer, who rose to fame in the second half of the 20th century. Each of his books became an event in literary circles. The fate of V.A. Sosnora is full of unexpected twists and turns. T.V. Sosnora is an independent researcher who is engaged in preserving her husband's legacy. The interview touches on the problems of publishing previously unpublished works, including numerous diaries, as well as critical articles and reviews. T.V. Sosnora talks about the fate of the diaries of V.A. Sosnora's second wife Nina Alekseeva, who died after a long illness in 2009. T.V. Sosnora tells us about V.A. Sosnora's attitude to critical feedback and reviews of his works. Some points related to the creative laboratory of the writer are revealed. Speaking about V.A. Sosnora's mastery of foreign languages, the writer's widow also clarifies

the progress of work on the translations that he did. The interview also touches on the facts of the writer's biography concerning his father, mother, uncle, sister, grandmother and other relatives, as well as those related to V.A. Sosnora's relocation to Leningrad. T.V. Sosnora talks about V.A. Sosnora's artistic credo, as well as his attitude to political issues.

Keywords: V.A. Sosnora, biography of the writer, creativity of the writer, archival materials, diary entries, critical materials.

References

(Articles from Scientific Journals)

Быков 2014 – Bykov D. *Portretnaya galereya Dmitriya Bykova. Vasiliy Aksenov* [Portrait Gallery of Dmitry Bykov. Vasily Aksenov]. *Diletant*, 2014, no. 4, pp. 88–92. (In Russian).

Ритц 2019 – Rits E. *Poet v svoym otechestve* [A poet in his homeland]. *Jewish.ru*. Available at: <https://jewish.ru/ru/people/culture/190219/?ysclid=lrens7zlqd292153357> (accessed 28.01.2024). (In Russian).

Суслова 2013 – Suslova E. *Viktor Sosnora: Corpus* [Victor Sosnora: Corpus] // *NLO*, 2013, no. 5. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2013/5/viktor-sosnora-corpus.html?ysclid=lrnx177v3o595571397> (accessed 28.01.2024). (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Горбунова 2014 – Gorbunova A. *V sadu poeticheskoy utopii: Viktor Aleksandrovich Sosnora (rod. v 1936 g.)* [In the Garden of poetic utopia: Viktor Alexandrovich Sosnora (born in 1936)]. *Literaturnaya matritsa. Sovetskaya Atlantida* [The literary matrix. Soviet Atlantis]. Saint-Petersburg, 2014. Available at: <https://prochтение.org/passage/27344?ysclid=lrnx3sja82978769649> (accessed 28.01.2024). (In Russian)

Поступила в редакцию 23.01.2024

УДК 82

**«К ГОЛОСУ ВАШЕМУ ПРИСЛУШИВАЕТСЯ
ЧИТАЮЩАЯ РОССИЯ: ЯВИТЕ ЖЕ ЕЙ МЕНЯ!»
(ПЕРЕПИСКА БОРИСА САДОВСКОГО
С АЛЕКСАНДРОМ ИЗМАЙЛОВЫМ
И ЕЕ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ)**

© Изумрудов Юрий Александрович (2024), ORCID: 0000-0001-8945-4786, SPIN-код: 2178-5120, доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), izumrud.nnov@mail.ru

В соответствии с планами подготовки научного собрания сочинений и научной биографии Б.А. Садовского продолжается изучение его петербургских литературных контактов. Настоящая статья посвящается практически неисследованному вопросу о взаимоотношениях Садовского с Александром Алексеевичем Измайловым, заведующим литературным отделом газеты «Биржевые ведомости», критиком-фельетонистом, прозаиком, поэтом. Личному знакомству Садовского с Измайловым предшествовали их печатные характеристики творческой индивидуальности друг друга. Садовской опубликовал в 1911 году рецензию на сборник литературно-критической прозы Измайлова «Литературный Олимп». Измайлов в этом же году напечатал пародию на концептуально важное стихотворение Садовского «Прадед». И, хотя пародия, возможно, не могла устроить Садовского своей идейной направленностью, тем не менее сыграла для него определенную благотворную роль, ибо прибавляла ему известности, популярности, узнаваемости. Так, в советские годы, когда Садовской практически не издавался, измайловская пародия, включавшаяся в антологии произведений соответствующего жанра, напоминала о его имени и стихах. Личное знакомство Садовского и Измайлова произошло в 1913 году. Садовскому было очень важно установить связи с влиятельным критиком. Это могло помочь ему утвердиться в столичном литературном мире, добиться истинного признания его художнических способностей, которые, по его мнению, критика мало ценила. Измайлов написал о Садовском в нескольких статьях, подчеркнул его несомненную писательскую одаренность. При посредстве Измайлова Садовской обрел постоянное сотрудничество с «Биржевыми ведомостями» – одной из крупнейших газет в России в начале XX века. Выходившие в ней тексты Садовского почти не

знакомы современным исследователям и читателям и нуждаются во введении в научный оборот. В статье дается первая публикация переписки Садовского и Измайлова, с соответствующим комментарием. Также впервые печатается письмо Л.Н. Андреева Садовскому. В Приложениях воспроизводятся тексты не переиздававшихся с момента первой публикации в дореволюционной прессе статей Садовского и Измайлова.

Ключевые слова: Б.А. Садовской, А.А. Измайлов, Л.Н. Андреев, пародия, «Биржевые ведомости».

Мы уже писали в «Палимпсесте» о столичных литературных контактах Бориса Садовского на примере его сотрудничества с альманахом «Петербургские вечера» [Измурдов 2022]. В настоящей статье продолжаем данную тему и обращаемся к практически неисследованному вопросу о взаимоотношениях Садовского с Александром Алексеевичем Измайловым, заведующим литературным отделом газеты «Биржевые ведомости», критиком-фельетонистом, прозаиком, поэтом.

Измайлов был влиятельной фигурой в литературном мире предреволюционной России. Его читали, к его оценкам прислушивались, знакомством с ним дорожили.

К сожалению, в советские годы, да, по сути, и до конца XX столетия его имя оказалось в забвении. Но в текущем веке наметился серьезный интерес к наследию Измайлова¹. Его авторитетнейший исследователь, профессор Санкт-Петербургского университета Е.В. Хворостьянова, подготовившая безупречное в научном отношении современное издание его главной книги пародий «Кривое зеркало» (2002), так, с замечательной образностью, лаконичностью, обрисовала портрет автора: «Он был свидетелем и непосредственным участником бурной литературной и театральной жизни 1890–1910-х годов – эпохи крушения идеалов и переоценки прежних ценностей. В пестрой картине Серебряного века, когда почти каждый год приносил с собой новые течения, имена, очередные размежевания и объединения, когда “литературное сектантство” сменялось, по выражению К. Чуковского, “приятным многобожием”, а популярность Александра Блока едва ли не

¹ В частности, можно выделить кандидатскую диссертацию А.А. Александрова «Александр Алексеевич Измайлов – критик, прозаик, журналист», защищенную в ИРЛИ (Пушкинский Дом) [Александров 2008].

уступала популярности Петра Потемкина, – Измайлов занимает особое место. Трудно найти сколько-нибудь значительное явление в литературе, искусстве, общественной жизни этого времени, на которое бы он не откликнулся как критик, фельетонист, писатель или пародист. Его статьи, критические эссе, пародии, фельетоны, письма чем-то напоминают знаменитый музей Ф.Ф. Фидлера, знатока, страстного, поклонника и собирателя всего, что имеет отношение к русской литературе, о котором сам Измайлов в одной из сатир писал:

...И Фидлер, как тать, в свой музей забирал
Коринфским забытый окуроч. <...>

“Возвращение” литературы Серебряного века – это не только возвращение читателю наследия Д. Мережковского и З. Гиппиус, М. Кузмина и Н. Гумилева, А. Мариенгофа и Тэффи, многих и многих официально “забытых”. Это и возвращение литературной атмосферы начала XX века, воссоздание реальной картины эпохи. <...> Книги Измайлова – взгляд историка литературы и заинтересованного современника – один из самых талантливых и ярких документов литературной жизни этой эпохи. А некоторые страницы “Кривого зеркала” читаются сейчас как пародии, опередившие рождение “оригинала” – историко-литературных штудий XX века» [Измайлов 2002, 6, 7].

Насущной необходимостью сейчас является научное издание не выходивших с дореволюционных времен художественных и литературно-критических книг Измайлова, систематизация и выявление прижизненных публикаций в столичной и провинциальной прессе.

Что касается обширного эпистолярия Измайлова, то целый ряд важных текстов получил печатное воплощение. В этом плане следует отметить масштабное издание, подготовленное сотрудниками ИРЛИ РАН (Пушкинский дом), в которое, как считают составители, «вошла наиболее репрезентативная часть эпистолярных материалов» [Измайлов 2017, 7]. В книге представлена интереснейшая переписка Измайлова с Брюсовым, Леонидом Андреевым, Розановым, Ремизовым, Э. Голлербахом и др. корреспондентами как обладающий большой филологической и общекультурной ценностью документ эпохи. Е.В. Хворостьянова

написала специальную статью об этом издании, отметила несомненные достоинства («из более чем 400 опубликованных здесь писем около 90% увидели свет впервые, а потому исключительную востребованность книга должна представлять для историков русской литературы и журналистики, поскольку вводит в научный оборот труднодоступный материал из рукописных отделов РНБ, РГАЛИ, ИРЛИ, РГБ, Indiana University (США) и Государственного литературного музея»), но при этом подчеркнула и существенные недостатки, снижающие его ценность: «отсутствие мотивировки отбора для публикации писем и корреспонденций, некорректность комментариев и нарушение принятых эдических принципов» [Хворостьянова 2019, 365, 362].

Публикуя переписку Измайлова с Садовским, мы питаем надежду внести свой, пусть и скромный, вклад в дело изучения архива знаменитого петербургского критика и пародиста. И, конечно же, данный материал будет использован нами в дальнейшем в плане реконструкции творческой биографии Садовского.

Личному знакомству Садовского с Измайловым предшествовали их печатные характеристики творческой индивидуальности друг друга. Так, Садовской опубликовал в № 3 за 1911 год журнала «Русская мысль» рецензию на сборник литературно-критической прозы Измайлова «Литературный Олимп. Лев Толстой, Чехов, Андреев, Куприн, Горький, Сологуб. Ясинский, Брюсов, Салиас, Соловьев. Характеристики, встречи, портреты, автографы» (1911)². Давая обобщенную положительную оценку «Литературному Олимпу» («Новая книга Измайлова читается с интересом»), Садовской высказывает в адрес автора и некоторые упреки относительно его критической концепции: «...немало места в своей книге уделяет он мелочам, может быть, и не заслуживающим внимания. Так, напр.<имер>, слишком много страниц отводит он описанию Ясной Поляны, не дающему ничего нового, и беседам ее хозяина о искусстве с... Г. Брешко-Брешковским. Значение гг. Андреева и Куприна г. Измайлов сильно переоценил <...>. Невозможно согласиться с мнением критика, что Куприн, этот

² Рецензия Садовского никогда не перепечатывалась. А потому мы ее публикуем в приложении № 1 к нашей статье.

болезненный, типично городской писатель “в сильнейшей степени родственен Гамсуну” и что в описаниях природы с ним могут соперничать только Аксаков, Тургенев и Толстой. В первой статье о Валерии Брюсове г. Измайлов дает слишком общее определение этого поэта, как создавшего “апофеоз любви”» [Садовской 1911, 92–93]. По поводу этих упреков можно заметить, что Садовской высказывает спорные суждения, с которыми можно и не согласиться. Так, он был всегда особенно пристрастен к творчеству Куприна и Леонида Андреева, отзывался о них язвительно и отрицательно.

В том же 1911-ом и опять же в «Русской мысли», в сентябрьском номере, Садовской напечатал цикл из двух стихотворений («Прадед» и «Прабабка») под общим названием «Семейные портреты». Цитируем «Прадеда», поскольку вскоре, в октябрьском номере газеты «Русский голос» появилась пародия на него Измайлова (включенная в один из его литературных обзоров).

Прадед

Когда сквозь пену дней, бегущих неумолчно,
Я память увожу к минувшим берегам,
В тумане чей-то взор, пронзительный и желчный
Склоняется ко мне из потемнелых рам.

Дед моего отца и прадед мой! Возрос ты
Средь черноземных нив и заливных лугов
В симбирской вотчине, где безмятежно-просты
Катились дни твои у волжских берегов.

Ты летом на покос ездая на дрогах длинных,
И зорко умолкал девичий хор и смех,
Когда ты намечал среди красавиц чинных
Ту, что красивее и величавей всех.

Под осень ястребом травил ты перепелок
И слушал красный гон, за русаком летя.
Зимой, жалея свеч, шел в сумерки под полог,
Чтоб до зари уснуть спокойно, как дитя.

Во всем был здравый смысл единый твой наставник.
Ты, мудрой скупостью умножив свой доход,

Служил по выборам: был капитан-исправник
С четырнадцатого по двадцать пятый год.

Полвека ты лежишь на родовом погосте,
Где за оградой рассыпались кресты,
Где клены древние вплелись корнями в кости,
Где свищут иволги и шепчутся листы.

Самолюбив и добр, расчетлив и распутен,
Умом ты презирал, а сердцем знал любовь.
Дед моего отца и прадед мой Лихутин,
Я слышу, как во мне твоя клокочет кровь!

[Садовской 2010, 156 –157]

А теперь приводим пародию Измайлова (опуская взятые в качестве эпиграфа к ней три строфы Садовского – вторую, пятую и седьмую, но тем не менее держа их в памяти, чтобы чувствовать логику пародиста):

Двоюродный мой дед Агафодор Свербеев,
Ты сам и жизнь твоя – сюжет для нежных лир.
В двенадцатом тебя заметил Аракчеев,
В тринадцатом ты был пехотный бригадир.

Четырнадцать рублей четырнадцать копеек –
Таков был твой оклад, когда ты начинал,
Под старость ты на чай бросал уж канареек,
И в банке семьдесят, в кубышке сто держал.

Секунд-майора дочь Сандулия Петровна
С собою принесла тысчонок пятьдесят,
Мандрыновку и Плес. Вы, сидя в них, любовно
Пороли крепостных и холили щенят.

Бригадный казначей, гроза всех казначеев,
Ты к бухгалтерии до гроба знал любовь!
Двоюродный мой дед Агафодор Свербеев,
Я слышу, как во мне твоя клокочет кровь!..

[Измайлов 2002, 68– 69]

Заметим, что Измайловым очень точно и прозорливо был выбран объект для пародирования. Заявленный в «Прадеде» автобиографический аспект был характерен для всего творчества Садовского – и дореволюционного, и послереволюционного, и проявлялся он самым различным образом. Порой в отдельно взятом произведении он напрямую никак не ощущался, а в контекстном прочтении, применительно к жизненной и творческой судьбе автора, обретал четкие контуры и вызвал к конкретным сопоставлениям. О подобном нам уже доводилось писать на примере пьесы «Мальтийский рыцарь», с ее сюжетом из эпохи Павла I [Измурдов 2020]. В общем массиве автобиографических произведений Садовского выделяются такие (и они как бы складываются в определенный цикл), где персонажи наделяются *со значением* фамилией *Лихутин*. Здесь, помимо уже упомянутых «Семейных портретов», – рассказ «Черты из жизни моей» (1907), приведший в восхищение знатока старины, знаменитого редактора «Русского архива» П.И. Бартенева; повесть «Черный перстень» (1914); поэтическая драматическая миниатюра «Кравчий» (1921). К перечисленным можно отнести и рассказ «Яблочный царек» (1911), хотя у героя его фамилия не Лихутин, а Хлопов. Вот что тут примечательно: републикуя это произведение в своем сборнике «Адмиралтейская игла» (1915), Садовской снабдил его следующим примечанием: «Основано на семейном предании. Герой рассказа, В.И. Лихутин (Хлопов) приходится отдаленным сродником автору по бабке с отцовской стороны, Е. А. Садовской, рожденной Лихутиной» [Садовской 1990, 470]. Ко всему сказанному надо добавить, что Садовской иногда использовал фамилию Лихутин в качестве псевдонима.

Ключевым во всем этом лихутинском творческом ряду, бесспорно, является дилогия «Семейные портреты». Ее вторая часть – «Прабабка» – повествует как раз о судьбе одной из «красавиц чинных», которую приметил прадед и сделал своей законной, единственной, верной женой.

Прошло немного лет. Из девочки дворовой,
Бродившей по грибы опушкою лесной,
Ты стала барыней дорожной и суровой,
Как написал тебя художник крепостной.

Люблю твои черты на блекнущем портрете,
Их целомудрие — удел немногих душ,
С заботой об одном: чтоб живы были дети,
Чтобы не захворал любимый нежно муж.

К нему же на погост однажды в полдень летний
Шесть сыновей снесли твой деревянный гроб,
И хоронил тебя, чуть двигаясь, столетний,
Давно когда-то вас перевенчавший поп

[Садовской 2010, 157].

То, что в его роду обрели семейное счастье дворянин-помещик и крепостная, для Садовского обретало символическое, историософское значение. Сокровенный союз дворянства и крестьянства при незыблемости крепостного права был для Садовского, монархиста, жесткого консерватора, идеалом государственного устройства России. Позднее, прежде всего в советскую эпоху, этот идеал получил логическое переосмысление и дополнился с опорой опять-таки на родословную Садовского (из которой уже решительно исключался им же мистифицированный аспект) еще одним компонентом — православным духовенством: «Не знаю, откуда пошли слухи о моем якобы необычайно-древнем аристократическом происхождении. Родилась эта легенда в литературных кругах — и там, где Кузмин считался великосветским dandy, прикащик Брюсов — магом и волхвом, Бальмонт — джентльменом, а Феофилактов Бердслеем, — и я мог сойти за аристократа. Из глупого мальчишеского тщеславия я эти слухи поддерживал, производя наш род от мифического литовского шляхтича, выехавшего на Русь при Лжедмитрии в свите Марины Мнишек. На самом деле предком моим был протопоп Нижегородского Спасо-Преображенского собора Борис Иванович, живший около 1750 г. У сына его Василия был сын Алексей, священник села Мадатова и мой прадед. Кажется, он и получил в семинарии фамилию Садовского. Дед семинарии не кончил, служил становым, потом хозяйничал в купленной им деревне. Но женат он был на столбовой дворянке Лихутиной. Дворянство было дано моему отцу только в 1898 г. по Владимирскому ордену.

Дед со стороны матери Голов был простой лукояновский мужик. В 1812 г. 16-ти лет попал в солдаты, дослужился до

офицерского чина и вышел в отставку подпоручиком. Тогда этот чин давал дворянство, и мать моя, дочь мужика и поповны, кончила Петербургский Павловский институт. Так в лице моем слились три основные сословия. Этим объясняется многое. Как было не вернуться в лоно Православной церкви потомку благочестивых иереев, священнодействовавших, быть может, с великокняжеских времен? И что может быть чище и, прямо скажу, благороднее крови русского духовенства? Ни малейшей примеси.

Принадлежать к одному сословию с Филаретом – уж одно это есть величайшая честь и счастье. И в то время, как дворянство вырождалось, быстро вымирая и растворяясь новыми чуждыми элементами, состав духовенства оставался неизменным.

И революцию выдержали многие из них с достоинством, не так, как дворяне. <...>

Если вера в Бога и верность Церкви у меня от деда Садовского, то от деда Голова у меня преданность Царю, любовь к армии. Лихутинского во мне тоже немало: я крепостник, барин, зубр. От первого деда любовь к деревне и тишине, от второго – к порядку и аккуратности, от прадеда – самовластный, деспотический нрав» [Садовской 1992, 188–189].

Лихутинское в идеале Садовского Измайлов решительно не поддержал. Отставил в сторону всю эпическую серьезность образа – замещением прадеда на двоюродного деда, вследствие чего становится призрачной, размытой родственная связь. В пародийно трансформированном образе подчеркиваются мелочность, аракеевско-угрюмбурчьевская расчисленность, скопидомство, жестокость к крепостным.

Вряд ли пародия Измайлова могла прийтись по душе Садовскому. Мнение его на этот счет мы не знаем. Известна лишь его кратчайшая обобщенная характеристика пародийного творчества Измайлова в одной из статей в журнале «Весы» (1909), откровенно негативная по смыслу: «“Пляска смерти” – добросовестно-бездарное стихотворение г. Княжнина, напоминает затхлую газетную пародию на Брюсова, написанную каким-нибудь Измайловым или Ave» [Ртух <Садовской Б.А.> 1909, 73].

Но как бы то ни было, пародия сыграла для Садовского-литератора определенную благотворную роль. Она прибавляла ему известности, популярности, узнаваемости. К примеру, в советские годы, когда Садовской практически не издавался, измайловская

пародия, включавшаяся в антологии произведений соответствующего жанра [Бегак 1930, Русская стихотворная пародия 1960], напоминала его имени и стихах.

Личное знакомство Садовского с Измайловым произошло в пору пребывания автора «Семейных портретов» в Петербурге, где он занимался редакторской работой, правда кратковременно (в журнале «Современник» и газете «Молва»), осуществлял свои издательские планы, участвовал в различных творческих объединениях и кружках. Пора эта воспринималась Садовским как значительный этап в его жизненной и писательской биографии. И в позднейших его «Записках» составила специальную главу (и, как оказалось, заключительную: вспоминать далее, уже в послереволюционных условиях, было не о чем, да и опасно...): «Петербург (1912–1916)». «Записки» отличались интересом к быту, часто в его эксцентричном проявлении, острым анекдотическим ситуациям, предельно обобщенным, с подчеркиванием необычной, ярко выделенной доминантой характера. Записи об Измайлове (их две) вполне укладывались в этот ряд: «Критик А. А. Измайлов для первого знакомства позвал меня обедать. Жирный кусок буженины показался ему мал. – “Это на две персоны? только-то?” – “Простите, барин, ошиблась”. – “На две персоны?” Измайлов рассказал два анекдота о Лескове. 1). Воспитанница Лескова, подросток, одевшись для бала, зашла к нему в кабинет. Он сидел с друзьями. Тогда Лесков был уже ригористом в толстовском духе. В наряде девочки ему почудился князь мира сего и он, не удержавшись, с размаху дал ей пощечину. – “Дядя, дядя, ты все говоришь о Боге, а в тебе черт сидит!” 2). Курсистка явилась к Лескову знакомиться. Старик из передней, молча, провел ее в уборную. – “Я к вам не за этим, Николай Семенович”. Смысл поступка тоже толстовский: упрощение отношений между полами».

«В марте 1916 г. А. А. Измайлов дал мне деловое поручение к Леониду Андрееву. Я поехал в лечебницу для нервных больных, где находился Андреев. Он встретил меня любезно. Андреев – тип московского студента девяностых годов. При моем входе, он вскочил с постели: обычай валяться на кровати днем, тоже чисто студенческий, московский. Чай пил Андреев тепловатый, из жестяного чайника, с дешевыми сушеными фруктами. Он очень

похож на свои портреты: ничего внушительного, достойного. Обыкновеннейший интеллигент» [Садовской 1991, 176, 179].

А вот что в связи с Измайловым сообщал Садовской в Нижний, в письмах отцу, А.Я. Садовскому: «Советую покупать еженед.<ельный> журнал “Огонек”³ (цена 5 к.). Там будет много моих вещей и есть интересные вести о войне» (23 августа 1914. Петроград); «Познакомился недавно с Леонидом Андреевым. Очень милый человек и напоминает чем-то нашего ястреба» [Садовской РГАЛИ, 111 об., 145] (29 марта 1916 г.)

Петербургу, с одной из примет его – измайловскими «Биржевыми ведомостями», Садовской посвятил стихотворение, вошедшее в его знаменитый сборник «Самовар», своеобразную визитную карточку поэта.

Самовар в Петербурге

О Петербург, о город чародейный!
Я полюбил тебя, фантом туманный,
Огни витрин, и окон блеск обманный,
И сырость вод, и Невский, и Литейный.
С тобой, волшебник призрачный и странный,
Я полюбил уют мой бессемейный.

Здесь чувствуешь себя нечеловеком.
Здесь явь как сон, действительность как сказка.
И вот уж не лицо на мне, а маска,
И всем я равен, принцам и калекам,
И льнет беспечность легкая, как ласка,
Как поцелуй, к моим тяжелым векам.

Здесь после дня, прошедшего без меты,
Как на экране кинемо-театра
Развинченной походкой па-де-катра

³ Журнал «Огонек» был приложением к газете «Биржевые ведомости». По роду своей литературной деятельности критик-фельетонист Измайлов принимал участие в подготовке материалов и для «Огонька» и мог способствовать сотрудничеству с ним Садовского. В «Огоньке», в частности, были опубликованы его рассказ «В двадцать пятом году», стихотворения «Торопится ветер и шепчет с листьями...», «Тоскует вечер, смерть зовет...», «Снова мы вместе и снова...»

Бреду по Невскому, купив газеты,
С коробкой карамели «Клеопатра»,
И сладки мне душистые конфеты.

А дома самовар из красной меди
С соленым маслом, с маковой подковкой.
Быть может, гостя с римского головкой,
Холодная и строгая, как леди?
Нет никого. Вздыхаю над «Биржевкой»,
Томлюсь в вечернем петербургском бреде

[Садовской 2001, 90–91].

Садовскому было очень важно установить связи с Измайловым. Это могло помочь ему утвердиться в столичном литературном мире, добиться истинного признания его художнических способностей, которые, по его мнению, критика мало ценила. «К голосу Вашему прислушивается читающая Россия: явите же ей меня! – писал он Измайлову уже в первом же письме. – Скажите обо мне Ваше прямодушное мнение, как о поэте-лирике. Мне кажется, я имею на это не меньшее право, чем Гумилев и Нарбут. Между тем всюду, от “Речи” до “Аполлона”, меня замалчивают, как поэта, и замалчивают умышленно».

И расчет Садовского в немалой степени оправдался. «...В последнее время я отмечаю Ваши новые работы, в которых чувствуется настоящая любовь к литературе и настоящее дарование, – отвечал Измайлов. – В этом смысле очень рад сборникам Ваших стихов и искренно благодарю Вас за них. Вероятно, мне удастся высказаться о них в очерке, где я думаю объединить целый ряд современных поэтов»; «Чем больше читаю Вас, тем больше вижу Вашу талантливость».

Измайлов написал о Садовском в нескольких статьях, подчеркнул его несомненную писательскую одаренность. Так, разбирая рассказ Садовского «Бурбон» в своей рубрике «Литературное обозрение» в «Биржевых ведомостях», он отметил: «Из многолюдной, многшумящей, суетливой и претенциозной толпы пора выделить имя Бориса Садовского, молодого писателя, в

котором уже чувствуется человек для литературы не безразличный»⁴.

При посредстве Измайлова Садовской обрел постоянное сотрудничество с «Биржевыми ведомостями» — одной из крупнейших газет в России в начале XX века. На ее полосах были опубликованы его рассказы «Слова», «В усадьбе», «Конец книголюба», «Граф Хвостов», «Пирог», ряд стихотворений, статьи «Вильгельм I: Из прошлого нашей дипломатии», «Вредное чириканье», «Каролина Павлова (Мертвое творчество)», «Книга о Фете», «Беседный наигрыш», а также почти два десятка театральных рецензий (многие из этих текстов совершенно незнакомы современным исследователям и читателям). Состоялись публикации и в журнале «Огонек».

Человек чести, уважающий принципы, ценящий искреннюю дружбу, свято, рыцарски относящийся к литературе, Измайлов поддержал Садовского в некоторых очень трудных для него ситуациях. Первая из них была связана с выходом его книги критической прозы «Озимь». В ней, в частности, была дана резко негативная характеристика Брюсова как «апоэты», как «провозвестника и предтечи» [Садовской 1915, 37] футуризма, воплощающего тенденции мертвенности, распада в современном искусстве. Книга вызвала шквал возмущенных, негодующих откликов рецензентов, «общее улюлюканье» [Иванов 1994, 81] (по выражению Г.В. Иванова). Печатное же мнение Измайлова было принципиально иным. Нет, он не согласился с Садовским в отрицании поэтического дара Брюсова, но с тезисом о футуризме применительно к нему решительно солидаризировался, причем позволил себе на этот счет и «позлорадствовать» по адресу Брюсова. Но главное было все-таки не это, главное — Измайлов сказал об общей несомненной правоте «Озими» в понимании сокровенной сущности литературы, художнической основательности и честности автора, его боли за Отечество: «Садовской <...> встретит большое

⁴ Цитируется по публикуемой, в приложении № 2 к нашей работе, статье Измайлова «Возрождение старины в рассказе Б. Садовского “Бурбон”». И также в приложении № 3 читайте публикуемую статью Измайлова «Темы и парадоксы (Современная накипь. Молодое поколение у молодых романистов)» (те ее части, где речь идет о Садовском).

сочувствие многим положениям, искренно и страстно высказанным в маленькой книжечке «Озимь». *Вся она – стон порядочного литератора и русского человека, пришедшего в ярость от той нелепой чертовщины, какая завелась в низах литературы*, от всех этих прыщей и угрей, которые, разумеется, слишком ничтожны, чтобы заразить мощное тело народа, но высыпания на носу, на самом видном месте, портят строгое и прекрасное лицо.

И скорбь, и злость Садовского абсолютно искренни, поскольку исходят из благоговейного чувства пред литературой, из преклонения и обожания хорошего нашего прошлого. Немудрено, что он находит слова колючие и меткие, когда выходит на брань против торгующих в храме.

Из дедовского имения, где-то там, в глубине России, он подает свой откровенный голос, являясь депутатом от здравомысленной, честной и ясной интеллигенции, которая не развращена столичным литературным базаром, “Бродячими Собаками”, “Венами”, поэзовечерами, книжонками на обойной бумаге, выставками “Трамвай”, – интеллигенции, которая еще умеет читать книги, а не газеты, Достоевского, а не Арцыбашева, до которой не успевает докатиться “ананас в шампанском” Игоря Северянина, расхватанный неврастенически-дрожащими руками, хотя бы и с лощенными розовыми ногтями» [Измайлов 1915].

Отзыв Измайлова был для Садовского важным аргументом в полемике с хулителями «Озимь», а в ответе самому рьяному из них – С.А. Ауслендеру – он процитировал выделенные нами выше курсивом строки, прибавив по адресу его: вот «писатель не вам чета» [Садовской 1916а, 200].

Другая ситуация, когда Измайлов вновь подставил плечо, возникла в связи с распространившимися (в марте 1916 г.) в литературных кругах слухами о связях Садовского с редакцией крайне правой газеты «Земщина», что грозило ему потерей репутации и отлучением от прессы, прежде всего столь нужных ему «Биржевых ведомостей». Измайлов при содействии своего давнего корреспондента и постоянного автора «Биржевых ведомостей» Леонида Николаевича Андреева постарался от Садовского все опасные для него наветы, установить их лживость. И 29 марта 1916 г. Садовской писал отцу в Нижний: «В “Журнале журналов” прочтешь пасквильную статейку (А.И. Тинякова, который собственно и инспирировал слухи. – Ю.И.) на меня, где говорится,

что я участвовал в “Земщине”. Не смущайся этой клеветой, ибо она уже обнаружена и ликвидирована» [Садовской РГАЛИ, 145].

Не вдаваясь во все детали этой «ликвидации», выделим следующее. Поначалу Леонид Андреев всерьез насторожился из-за слухов о Садовском и обратил на это внимание своего друга Измайлова. Но уже вскоре, вникнув в суть дела, используя предоставленную ему трибуну «Биржевых ведомостей», писал Измайлову:

«Дорогой Александр Алексеевич.

Я говорил с Садовским⁵, и мне показались удовлетворительными его объяснения. Оговор Тинякова⁶ вызван злобностью и местью и не может послужить достаточным основанием к тому, чтобы ломать человеку всю жизнь. Наконец, “письмо”⁷ Б. Садовского звучит вполне определенно и исчерпывающе.

При этих условиях я ничего лично не имею против дальнейшего участия Садовского в “Бирж<евых> ведомостях”» (25 марта 1916 г., Петроград);

«Просьба к Вам. Пишет мне Б. Садовский, что Станислав Максимилианович (Проппер, издатель «Биржевых ведомостей». – Ю.И.) не хочет пребывания его в “Б<иржевых> в<едомостях>”— так вот нельзя ли попросить С<танислава> М<аксимилиановича> от моего имени сменить гнев на милость и оставить Садовского. Ей-

⁵ Выше мы приводили фрагмент «Записок» Садовского – о встрече с Андреевым. Вот для чего посылал Измайлов Садовского с «деловым поручением» к Леониду Николаевичу: разъяснить все обстоятельства истории с «Земщиной».

⁶ Л.Н. Андреев напечатал в «Биржевых ведомостях» [Письмо в редакцию] (1916. Утр. вып. 23 марта), с разоблачением смысла статей Тинякова в газете «Речь».

⁷ Одновременно с указанной выше публикацией Андреева, в том же номере «Биржевых ведомостей» помещено «Письмо» Садовского, где он, в частности, заявлял: «...я никогда никакого отношения к “Земщине” не имел. Что касается “правого профессора”» N, упомянутого в заметке, то я действительно знаком с одним “правым” профессором, но с ним сблизился исключительно на почве долговременного изучения поэта-классика, рукописями которого этот профессор владеет» [Садовской 1916б, 6].

богу, жалко резать человека, в котором так мало вины! Куда он пойдет? Будьте друг, убедите Проппера!» (7 апреля 1916 г., Петроград) [Измайлов 2017, 124, 125.].

И в тот же день, 7 апреля, отправив письмо Измайлову, Андреев написал и Садовскому. Приводим это письмо, оно никогда не публиковалось:

«Многоуважаемый Борис Александрович!

Я написал А.А. Измайлову, прося его от моего имени (подчеркнуто Андреевым. – Ю.И.) убедить С. Проппера в неосновательности его отношения к Вам.

Если это не уладит дело, постараюсь при первом посещении города (сейчас я уезжаю домой) лично поговорить с С.<таниславом> М.<аксимилиановичем> и положить конец этому несчастному недоразумению.

Желаю Вам всего доброго.

Леонид Андреев.

7 апреля 1916 г.» [Андреев РГАЛИ, 1 – 2].

1

Многуважаемо
Борис Александрович!

Извинявам А.А. Нуманов.
Криво се от мое време
убавят Р. Протери в неколко-
кратности се отговаря и
Ваше.

Искам да ви благодаря за
подарените ми първи източници
и др. (сега в голямо количество)

Рис. 1. Письмо Л. Андреева Б. Садовскому от 7.04.1916 г.
(из фондов РГАЛИ)

2

и что соответствует с Р. М. и
соответствует Конгрессу
академическому и государственному.
Мне Вам всем доброго
Леоид Андреев

7 Апрель 1916 г.

Рис. 1. Письмо Л. Андреева Б. Садовскому
от 7.04.1916 г. (продолжение)

Весной 1916-го контакты Измайлова и Садовского прекратились. Кардинально изменились жизненные обстоятельства. В апреле Измайлов ушел из «Биржевых ведомостей», стал редактировать газету «Петроградский листок».

Садовской в апреле же уехал в Ялту и на Кавказ с целью лечения от обострившейся хронической болезни, которое, увы, оказалось неуспешным. А далее – Москва. И цепь горестных событий, вместившихся в пять последних, самых последних строчек «Записок»: «Всю осень посещал я московского знахаря китайца Тинь-Лоу, близ Донского монастыря. Он колол мне спину иглками и мазал едким составом. Но и китаец не помог. Совсем разбитым воротился я в Нижний на Тихоновскую, в родительский дом. Это было недели за две до убийства Распутина» [Садовской 1991, 180].

1917-ый оказался трагическим для обоих героев нашей статьи, не принявших новые большевистские порядки. «Петроградский листок» был закрыт. Измайлову пришлось перебиваться случайными заработками. Переживания из-за суровых условий существования, идеологической несвободы обернулись тяжелой болезнью сердца, которая и оборвала жизнь Измайлова в марте 1921-го. Всевышний отпустил ему лишь 47 лет...

Прикованного – и, как оказалось, навсегда – к инвалидному креслу Садовского, по его собственным словам, «дважды вынимали из петли» [Садовской 1990, 456]. Выбравший же все-таки *жить*, «дал зарок не печатать ни строчки, пока не сгинут большевики» [Ходасевич 1996, 328]. Потом, правда, зарок снял: нужда заставила, но печататься все равно особых возможностей не было – с клеймом «несозвучного с эпохой». Писал много, но в стол. И в течение десятилетий имя его было вычеркнуто из истории литературы.

Письма Измайлова Садовской сохранил в своем архиве. Ответные находятся в составе фонда Измайлова в Рукописном отделе

ИРЛИ (Пушкинский Дом). И теперь они соединились.

Переписка Б.А. Садовского и А.А. Измайлова¹.

1. Садовской – Измайлову.

Многоуважаемый государь Александр Алексеевич!

Позвольте от души поблагодарить Вас за сочувственный отзыв о моей «Княгине Зенеиде»², переданный мне недавно с Ваших слов (в редакции «Биржевых Ведомостей») – моим приятелем В.А. Юнгером³. Ваше внимание дает мне право обратиться к Вам с настоящим моим письмом.

Не в моем обычае заискивать и подольщаться к кому бы то ни было, неумение угождать публике сделало то, что я, как поэт, мало кому известен. Никогда не жалел об этом, и только, в эпоху футуристов, адамистов, акмеистов и всяких прочих «измов», мне захотелось жить в сознании современников, не ради себя, а ради тех поэтических преданий, которым я, смею думать, неуклонно служил. Посылаю Вам мои стихотворения. К голосу Вашему прислушивается читающая Россия: явите же ей меня! Скажите обо мне Ваше прямодушное мнение, как о поэте-лирике. Мне кажется, я имею на это не меньшее право, чем Гумилев и Нарбут⁴. Между тем всюду, от «Речи» до «Аполлона», меня замалчивают, как поэта, и замалчивают умышленно.

Еще раз благодарю Вас за сочувствие и позволяю себе надеяться, что письмо это не останется без ответа.

С полным уважением

¹ Публикуется по автографам: Письма Б.А. Садовского. РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 294. 10 л. [Садовской ИРЛИ]; Письма А.А. Измайлова. РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 64. 8 л. [Измайлов РГАЛИ].

² «Княгиня Зенеида» – повесть Садовского. Напечатана в журнале «Русская мысль» в 1913 г. (№ 1–2). В дальнейшем публиковалась под названием «Лебединые клики» в сборнике Садовского «Двуглавый орел» (1915).

³ Юнгер Владимир Александрович (1883–1918) – поэт, художник, педагог. Участник первого «Цеха поэтов». Автор сборника стихотворений «Песни полей и комнат» (Пг.: Цех поэтов, 1914). Друг Садовского. В РГАЛИ, в фонде Садовского, хранятся его письма к нему.

⁴ Нарбут Владимир Иванович (1888–1938) – поэт, литературный критик, акмеист.

Борис Садовской.
28 Апреля 1913.
Нижний-Новгород,
Тихоновская, 27.
(Б.<орис> Александр.<ович> С.<адовской>)

2. Измайлов – Садовскому.

Многоуважаемый Борис Александрович!

Простите, что в хаосе дел моих только сейчас дохожу до ответа Вам.

Я воспользовался случаем передать Вам мой привет через Вашего знакомого, отчасти стремясь искупить перед Вами мое ошибочное понимание Вас в начале Вашего поприща. Кажется, по поводу Ваших стилизованных рассказов я когда-то делал замечания не вовсе благоприятные⁵. Тем охотнее в последнее время я отмечаю Ваши новые работы, в которых чувствуется настоящая любовь к литературе и настоящее дарование. В этом смысле очень рад сборникам Ваших стихов и искренно благодарю Вас за них. Вероятно, мне удастся высказаться о них в очерке⁶, где я думаю объединить целый ряд современных поэтов. Боюсь обещать это категорически, потому что буквально завален книгами и переполнен до верха благими намерениями. Между тем опыт уже чувствительно доказал мне, что при вечной срочной работе на две газеты не удастся сдерживать и самых искренних обещаний.

Позвольте послать Вам последние заметки мои о Вашей повести⁷. По типу работы, от меня требуемой, это больше простое

⁵ Нам пока не удалось найти статью Измайлова об этом ввиду труднодоступности полного комплекта «Биржевых ведомостей». Вполне возможно, Измайлов высказывался о рассказах Садовского и в другом периодическом издании.

⁶ Данный очерк пока тоже нам неизвестен.

⁷ Надо полагать, речь здесь идет о заметках относительно повести «Княгиня Зенеида». К сожалению, данные заметки нам неизвестны. Но излагаемая далее методология, положенная в их основу, вполне может характеризовать и особенности публикуемой нами в приложении № 2

114

осведомление читателя о произведении с приведением характерных мест, чем критика. Не посетуйте. До настоящего дела в вечной толчее и суете не доходят руки.

Искренно уважающий Вас

А. Измайлов.

14/V 1913.

3. Бонди и Измайлов – Садовскому.

«ОГОНЕК»

Иллюстрированный еженедельный

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ.

РЕДАКЦИЯ

С. Петербург,

Галерная улица, соб.<ственный> дом, № 40.

Тел.<ефон> 498-41.

С. Петербург, 12 ноября 1913 г.

Многоуважаемый Борис Александрович!

Позвольте от редакции «Огонька» просить Вас о присылке нам небольшого рассказа, размером в 300 – 400 строк. Так как предполагается некоторые из рассказов, в зависимости от их

статьи Измайлова «Возрождение старины в рассказе Б. Садовского “Бурбон”».

В архивном фонде Садовского в РГАЛИ есть газетная вырезка с краткой оценкой повести «Княгиня Зенеида», авторство которой не указано. Приводим эту оценку: «Действие повести Б. Садовского “Княгиня Зенеида” происходит в николаевскую эпоху. Исторического в повести, впрочем, мало, – эпоха потребовалась, как канва, на которой вышиты затейливые стилистические узоры: в княгине, подобной июльской розе, “до единого каждый лепесток достиг предела пышности, красоты и силы, и благостными чарами лета, мнилось, дышал ее расцвет”. Так же стильно пишат, впрочем, теперь чуть ли не все пробующие свои силы в этой области» [Отзыв РГАЛИ, 21].

содержания, иллюстрировать, то очень желательно получить рукопись, как можно скорее.

Выдача гонорара может быть произведена немедленно после прочтения и подсчета рукописи.

Примите уверения в совершенном уважении и преданности.

В. Бонди⁸.

Р.С. Искренно уважаемый Б.А., оч.<ень> досадно, что не увиделись. Я в хаосе дела – сокрушительном! Совершенно не свой. Верьте моему искреннему сожалению. Чем больше читаю Вас, тем больше вижу Вашу талантливость. Спасибо за присылку Бурбона⁹. В след.<ующем> обзоре лит.<ературы> пишу о нем¹⁰.

Ваш А. Изм.<айлов>

4. Садовской – Измайлову.

Уважаемый и дорогой Александр Алексеевич!

Мне пришлось покинуть Петербург впопыхах и даже не удалось попрощаться с Вами хотя бы по телефону. Думаю, что по

⁸ Бонди Владимир Александрович (1870–1934) – писатель, журналист. Родился в 1870 г. (по другим сведениям – в 1868 г.) в Рыбинске. Учился в Рыбинской гимназии вместе с Владимиром Борисовичем Лопухиным (1871–1942), впоследствии камергером Высочайшего двора, служившим в кон. XIX – нач. XX в. в Министерствах иностранных дел и финансов, в Государственной канцелярии и в Государственном контроле. Жил в Санкт-Петербурге. Печатался под псевдонимом Вальди. В 1903–1918 гг. являлся соредактором петербургской газеты «Биржевые ведомости» и ее приложений (журнала «Огонек», «Новая иллюстрация»). Член Особой комиссии Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов (1916–1917). Арестован 26 февраля 1931 г. Приговорен: ОС КОГПУ 2 октября 1931 г., обв.: 58-11. Был лишен права проживания в определенных городах и областях. Реабилитирован 30 июня 1989 г. Даты смерти литератора сильно разнятся по разным источникам: 1934/1942/1947 г.» [Литературная карта].

⁹ Рассказ Садовского «Бурбон».

¹⁰ Упомянутая выше статья о «Бурбоне» опубликована в «Биржевых ведомостях» (1914. 9 (22) января (№ 13942). Утр. вып. С. 2).

возвращении (около 20-го числа) я искуплю эту невольную свою невежливость, объясняемую также боязнью Вас лишней раз потревожить. И без того Вы слишком внимательны ко мне. Чтобы сразу покончить с деловой стороной письма, сообщаю Вам, что у меня приготовлены к печати 2 книги: сборник рассказов и сборник статей¹¹: одну из них мне бы и хотелось пристроить при вашем содействии в Петербурге.

Посылаю Вам автобиографические о себе сведения и портрет. Очень рад буду получить от Вас весточку.

Желаю Вам встретить и в добром здравьи провести Светлые дни наступающего праздника.

Ваш сердечно Бор.<ис> Садовск.<ой>

3 Апр. 1914.

Нижний-Новгород,

Тихоновская, 27.

5. Измайлов – Садовскому.

2046.

РЕДАКЦИЯ

«БИРЖЕВЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Галерная, 40.

Тел.<ефон> 628-93 и 408-88.

С.-Петербург _____ 191

Дорогой Борис Александрович!

Пожалуйста, шлите немедленно (!?) стихов и прозы с касанием войны. Проза, конечно, может быть в Вашем обычном жанре (из прошлого), но с каким-нибудь все-таки параллелизмом ныне происходящему. Стихи – не «гром победы разд.<авайся>», но с благородным касанием по настроению жутких дней наших. Проза до 300 стр.<ок>.

Ради Бога, сделайте это в личное мне одолжение.

Ваш

А. Изм.<айлов>

¹¹ Сборник рассказов «Адмиралтейская игла» (Пг., 1915), книга статей «Озимь» (Пг., 1915).

6. Садовской – Измайлову.

Дорогой Александр Алексеевич!

Как видите, за мной дело не стало: при сем препровождается Вам рассказ и 5 стихотворений, удовлетворяющих, по-моему, сказанным Вами условиям. Теперь и я в свою очередь попрошу Вас о личном одолжении, даже о двух: 1) нельзя ли деньги за эти вещи отослать мне немедленно, примерно в понедельник или во вторник; 2) не можете ли Вы, дорогой Александр Алексеевич, устроить мне повышение «зароботной платы»? Я в «Бир.<жевых> Вед.<омостях>» получаю 40 к. за строку стихов и 15 прозы: согласитесь, что это не очень много, особенно, приняв во внимание, что я уже приближаюсь к «полумаститным», а такие юноши, как Г. Иванов, берут у вас по полтине за строку. Пишу я мало и редко, и думаю, что не грех бы мне набавить. «Струна щекотливая», но буду надеяться: Вы все можете. А я теперь выстроил себе хутор под Нижним и на обзаведение нужны деньги: глядишь, гости приедут – может быть, и Вы пожалуете на новоселье: отдохнуть на Праздниках, ан подчивать-то и нечем.

Жму Вашу руку, будьте здоровы.

Душевно Ваш

Борис. Садовск.<ой>

21 ноябрь 1914.

Нижний, Тихоновская, 27, с.<обственнй> д.<ом>

P.S. Читали ли Вы последний (215) том «Чтений» при Моск.<овском> Унив.<ерситете>? Там переписка К.П. Победоносцева¹² с Н.И. Субботиным. Что за прелесть! Какой дивный слог был у Константина Петровича! Какой характер!

¹² К К.П. Победоносцеву Садовской относился с благоговением. В лучшем произведении своем послереволюционного периода – повести «Александр Третий» (1930) – дал такой портрет его: «Евангелический союз представил адрес Царю: да упразднится в России власть православной Церкви; да разрешит самодержавный монарх своим подданным свободно менять религию. Твердый и ясный отказ союзу на днях отправлен обер-прокурором Святейшего Синода Константином Петровичем Победоносцевым.

Привет В.А. Бонди.

7. Измайлов – Садовскому.

2047.

РЕДАКЦИЯ

«БИРЖЕВЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Галерная, 40.

Тел.<ефон> 628-93 и 408-88.

С.-Петербург _____ 191

Дорогой Борис Александрович,

1. Спасибо.

2. 4 стих<отворения>: взяты. Одно – позвольте вернуть.

3. О Малюте¹³. К большой досаде, Вашей и нашей, мы не совсем сговорились. Время такое, – как Вы видите, – что никакой bell нельзя занять читателя, если это не о войне. Вы знаете, напр.<имер>, что «Р.<усское> Слово»¹⁴ не печатает ни строки не о

Память его да будет с похвалой.

Продолговатое бритое лицо обер-прокурора всегда невозмутимо; в кожаной оправе очки на спокойных глазах; черный сюртук застегнут.

Он москвич, сын профессора, ученый правовед. В Хлебном переулке родительское гнездо; два крошечных ветхих флигеля.

Часто навещает Москву Константин Петрович. Поутру из Славянского базара пешком в Хлебный. В сенях старый дворник снимает с барина медвежью шубу, дворничиха приносит самовар. И ходит всесильный министр по убогим горенкам, вспоминая детство; смотрит на истлевшие обои, на черные портреты, на дряхлый клавесин.

Все проходит, но ничто не исчезает.

В Российском царстве сорок пять тысяч церквей и семьсот соборов; пятьдесят тысяч священников. Недавно Синод воспретил духовенству брать деньги за исповедь и причастие, совершать литургию в орденах, допускать надгробные речи в храмах» [Садовской 1930].

¹³ О каком конкретно произведении Садовского идет речь, неясно.

¹⁴ «Русское слово» – газета политическая, общественная, экономическая и литературная (без предварительной цензуры); с № 108

войне. Мы не держимся этой линии так строго, но и белл.<етристика>, и стихи, и литер.<атурный> очерк соприкасаются с войной. Вы не верите, что мы искренни, когда говорим, что отклоняем Малюту не пот<ому>, ч<то> он не нравится, а потому, что невозможно сейчас надеяться, ч<то> б<ы> читатель это читал.

Итак, ради Бога, рассказ, но о войне. Вам ничего не стоит в стильной обстановке старины дать разговаривающих и разнодействующих офицеров, думающих то, что можно думать и в наши дни... Не мне вас учить.

4. О повышении прозы сегодня будет разговор. О стихах – не надеюсь.

5. Спасибо за зов. Когда бы корове рога!

6. Победоносц.<евы> письма – прочту¹⁵.

7. Есть литературные новости, (вводим?) 15 писем Писемского и т. д. – Сделал публикацию в газете – и не без удачи.

Ваш А. Измайл.<ов>

8. Садовской – Измайлову.

Дорогой Александр Алексеевич!

Посылаю Вам второй, думаю, более надлежащий рассказец и возобновляю просьбу: настоять в конторе, дабы гонорар был прислан немедленно. Совестно мне затруднять Вас, но иного исхода не предвижу. Многократно и многообразно в былые времена

1898 – ежедневная газета без предварительной цензуры; с 1906 – без подзаг. – Москва, 1894–1917.

¹⁵ Нам неизвестен отклик Измайлова на упоминаемое выше Садовским издание с письмами Победоносцева. Приводим мнение его о письмах Победоносцева письме В.В. Розанову от 28 сентября 1910 г.: «Беспокою Вас, надеясь, что ради этого стоит побеспокоиться. Предъявитель сего достал от архиепископа Макария Томского 48 писем Победоносцева и прочел мне. Многое чрезвычайно интересно, как характеристика личности К.<онстантина> П.<етровича>. Как стилин даже в своем языке этот умирающий инквизитор! Не сомневаюсь, Вам это доставит удовольствие. Николай Францевич Масловский (это лицо) может Вам сам прочесть их (писано неразборчиво). Что Вы сделали бы по этому великолепный фельетон – это так же мне ясно, как то, что меня зовут моим именем» [Измайлов 2017, 437].

обращался и в контору, и к Бонди, и всегда получал, выражаясь попросту, шиш. Ездить же за гонораром в Петроград, согласитесь сами, не стоит.

Итак, крепко жму Вашу руку и остаюсь заранее благодарный
Бор. Садовск.<кой>

30 ноябрь 1914.

Н.<ижний>

9. Измайлов - Садовскому

РЕДАКЦИЯ
«БИРЖЕВЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»
Галерная, 40.

Тел.<ефон> 628-93 и 408-88.
С.-Петербург _____ 191

Дорогой Борис Александрович.

Я в долгу перед Вами – большим и хорошим письмом. Но пока не могу и думать о дружеской переписке.

Пожалуйста, пришлите еще небольшой фабульный рассказ, в жанре последнего.

И простите вынужденную деловитость.

Ваш

А. Измайл.<ов>

10. Садовской – Измайлову.

Дорогой Александр Алексеевич!

Уж буду до конца нахален. Опять хочу надоедать Вам просьбою: навести справку в конторе и поторопить ее присылкою мне гонорара. Уж очень у меня большая крайность: деньги дозарезу нужны. Без Вас же, знаю, ничего не выйдет, и придется напрасно ожидать многие недели. А в благодарность за содействие позвольте мне приготовить в моей деревенской глуши хорошенький рассказ для «Огонька» и посвятить его Вам.

Всегда готовый к услугам

Б. Садовск.<ой>

10 дек. 1914.

Н.<ижний>

P.S. Вы получили, конечно, рассказ мой «Сын героя»¹⁶?

11. Измайлов – Садовскому.

«БИРЖЕВЫЕ ВЕДОМОСТИ»

Галерная ул., соб.<ственный> дом, № 40.

Телефоны редакции: № 426.98 и 408.88.

Телефон Главной Конторы: № 275.25.

Адрес для телеграмм: «БИРЖВЕДОМОСТИ»

№

Петроград, _____ 191 г.

Дорогой Борис Александрович.

Редакция «Биржевых Ведомостей» поручила мне очень просить Вас дать нам небольшой, в газетных размерах, рассказ, приблизительно в 300 – 350 строк – для одного фельетона. Она не стесняет Вас никакими предъявлениями, и рассказ может не иметь никакого отношения к войне и переживаемому моменту, если у Вас нет расположения к такому рассказу.

Не откажите сообщить о Вашем согласии и несогласии пишущему эти строки. Но, ради Бога, не откладывайте.

Ваш

А. Измайлов.

12. Садовской – Измайлову.

Дорогой Александр Алексеевич!

Простите: только сегодня, воротясь из Ст. Руссы¹⁷, нашел Ваше письмо. Рассказ прилагаю – чем богат, тем и рад.

¹⁶ Рассказ с таким названием нам неизвестен.

¹⁷ В Старую Руссу Садовской ездил для лечения.

В поэтический сборник Садовского «Полдень» (1915) включено стихотворение «В уездном городе» (1905):

Очень попрошу не задержать высылку гонорара.
Ваш всегда
Бор. Садовс.<кой>
20 июня
1915.

Заборы, груды кирпича,
Кривые улицы, домишки
И за собором каланча
С уснувшим сторожем на вышке.

Здесь сорок лет что год один.
Не знают люди перемены,
Как рамки выцветших картин,
Смирненно кроющие стены.

А в поле, там, где млеет ширь
И рожь колышется волнами,
Хранит кладбище монастырь,
Приосененный тополями.

И здесь такой же мирный сон.
Как сладко спится позабытым!
Лишь луч порой, упав на клен,
Играет зайчиком по плитам.

1905.

Архивный вариант этого стихотворения, с измененной первой строкой второй строфы («Здесь 20 лет из года в год»), имеет название «Ардатов», то есть стихотворение посвящено уездному городу Ардатову Нижегородской губернии, малой родине автора. Т.В. Анчугова, тщательно изучавшая материалы архивного фонда Садовского в РГАЛИ, отмечала: «На газетной вырезке, возможно, имеющей отношение к поездке Садовского в Старую Руссу для лечения (1915), стихотворение напечатано под заглавием “Старая Русса”» [Садовской 2010, 514]. Смена названий города свидетельствует, видимо, об осознании типических черт уездных центров Российской империи.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Републикация статей Б.А. Садовского и А.А. Измайлова¹

Приложение № 1

Борис Садовской

А. Измайлов. Литературный Олимп. Лев Толстой, Чехов, Андреев, Куприн, Горький, Сологуб. Ясинский, Брюсов, Салиас, Соловьев. Характеристики, встречи, портреты, автографы. М., 1911 г. Стр. X+472. Ц. 1 р. 50 к.²

Новая книга Измайлова читается с интересом. Некоторое странное на первый взгляд сопоставление имен Льва Толстого с Салиасом и Чехова с Всеволодом Соловьевым автор объясняет в предисловии тем, «что вместе с великим громовержцем Зевсом восседают на Олимпе и “боги меньших племен” и пред всеми ими одинаково останавливается с золотой чашей вечно юная Геба». По методу изложения и по содержательности далеко не все очерки одинаковы, но они объединены характерной особенностью: автор их не только разбирает творчество названных выше писателей, но и пытается сделать их характеристики, как людей, пользуясь, главным образом, своими личными впечатлениями. Иначе говоря, литературные характеристики соединены в «Олимпе» г. Измайлова с рядом «интервью», в которых мы знакомимся с обстановкой жизни наших писателей и слышим их подлинные речи. Это прием, в нашей критике еще достаточно новый, не так давно был решительно скомпрометирован неким г. Оскаром Норвежским, равно беззастенчивым в отношении как русских писателей, так и русского языка. Г. Измайлов отнесся к своей задаче гораздо серьезнее, и из его очерков выступают облики гораздо более живые. Из поездок в Ясную Поляну и на Капри, из воспоминаний о Гр. Е. Салиасе и Вс. Соловьеве, из посещений Л. Андреева и Вал. Брюсова, из встреч с Фед. Сологубом и И. Ясинским – извлек он ряд любопытных штрихов, которые в свое время сослужат службу историку литературы, как добросовестные показания современника. В упрек Измайлову можно поставить, что не мало места в своей книге уделяет он мелочам, может быть, и не заслуживающим внимания.

¹ Статьи не печатались с момента их первой публикации.

² Впервые напечатано: Русская мысль. 1911. № 3. С. 92–93.

Так, напр. <имер>, слишком много страниц отводит он описанию Ясной Поляны, не дающему ничего нового, и беседам ее хозяина о искусстве с... Г. Брешко-Брешковским. Значение гг. Андреева и Куприна г. Измайлов сильно переоценил, хотя и говорит о первом, что у него «замысел несравнимо лучше исполнения» (стр. 280) и второго сравнивает со «слабым динамитом» (стр. 369). Невозможно согласиться с мнением критика, что Куприн, этот болезненный, типично городской писатель «в сильнейшей степени родственен Гамсуну» (стр. 345) и что в описаниях природы с ним могут соперничать только Аксаков, Тургенев и Толстой (ibid.). В первой статье о Валерии Брюсове г. Измайлов дает слишком общее определение этого поэта, как создавшего «апофеоз любви» (стр. 384). Особенно любопытны воспоминания г. Измайлова о двух наших исторических романистах, сочинениями которых в восьмидесятых годах зачитывалась чуть ли не вся Россия, гр. Е.А. Салиасе, Всеволоде Соловьеве. В обоих очерках, как и следовало ожидать, бытовой, частно-описательный характер. Г. Измайлов интересно и живо изобразил обстановку и внешность старых романистов и впечатления от своих встреч с авторами «Пугачевцев» и «Горбатовых».

Во всей книге мы заметили единственную неточность. Г. Измайлов называет Всеволода Соловьева «третьим и меньшим из прекрасной и удивительной семьи Соловьевых». Между тем Всеволод Сергеевич был старшим сыном знаменитого историка.

Приложение № 2

Александр Измайлов.

Возрождение старины в рассказе Б. Садовского «Бурбон»³

Из многолюдной, многошумящей, суетливой и претенциозной толпы пора выделить имя Бориса Садовского, молодого писателя, в котором уже чувствуется человек для литературы не безразличный.

Садовский пишет рассказы, повести, преимущественно стилизованные, то в окраске потемкинской поры, то в освещении пушкинской эпохи. Пишет и стихи, в которых, среди обычных лирических мотивов, нет-нет и проскользнет красивая влюбленность

³ Впервые напечатано (в рубрике «Литературное обозрение»): Биржевые ведомости. 1914. 9 (22) января (№ 13942). Утр. вып. С. 2.

в старину, тоска современного человека по ушедшей дворянской культуре, по старым тургеневским усадьбам, по барышням с тонкими ручками за клавишами из красного дерева и т.д.

Поэт ушел с головой в эту милую старину, которую влюбленно пел Чехов в своей лебединой песне – «Вишневом саде», поет теперь Бунин, поют Ауслендер, Кузьмин, Беляев и т.д.

Ему, кажется, едва 30 лет, но он погрузился в старинные мемуары, дневники, в старинный, наивный журнал.

Любовно он подбирает там забытые теперь словечки, ловит омертвелый оборот старинной фразы, в котором чувствует неотразимую прелесть. В старых книгах, между строк старых мемуаров перед ним встает человек былого времени, герой рассказа Тургенева, старый гусар 20-х годов, старый помещик-увалень, еще до-обломовского периода.

Живое лицо вроде Потемкина, Пушкина, вырывается вдруг из сумрака былого и оказывается на его страницах. Эти лица говорят то, чего, может быть, никогда не говорили в жизни, но тем языком, той фразой, какою говорили бы в действительности.

Археология забытой эпохи вырисовывается перед вами в мелочах. С тщательностью историка вам подносится меню какого-нибудь званого помещичьего обеда, все блюда которого выписаны из старых мемуаров Жихарева, Болотова, Вигеля или Порошина.

Самая форма повести, рассказа Садовского ударяет в старинный стиль повести пушкинской, а пожалуй, даже и загоскинской.

Как истинный гурман литературы, Садовский непременно снабжает свою повесть эпиграфом из какого-нибудь автора пушкинского периода. Иногда эти эпиграфы подбираются даже к каждой главе.

Так Садовский начал, так и продолжает свою писательскую карьеру. Его лицо, может быть, и сильно напоминает лицо со старинного портрета, но в среде современной оно оригинально и отлично от других. У него своя индивидуальность, и его рассказы запоминаются.

Можно очень много говорить о том, как странно, что молодой писатель, как бы замыкается для современных выступлений, отмежевывается от сегодняшнего дня с его красками и шумами.

Но таков склад Садовского, и, может быть, критика не была бы права, направляя его на дорогу, чуждую его дарованию.

Напечатанный в «Русской мысли» военный рассказ «Бурбон» весь в таких своеобразных тонах.

Перед вами 1836 год, старые уланы, цветущие степи Новороссийского края.

Со стороны чисто литературной здесь опять налицо все то, по чему вы безошибочно угадали бы Садовского, даже не видя его подписи, – эпиграфы общие и частные над каждой главой, старые приемы, немножко старообразный склад фразы.

Точно веяние Лажечникова, Марлинского, Греча проносится над страницами «Русской Мысли», когда вы читаете хотя бы такие строки: «У корнета Гременицына все еще шла игра. Карты сыпались дождем, и банк опрокидывал то и дело свою роковую прихоть»⁴...

«Догоревшие свечи давно чадили, и заря розовыми пальцами трогала желтые занавески на окнах»⁵.

Великославские уланы живут молодо, весело и чуть-чуть грешно, в жанре тех старых гусаров, которых пели Денис Давыдов и Марлинский, а позднее живописал Лев Толстой.

Молодой, изящный корнет Гременицын влюбляется в фельдшерскую дочку, хорошенькую Машу, уже просватанную за корнета Мокеева, вышедшего из простецов за выслугу лет.

Перед вами встает фигура, которая была бы на месте в первых тургеневских рассказах.

“Старая Русса”

«Евсей Семеныч был бурбон: так в армии назывались в его времена солдаты, выслужившие себе офицерский чин. Родом он был из сдаточных, в службу был взят по семнадцатому году, прямо от сохи, и грамоте обучался в казарме. Долго тянул солдатскую тягостную лямку Евсей Семеныч, но за примерное усердие лет через двадцать удостоился получить возжеленные корнетские эполеты. “Наш Мокеев палочную академию прошел”, – острили меж собой полковые шутники. Как все бурбоны, Евсей Семеныч с подчиненными был неумолимо строг, а перед вышшими, хотя бы всего одним чином, по привычке, даже в обществе вставал и вытягивался в струнку. В обществе, впрочем, бурбона видали редко; к товарищам заявлялся он лишь в особые дни: “с Анделом⁶ проздравить” или “с Монаршей

⁴ Несколько сокращенная фраза из рассказа Садовского.

⁵ Несколько сокращенная фраза из рассказа Садовского.

⁶ В статье Измайлова ошибка: «ангелом».

милостью”. В гостях он целый день и вечер бесшумно просиживал в уголку, не смея вступить в общую беседу и уйти не решаясь, а на небрежные вопросы отвечая по привычке “так точно”, “никак нет”. Еще реже стал он бывать в товарищеском кругу с тех пор, как однажды, на парадном обеде, данном великославцами уходящему в отставку генералу, послал “для скусы” мороженое у себя на тарелке. Молодые шутники тотчас подметили этот пустяковый промах и начали смешки, а Евсей Семеныч долго не мог понять, в чем же он провинился: ведь не щепотью, кажись, соль брал, а по всей деликатности, как следует быть, ножом столовым. Взрыв хохота завершил обед, когда Евсей Семеныч, подбиваемый молодежью произнести тост за отъезжавшего генерала, налил полный стакан поднесенного ему лакеем лимонного полосканья, поднял его, провозгласил здравицу и осушил до дна. Хоть кожа у Евсея Семеныча толста была, как на его сапогах, однако эти два случая больно ему укололи сердце, и вспоминать о них Мокеев не любил»⁷.

Гременицын знает, что Маша не свободна. Однако, он не из тех, что отступают, узнав о сопернике.

Он продолжает атаку, а летний вечер, нежный и ласковый, помогает ему, повергая молодую девушку в сладкую мечтательность. Машины губы почти помимо воли шепчут имя красивого корнета, а он оказывается тут как тут.

«Гременицын, подойдя, сел подле, крепко обнял Машу и нежно заговорил:

– Ну, так уж и быть, скажу я тебе, Машенька, свою тайну, слушай; ты слушаешь?

Маша молчала.

– Что? – капризно перебил себя Гременицын. – Ну, слушай же, Машенька: я тебя люблю.

Маша покачала головой.

– Ты мне не веришь, неужели? Не может быть, что?

В этот самый момент белое что-то, как снежный комок, шумно метнулось между ними: голубка, распахнув крылья, припала Маше на грудь.

⁷ В тексте статьи Измайлова в «Биржевых ведомостях» цитируемые фрагменты рассказа Садовского не выделены кавычками. Нами эти фрагменты здесь и далее выделены кавычками и курсивом.

– Что такое? Что случилось? — спрашивал Гременицын. Выхватив душистый платок, он потирал себе щеку: с размаху птица больно зацепила его крылом.

– Ничего не случилось. Это Гуля моя ястреба перепугалась. Ястреб повадился летать в роуцу, то и дело папашиных голубей таскает. Гулюшка, Гуля, не бойся, не отдам тебя, мой ты, — говорила Маша и гладила красноклювую голубку по белым перьям.

Резкий ястребиный крик прозвенел вдруг у них над головами. Голубка встрепенулась и, выпорхнув из рук у Маши, быстро взвилась. Тотчас же просвистал бурными крыльями, упал на нее с дуба ястреб, подхватил и понесся над поляной. Гременицын и Маша видели, как хищник опустился с добычей на суховерхий дубок, почти у самой опушки. Скоро к ним подлетели по ветру перловые перышки и нежный, как иней, пух.

– Ох, не к добру это, не к добру. И со мной то же будет, — промолвила Маша. Слезы сверкнули у нее на ресницах и просыпались на колени.

– Кто же ястреб — я, что ли? — спрашивал Гременицын шутливо, но рука не подымалась у него обнять рыдающую девушку, — Маша, полно, не плачь, люблю я тебя, ты милая, люблю, ну скажи мне, что любишь, скажи хоть одно слово, не может быть, что?

Маша плакала».

Такие эффектные сцены, с легким налетом первобытного, примитивного символизма, любили наши старики. Такие эффекты можно найти у Загоскина, у Марлинского. Садовской не копирует своих предшественников, но, вероятно, нечувствительно для себя, впадает в их манеру.

Просватанная за бурбона и не смеющая пойти против родительской воли Маша водит за нос Мокеева, но рано или поздно ее тайне суждено быть раскрытой. Мокеев однажды застает ее и своего счастливого соперника на месте преступления.

«Гременицын обхватил белыми ладонями румяное Машино лицо и зацеловал ей без конца пышные щеки, сахарноблестящие зубы и полузакрытые влажные глаза. Маша, сдерживаясь, визжала. Звонко хохоча, сорвала она с Гременицына фуражку и вцепилась, шая, в мягкие волны его кудрей. Взвизги, поцелуи и смех таяли без остатка в знойном, насыщенном тишиной дне. Кислякову завидно сделалось и досадно даже; он и губы от обиды ревниво распустил. Придумывая, как бы уйти незаметней, он попятился легонько в кусты, стараясь

не звякнуть, и вдруг услышал позади чей-то тяжелый, с одышкой, военный шаг. Из кустов, чуть не задев Кислякова эполетой, вылез бурбон Мокеев и устремился прямо к скамейке. Увлеченные любовной борьбой, Машиа и Гременицын до сих пор его не замечали, пока Евсей Семеныч не дернул товарища за рукав.

– Ах! – воскликнула Машиа, закрываясь

– Что? – оборотился небрежно Гременицын, – А, это вы... – И, нахмурившись, засвистал.

– Дозвольте вас спросить, как должен обо всем этом понимать? Мария Степановна, ежели вы моя, к примеру сказать, невеста, то от вас теперича чего же я ожидать могу?

Машиа молча закрывала руками пылающее лицо. Гременицын свистал и хлыстом постегивал себя по шпорам.

– Извольте отвечать, господин корнет, – продолжал Евсей Семеныч, молчание Гременицына объясняя робостью и смущением. – Какие ваши права?

– Уходите, – сказал Гременицын, не подымая глаз.

– Как уходи? От своей-то невесты, да уходи? – Евсей Семеныч все громче забирал голосом, петушился и смелел. Без сомнения, храбрость свою почерпал он также в винных парах, с утра раздышавшихся в его стриженной голове и теперь ударивших сразу в виски и в шею. Кругом его все как будто позеленело. – Нет, уходить это тебе надо, а не мне.

Тут произошло такое, чего и предвидеть никто не мог. Гременицын, вспыльчивый от природы, в припадке гнева мог позабыть все на свете. В безмолвии ярость его лишь пуще собиралась и копилась, как грозная туча, но, сознавая в глубине сердца себя не вполне правым, он ожидал, что бурбон побоится затевать историю и уйдет. Когда же Мокеев, мало того что позволил себе повысить голос, а еще дерзнул обратиться к нему, Гременицыну, на ты, молодой корнет вспыхнул разом, как пороховой погреб. Из глаз его вылетели две молнии; обезумев от гнева, он вскопчил, бешено затопал ногами и заорал:

– Пошел прочь, мерзавец! Как смеешь ты со мной так разговаривать, хам!

При грозном окрике все офицерское благородство слетело с Евсея Семеныча, как с гуся вода. Привычным движением он быстро сорвал с головы фуражку и, вытянувшись, вскрикнул:

– Виноват, ваше благородие!

Такое подлое самоунижение еще сильнее взбесило Гременицына. Не помня себя, он замахнулся хлыстом и, скрипнув зубами, хватил по лицу бурбона. Мокеев моргнул и дернулся щекой, но по-прежнему остался стоять неподвижно, глядя в глаза корнету. Маша, всхлипывая, кинулась бежать и исчезла в опушке. Гременицын очнулся.

– Не может быть, что? – сказал он, по привычке небрежно чувствуя, между тем, как сердце тяжело сдавила ему ледяная какая-то, небывалая тревога. Он отвернулся от Мокеева и опять стал стегать себя по лаковым голенищам. Сознание того, что случилось, еще не вполне стало ясным ему самому; он чувствовал только, что теряется совершенно.

Бурбон, напротив, ободрился и понял, что дело поворачивается на новый лад. Вспомнив, наконец, что и на его плечах такие же точно эполеты, как у Гременицына, и что по уставу он все-таки благородный и офицер, Евсей Семеныч стал вольно и принял обиженно-самолюбивый вид».

Скандалная история разносится по всему полку. Спрятать ее невозможно. Немец командир собирает офицерский суд и делает постановление, что корнет Мокеев должен вызвать Гременицына на дуэль.

К общему удивлению и негодованию, Мокеев отказывается от этой чести. Его понятия не сходятся с понятиями тонкого офицерства, и он спокойно готов подать рапорт об отставке.

Командир негодует. Уже просто как начальник он требует, чтобы Мокеев шел драться. Бурбон привык повиноваться и на категорический приказ отвечает покорным: «Слушаюсь, господин полковник».

Садовской рисует картину, когда Мокеев возвращается из офицерского собрания с своим единственным приятелем по полку, таким же, как он, бурбоном, Пискуновым.

«Близость-ли опасного поединка, измена-ли любимой невесты, другие-ли какие причины произвели в характере Евсея Семеныча внезапную и решительную перемену. Он перестал походить на бурбона и будто утратил сразу все типические свои черты. В походке и во всем поведении Евсея Семеныча засквозило нечто совсем иное: он раскис, стал говорить нараспев, подпирая ладонью

по-бабьи щеку и поглядывая на товарища добрыми⁸ телячьими глазами. И вид у него вдруг сделался такой, точно для смеху перерядили его в уланского корнета.

– Эх, брат, Петр Иванович, – сказал он, почесавши за ухом, – убьют меня завтра господа.

– Ну, не говори, еще неизвестно.

– Убьют, бесприменно убьют, вот поглядишь сам. Эх, жисть! И тут тебе незадача. Только было в люди вышел, офицер этта и все, – мне бы, дураку, в отставку, так нет: жадность одолела. Дослужусь, мол, до эскадронного. Вотте⁹ и дослужился.

Пискунов молча сопел.

– И чудно эфто, Петя: сколько годов я деревни не видал: забыл, стало быть, вовсе мужицкую нашу жисть, как и что. Да оно и некогда: зимой в казарме, летом на траве, все служба да служба. А ту, намедни, как он меня хлестанул и пошел этта я¹⁰ из роци, встречь мне ровно бы дымком, знаешь, потянуло маненько, курным дымком. Тут я все и вспомнил. И деревню вспомнил, и улицу, вот как на картинке: журавец этта и бадья, стадо гоняет, ну, вот тебе все до малости, как есть. И еще вспомнил, как matka, бывало, под праздники блины яиные пекла, и так мне блинов эфтих самых захотелось, знашь, с конопляным маслом, горячих. У нас ведь в Лукояновском все конопля, и дух от нее чудесный по полям так и плывет, и плывет. Петь, а Петь?

– Ну?

– Працавай покуда. До завтраго. Ты у меня эфтим, как его... секу... секундорм-то будешь?

– Сикундатом? Я, а то кто же? Ты спать?

– Высплюсь, пораньше встану. Как еще Бог поможет. Так не робить, что ли?

⁸ В книге «Лебединые клики» (1990), в тексте «Бурбона», отсутствует слово «добрыми», хотя составитель книги С.В. Шумихин указывает, что рассказ публикуется по тексту сборника «Адмиралтейская игла» (1915), но там, как и в «Русской мысли», данное слово имеется.

⁹ Здесь дефиса не нужно.

¹⁰ В книге «Лебединые клики» (1990) такое написание: «я этта», хотя и в «Русской мысли», и в «Адмиралтейской игле» – «этта я».

– Чего робить? Для виду все. Пальнете мимо по разку, а там и рапорт твой полковник честь-честью примет. Батуются господа».

Влюбленный бурбон ищет встречи с девушкой. С слабой надеждой идет он под окно Маши. В самом деле, она сидит у него. Но не на радость ему это свидание.

«– Дозвольте объяснить, – говорит Мокеев. – Как ежели я посмел вас беспокоить, то не иначе, как в сем приятном уповании.

Бледные губы Маши открылись, и бурбон услышал:

– Подлец ты постылый, рябая рожка. Ненавижу я тебя, будь ты проклят, анафема.

Окошко захлопнулось, и Маша исчезла.

Странное чувство родилось тогда в размягченном сердце бурбона. Машины слова будто чародейством каким превратили сердце его мгновенно в холодный камень, и в то же время злоба, бешеная и страстная, так жарко заклокотала в его густой крови, что, кажется, попадись Мокееву сейчас Гременицын, он бы убил его на месте. Самые шаги бурбона отяжелели, как будто толстые голенища его налились злобой, и погребальным звоном мерно и глухо вызванивали уходящие шпоры: месть! месть!

По мере того, как удалялся Евсей Семеныч от Машиной избы, с другого конца к ней подходил Гременицын. Заслышав знакомую быструю походку, Маша по пояс высунулась из окна и обхватила жадно горячими руками надушенную голову стройного красавца в бирюзовой фуражке. Гременицын поднял ее на руки и понес.

– Куда ты? Пусти. – шептала Маша

Оба остановились, оглянулись и быстро, взявшись за руки, побежали к роще.

Бессонные совки и надоедливые сычи долго пищали, сдуру дразнясь и покрикивая на дремотную луну, а у старого дуба, на скамейке, звучали поцелуи. Величавый лесной царь, гордый доверием влюбленных, благословляя, простирает над ними мощные свои ветви».

Перед вами любовная идиллия в стиле романов 20-х годов. Садовой совершенно попадает в ее тон, и с точки зрения того, былого и умершего искусства, здесь вполне на месте эта метафора о «величавом лесном царе», одна из тех, какие так любили литературные старики.

И этот идиллический тон, и эта метафора очень хорошо оттеняют кровавый финал повести.

«В семь часов брызнул и тотчас рассеялся мелкий дождь. Гременицын и Кисляков верхами проскакали рощей, спеши к месту дуэли.

У скамьи под старым дубом трава была примята и голубел забытый кисейный шарфик. Гременицын вздохнул.

Ротмистр Кант с согласия полковника выбрал поединок на саблях. Противники, крепко сцепившись левыми руками, после команды дают друг другу по одному удару. При крайней жестокости своей, дуэль эта наименее опасна. Не у всякого хватит духу рубить человека насмерть, стоя лицом к лицу.

Врагов развели. Мокеев тупился, сгорбясь. Молча выслушал он наставления и наказания Канта.

Гременицын с отвращением почуял, как цепко охватила руку ему потная лапа бурбона.

Кант крикнул команду: раз, два, три!

Бурбон не двигался и не подымал глаз, только рука его стискивала все крепче холодные пальцы Гременицына.

Владимир Николаевич поморщился и ударом наотмашь сбил плашмя с головы Мокеева фуражку. В тот же миг бурбон дико поднял кровавые глаза, и Гременицын зажмурился невольно, встретя их медвежий, освиrepелый взгляд.

Со всей силы обрушил Мокеев удар свой на голову врагу, крикнув, как будто рубил капусту. Гременицын свалился. Голова его разъята была надвое вместе с фуражкой; тяжелая сабля смаху перешибла тонкое переносье и вытекший левый глаз и застряла в белых зубах, раздробив свежесвыбритый подбородок.

Секунданты в тупом оцепенении глядели на дергавшийся последними судорогами труп. Кровь, струясь ручейком, мочила подошвы Кислякову. Бурбон, стоя над покойником, ревел в голос, как баба, и крупные слезы дробно бежали по рябым щекам».

Почему-то рассказ Садовского возвращает память к таким старым литературным вещам, как тургеневский «Бреттер»¹¹, как толстовские «Два гусара», как рассказы Марлинского об офицерских дуэлях, о жестоких железных людях, спокойно наводящих огонь на своих мягкотелых противников.

¹¹ Так у Измайлова.

В этом слабая сторона большинства стилизованных рассказов Садовского. Они знакомы. В самом деле, как бы ни велик был подсказ собственной фантазии и стариковских подсказов, образы, созданные большими художниками – властнее, и на них поневоле сбивается творческое воображение.

Если не считаться с этим, вы найдете в рассказе Садовского и верную обрисовку эпохи, и недурно схваченное настроение маленького военного уголка с его железными законами и грозными легендами, найдете даже и верно уловленную психологию русского простеца, почти из мужиков, которому никак не понять мудреной правды окультуренных людей, уверовавших, что кровь смывается только кровью.

Приложение № 3

Александр Измайлов.

Темы и парадоксы (Современная накипь. Молодое поколение у молодых романистов)¹²

I

Я прочитал весьма оригинальную юбилейную статью¹³. Посвящена она Брюсову, стоящему у преддверия своего 25-летнего юбилея, и принадлежит перу молодого писателя Садовского. В чем ее оригинальность? В том, что к четвертьвековому юбилею Брюсова Садовской яростно силится повалить его, как идола с пьедестала и сравнять с землей.

Нашей юбилейной литературе цена ломаный грош. Это такое же праздное словоговорение, к какому сводятся всегда, без исключений, застольные речи юбилейных ораторов. Увы, наша

¹² Впервые напечатано: Биржевые ведомости. 1915. 30 марта. (№ 14753). Утр. вып. С. 2. Нами приводятся части I–IV, имеющие отношение к Садовскому. Части V–VIII (с анализом романов М.А. Кузмина «Плавающие и путешествующие» и Ю.Л. Слезкина «Ольга Орг») опущены. Комментарии принадлежат нам.

¹³ Имеется в виду статья «Юбилей безвременья (1889–1914)» в книге Б.А. Садовского «Озимь: Статьи о русской поэзии. К. Бальмонт. А. Блок. В. Брюсов. И. Северянин. Футуристы» (Пг., 1915).

печать все больше и больше теряет старинную, грубоватую честность, какую берегли у нас старые семинаристы Надеждин, Благосветлов, Чернышевский, Добролюбов. Она все более уклоняется французской дипломатичности, галантности и неискренности. Газетные столбцы становятся ареной взаимных одолжений.

Необычный юбилейный спич Садовского написан в тонах почти личного раздражения. Я не могу утверждать, что это так и есть, но над его статьей не веет то ощущение высокой идейности и оторванности от личных чувств, какое отличает классические образцы бескорыстных и возвышенных полемик. Было время, когда сам Садовской состоял если не в оруженосцах, то, во всяком случае, в свите Брюсова. Было время, когда он сам настаивал на признании его «первым русским поэтом наших дней» [Садовской 1915, 35].

Но вот Сатурн махнул десяток раз косою, и Садовской отрицает всякую «Божью милость» на Брюсове, как поэте. Это холодный ум, совершающий всевозможные займы и учитывающий векселя с бланками «талант», «чутье», «вкус», «поэзия». Он «апоэт», простой стиходей, который «со временем займет место подле Сумарокова, Бенедиктова и Минаева» [Садовской 1915, 36, 37, 38]. Это император Вильгельм в стихотворстве, с тою же постоянной рисовкой, бесплодным бряцанием, неумолимостью в ненужном труде и т.д. А почему так, следуют пункты.

II

Я не собираюсь ни спорить с Садовским, ни защищать Брюсова, который, по отстранении от шалостей детства, есть, конечно, настоящий поэт, хотя бы и с действительным преобладанием стихии ума. Но ведь эта стихия преобладала, например, и в Баратынском, однако не помешала ему быть поэтом и вызывать восторг самого светила нашей поэзии. «Поэзия, прости ее Бог, должна быть немножко глуповата»¹⁴, – написал однажды Пушкин, и мы знаем действительные примеры, когда люди просто неумные рождали песни высокой красоты.

¹⁴ Точная пушкинская цитата: «...поэзия, прости господи, должна быть глуповата» (из письма П.А. Вяземскому; вторая половина (не позднее 24) мая 1826 г.) [Пушкин 1962, 231].

Но с тех пор, как эти слова сказаны, многие столь злоупотребляли не только глуповатой, но и глупейшей поэзией, что, право, нет ничего дурного отдохнуть и на умной.

Я хотел бы коснуться только одного упрека – сближения Брюсова с футуристами – и – да простит меня поэт! – позлорадствовать. Как, действительно, злой враг, Садовской действует отравленным кинжалом. Какой же упрек, в самом деле, может валить кого-либо в глазах человека стремительнее, чем это приобщение к горсточке Поприщиных¹⁵? И в этом случае к Брюсову, в самом деле, хочется применить жестокие мольеровские слова – *tu l'as voulu, George Dandin!*¹⁶

Он хотел этого, когда «носился с грошовыми брошюрками, писанными на птичьем языке», с «убогими мыслишками юношей, неумных и бесталанных, едва ли читавших что-либо, кроме трактирных прейскурантов и цирковых афиш» [Садовской 1915, 24]. Он хотел этого тогда, когда осквернил страницы «Русской мысли» разбором их куриного бреда и присоединил свой авторитет к голосам малодушных, которые готовы сказать, что «что-то есть» в галстуках, нащепленных за лацкана, в разрисованных щеках и полосатых рубахах.

«Кто ложится спать с собаками, – встает с блохами»¹⁷, и нигде большею карою, как в литературе, не карается легкомысленная ночевка в собачьей конуре. Как нельзя посещать дом терпимости только за тем, чтобы там пить чай, как нельзя утром ходить в синагогу, а вечером – ко всенощной, так нельзя писателю, крестившемуся огнем и духом, преломлять хлеб с маньяками наглой рекламы.

В этом смысле хотелось бы, чтобы пример Брюсова, так оскорбительно пристегнутого к футуристам и обобщенного с ними, послужил уроком для всех, кто не хочет видеть свои ворота в дегте. Берегите, господа, честь смолоду, блюдите свою постель от блох бродячей собаки!

¹⁵Аксентий Иванович Поприщин – главный герой повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего».

¹⁶«*Tu l'as voulu Georges Dandin!*» (*фр.*) – цитата из комедии «Жорж Данден» (1668) Жана Батиста Мольера (псевдоним Ж. Б. Поклена, 1622–1673). В переводе на русский: «Ты этого хотел, Жорж Данден!»

¹⁷Афоризм Генриха Гейне.

III

Садовской останется в одиночестве со своим мнением о Брюсове, как поэт, но он встретит большое сочувствие многим положениям, искренно и страстно высказанным в маленькой книжечке «Озимь». Вся она – стон порядочного литератора и русского человека, пришедшего в ярость от той нелепой чертовщины, какая завелась в низах литературы, от всех этих прыщей и угрей, которые, разумеется, слишком ничтожны, чтобы заразить мощное тело народа, но высыпания на носу, на самом видном месте, портят строгое и прекрасное лицо.

И скорбь, и злость Садовского абсолютно искренни, поскольку исходят из благоговейного чувства пред литературой, из преклонения и обожания хорошего нашего прошлого. Немудрено, что он находит слова колючие и меткие, когда выходит на брань против торгующих в храме. «Там, за вашими столицами, где родились и выросли вы, как корабельные крысы в трюме, за миром редакций, кабачков, кулис, авансов, бульваров, за эстрадами, где плюете вы в великих художников и выкликаете свои дырбулшуры, – там стелется и шумит хлебным океаном старая, святая, великая наша Русь, которая вас не знает и знать не хочет. Ведь это вы к нам поедете (на ваших автомобилях), в нашу родную глушь, в трущобы наши лесные, в провинцию, к уездным лампадкам, монастырским колоколам, к прадедовским могилам, в Михайловское, на Светлое озеро, в Ясную Поляну, – туда, где всю землю грустно-сиротливо, считая родиной скорбей, плакучая склоняет ива везде концы своих ветвей»¹⁸.

IV

¹⁸ С некоторыми неточностями цитата из «Озимы». В оригинале: союз «к» перед *монастырским*; отсутствует «тире» перед *туда*; отсутствуют выделенные скобками слова «на ваших автомобилях»; строки из стихотворения А.А. Фета «Ивы и березы» приведены строфой (с правильным написанием в первой строке):

Всю землю, грустно-сиротлива,
Считая родиной скорбей,
Плакучая склоняет ива

Везде концы своих ветвей [Садовской 1915, 25–26].

В каком-то письме Чехов пишет одному знакомому, обладавшему большим критическим вкусом, но не писавшему статей, что наша литература нуждается как бы в партизанской критике. Люди вкуса не должны предоставлять всей арены критикам-специалистам. Они выдыхаются, они впадают в шаблон, они создают отношения, которые связывают по рукам и ногам. Нужно совершать набеги на все темное, что есть в литературе, приканчивать зло так, как приканчивали его отряды Дениса Давыдовы и ему подобных.

Не критик по профессии, а вольный беллетрист, Садовской осуществляет этот чеховский завет. Из дедовского имения, где-то там, в глубине России, он подает свой откровенный голос, являясь депутатом от здравомысленной, честной и ясной интеллигенции, которая не развращена столичным литературным базаром, «Бродячими Собаками», «Венами», поззовечерами, книжонками на обойной бумаге, выставками «Трамвай», – интеллигенции, которая еще умеет читать книги, а не газеты, Достоевского, а не Арцыбашева¹⁹, до которой не успевает докатиться «ананас в

¹⁹ О сущности творчества Михаила Петровича Арцыбашева (1878–1927) Измайлов так высказался в своей книге критической прозы «Пестрые знамена» (в главе «Банкротство идеалов (Литературный портрет М. П. Арцыбашева)»: «Таков в беглой зарисовке облик Арцыбашева, поэта русского освобождения, когда разрешается гроза освобождения, поэта садической жестокости и половой разнузданности, когда на литературной бирже поднимаются акции “половых проблем”, певца смерти, когда в обществе дешевет жизнь, и повышается спрос на укусную эссенцию.

В беглом абрисе нет возможности оттенить все черты его дарования... Это дарование несомненно. Не только одна пряность его сюжетов и типов выдвинула его. При совершенной слабости выдумки (здесь почти единственное исключение “Смерть Ланде”), при почти фатальном отсутствии искусства облекать идейную схему в жизненный образ, Арцыбашев обладает, бесспорно, красочною палитрой, и даже в “Санине” дает места, выделяющиеся по своей красивой изобразительности. Но жаль, что его дарование так мало служит идеалам добра.

Ему присуща черта протеста против житейских условностей, против тех пугал, которыми люди осложнили жизнь, сделав ее пресной

шампанском» Игоря Северянина, расхвачанный неврастенически-дрожащими руками, хотя бы и с лощеными розовыми ногтями.

Эта здоровая провинция время от времени должна заявлять свой столько же полноправный голос, должна аукаться, чтобы здесь, у очагов, у которых стоят жрецы и потира словесности, было видно, на чьей стороне громада народа, было ясно, что не умерла еще потребность в литературе, как огромном жизненном начале, что только здесь, в лабораториях ремесленников, она обратилась в бездушное ремесло ради заработка или в пошлую игру в бирюльки.

Источники

Ртых <Садовской Б.А.> 1909 – Ртых <Садовской Б.А.> *Обзор русских журналов («Вестник Европы», июль–август. «Русская Мысль», июль–август. «Современный Мир», июль–август. «Русское Богатство», июль. «В Мире Искусств», №№ 1–6) // Весы. 1909. № 8. С. 72–75.*

Андреев РГАЛИ – Андреев Л.Н. *Письмо Б.А. Садовскому* // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 17.

Бегак 1930 – Бегак Б., Кравцов Н., Морозов А. *Русская литературная пародия*. М.; Л., 1930.

Иванов 1994 – Иванов Г.В. *Петербургские зимы* // Иванов Г.В. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1994. С. 5–220.

Измайлов 1913 – Измайлов А.А. *Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья*. М., 1913.

Измайлов 1914 – Измайлов А.А. *Возрождение старины в рассказе Б. Садовского «Бурбон»* // Биржевые ведомости. 1914. 9 (22) января (№ 13942). Утр. вып. С. 2.

и прозаичной. Но иногда он смешивает в одну кучу и эти пугала, и вечные основы жизни.

Раз навсегда он уязвлен ужасом крови. Не может быть благороднее протеста. Но протестует Арцыбашев однообразно, однотонно, не в силах уйти от готовых лубочно-либеральных тонов.

Он хотел бы выступить проповедником здоровой свободы тела, сломить перегородки чопорности, но в его протесте чудится расчет эффектничанья половыми откровенностями, странное притупление стыда и болезненный наклон в извращение.

Какая-то явно фальшивящая струна вносит отталкивающий диссонанс в дарование Арцыбашева и странную, сбивающую с толку путаницу в его идеалы» [Измайлов 1913, 35–36].

Измайлов 1915 – Измайлов А.А. *Темы и парадоксы (Современная накипь. Молодое поколение у молодых романистов)* // Биржевые ведомости. 1915. 30 марта. (№ 14753). Утр. вып. С. 2.

Измайлов 2002 – Измайлов А.А. *Кривое зеркало: Книга пародии и шаржа*. СПб., 2002.

Измайлов 2017 – Измайлов А.А.: *Переписка с современниками*. СПб., 2017.

Измайлов РГАЛИ – Измайлов А.А. *Письма Б.А. Садовскому* // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 64.

Литературная карта – *Литературная карта Ярославской области*. URL: <http://demetra.rlib.yar.ru/index.php/proekty/literaturnaya-karta/literaturnaya-karta-goroda-rybinska/bondir-vladimir-aleksandrovich> (дата обращения 27.01.2024).

Отзыв РГАЛИ – *Отзыв на повесть Б.А. Садовского «Княгиня Зенеида»* // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 4. Ед. хр. 3. Л. 21.

Пушкин 1962 – Пушкин А.С. *Собр. соч.: В 10 т. Т. 9*. М., 1962.

Русская стихотворная пародия 1960 – *Русская стихотворная пародия (XVIII – начало XX века)*. Л., 1960.

Садовской 1911 – Садовской Б.А. *А. Измайлов. Литературный Олимп. Лев Толстой, Чехов, Андреев, Куприн, Горький, Сологуб. Ясинский, Брюсов, Салиас, Соловьев. Характеристики, встречи, портреты, автографы*. М., 1911 г. Стр. X+472. Ц. 1 р. 50 к. // *Русская мысль*. 1911. № 3. С. 92–93.

Садовской 1915 – Садовской Б.А. *Озимь: Статьи о русской поэзии. К. Бальмонт. А. Блок. В. Брюсов. И. Северянин. Футуристы*. Пг., 1915.

Садовской 1916а – Садовской Б.А. *Ледоход: Статьи и заметки*. Пг., 1916.

Садовской 1916б – Садовской Б.А. *Письмо в редакцию* // Биржевые ведомости. 1916. Утр. вып. 23 марта).

Садовской 1930 – Садовской Б.А. *Александр Третий*. URL: http://az.lib.ru/s/sadowskoj_b_a/text_1930_alexandr_tretiy.shtml (дата обращения 27.01.2024).

Садовской 1990 – Садовской Б.А. *Лебединые клики*. М., 1990.

Садовской 1991 – Садовской Б.А. *Записки (1881–1916)* // Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.). Выпуск 1. М., 1991. С. 106–183.

Садовской 1992 – Садовской Б.А. *Заметки. Дневник (1931–1934)* // Знамя. 1992. № 7. С. 188–189.

Садовской 2001 – Садовской Б.А. *Стихотворения, рассказы в стихах, пьесы и монологи*. СПб., 2001.

Садовской 2010 – Садовской Б.А. *Морозные узоры: Стихотворения и письма*. М., 2010.

Садовской ИРЛИ – Садовской Б.А. *Письма А.А. Измайлову* // РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 294.

Садовской РГАЛИ – Садовской Б.А. *Письма А.А. Садовскому* // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 277.

Ходасевич 1996 – Ходасевич В.Ф. *Некрополь. Литература и власть. Письма Б.А. Садовскому*. М., 1996.

Литература

Александров 2008 – Александров А.А. *Александр Алексеевич Измайлов – критик, прозаик, журналист: автореф. дис. ... к. филол. н.*: 10.01.01. СПб., 2008.

Изумрудов 2020 – Изумрудов Ю.А. *Скрытый онегинский сюжет в пьесе Бориса Садовского «Мальтийский рыцарь»* // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1(80). С. 302–304.

Изумрудов 2022 – Изумрудов Ю.А. *Из истории столичных литературных контактов Бориса Садовского: Сотрудничество с альманахом «Петербургские вечера»* // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2022. № 4 (16). С. 103–121.

Хворостьянова 2019 – Хворостьянова Е.В. *Литературная и научная репутация. О книге «Измайлов А.А.: Переписка с современниками»* // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 4. С. 362–371.

"READING RUSSIA LISTENS TO YOUR VOICE: SHOW ME TO HER!" (BORIS SADOVSKOY'S CORRESPONDENCE WITH ALEXANDER IZMAILOV AND ITS HISTORICAL AND LITERARY CONTEXT)

© **Izumrudov Yuri Aleksandrovich** (2024), ORCID: 0000-0001-8945-4786, SPIN-code: 2178-5120, PhD in Philology, Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (23 Prospekt Gagarina (Gagarina Avenue), Nizhnij Novgorod, 603950, Russian Federation), izumrud.nnov@mail.ru

In accordance with the plans for the preparation of a scientific collection of works and a scientific biography of B.A. Sadovskoy, the study of his St. Petersburg literary contacts continues. This article is devoted to the almost unexplored issue of Sadovskoy's relationship with Alexander Alekseevich

Izmailov, head of the literary department of the newspaper "Birzhevye Vedomosti", a satirical critic, novelist, poet. Sadovskoy's personal acquaintance with Izmailov was preceded by their printed characteristics of each other's creative individuality. Sadovskoy published in 1911 a review of Izmailov's collection of literary and critical prose, "Literary Olympus". Izmailov published a parody of Sadovskoy's conceptually important poem "Great-Grandfather" in the same year. And, although the parody, perhaps, could not suit Sadovskoy with its ideological orientation, nevertheless it played a certain beneficial role for him, because it added to his fame, popularity, and recognition. So, in the Soviet years, when Sadovskoy was practically not published, Izmailov's parody, which was included in anthologies of works of the corresponding genre, reminded of his name and poems. The personal acquaintance of Sadovskoy and Izmailov took place in 1913. It was very important for Sadovskoy to establish connections with an influential critic. This could help him establish himself in the capital's literary world, achieve true recognition of his artistic abilities, which, in his opinion, critics appreciated little. Izmailov wrote about Sadovskoy in several articles and emphasized his undoubted talent as a writer. Through Izmailov, Sadovskoy gained permanent cooperation with "Birzhevye Vedomosti", one of the largest newspapers in Russia at the beginning of the twentieth century. Sadovskoy's texts published in it are almost unknown to modern researchers and readers and need to be introduced into scientific circulation. The article provides the first publication of the correspondence between Sadovskoy and Izmailov, with an appropriate comment. A letter from L.N. Andreev to Sadovskoy is also being printed for the first time. The Appendices reproduce the texts of articles by Sadovskoy and Izmailov that have not been republished since the first publication in the pre-revolutionary press.

Keywords: B.A. Sadovskoy, A.A. Izmailov, L.N. Andreev, parody, "Birzhevye Vedomosti".

References

(Articles from Scientific Journals)

Изумрудов 2020 – Izumrudov Yu.A. *Skrytyy oneginskiy syuzhet v p'yese Borisa Sadovskogo «Mal'tiyskiy rytsar'»* [The Hidden Onegin plot in Boris Sadovskoy's play The Knight of Malta]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2020, № 1(80), pp. 302–304. (In Russian).

Изумрудов 2022 – Izumrudov Yu.A. *Iz istorii stolichnykh literaturnykh kontaktov Borisa Sadovskogo: Sotrudnichestvo s al'manakhom «Peterburgskiye vechera»* [From the History of Boris Sadovskoy's Literary Contacts in the capital: Cooperation with the St. Petersburg Evenings Almanac]. *Palimpsest. Literaturovedcheskiy zhurnal*, 2022, no. 4 (16), pp. 103–121. (In Russian).

Хворостьянова 2019 – Khvorost'yanova E.V. *Literaturnaya i nauchnaya reputatsiya. O knige «Izmaylov A.A.: Perepiska s sovremennikami»* [Literary and scientific reputation. About the book "Izmailov A.A.: Correspondence with contemporaries"]. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no. 4. С. 362–371. (In Russian).

(Thesis and Thesis Abstracts)

Александров 2008 – Aleksandrov A.A. *Aleksandr Alekseyevich Izmaylov – kritik, prozaik, zhurnalist* [Alexander Alekseevich Izmailov – critic, novelist, journalist]. PhD Thesis Abstract. Saint-Petersburg, 2008. (In Russian).

Поступила в редакцию 29.01.2024

АЛЬБОМ МОСКОВСКОЙ КНИЖНОЙ ЛАВКИ ПИСАТЕЛЕЙ НА ФОНЕ ЭПОХИ 1930-х ГОДОВ

© **Гоголин Михаил Юрьевич** (2024), независимый исследователь,
Москва, gogleless@yandex.ru

Статья представляет собой расшифровку доклада, прочитанного автором 19 апреля 2016 г. в Московском клубе библиофилов (стилистика устной речи в публикации сохранена) и посвященного уникальному артефакту – мемориальному рукописному альбому Книжной лавки писателей. Этот альбом, имеющий безусловный интерес и для историков русской литературы, и для библиофилов, и для специалистов в области книжного дела и книжной графики, и для тех, кто занимается изучением советской эпохи, впервые вводится в научный оборот. Обладая самостоятельным эстетическим значением, указанный альбом проливает дополнительный свет на механизмы и функционирование так называемого «литературного быта» (данная категория разработана Б.М. Эйхенбаумом) 1930-х годов. Наряду с этим статья содержит воспроизведение всех автографов, оставленных в альбоме советскими писателями, литераторами и учеными, некоторых из которых были репрессированы (Л.М. Леонов, Демьян Бедный, Вс. Вяч. Иванов, В.В. Ермилов, Д.А. Тер-Симонян, М.П. Гальперин, В.А. Гиляровский, В.Г. Лидин, В.А. Каверин, Г.О. Винокур, Н.С. Ашукин, Н.Д. Волков, К.А. Большаков, А.Н. Зувев). Часть автографов имеет стихотворную форму, что позволяет рассматривать их в контексте поэтического творчества их создателей. Авторство нескольких автографов установить не удалось, поэтому данная статья закладывает основу для их будущей атрибуции, которая вполне вероятна. Кроме того, к статье прилагаются иллюстративные материалы: книжные знаки и рекламная продукция Лавки писателей, а также автографы Демьяна Бедного, В.А. Гиляровского, В.А. Каверина, К.А. Большакова.

Ключевые слова: сталинская эпоха, советская книготорговля, литературный быт, книжные знаки, автографы писателей.

Я продемонстрирую вам один примечательный памятник литературного быта Москвы 1930-х годов – мемориальный рукописный альбом Книжной лавки писателей. Мне очень сложно подобрать адекватное определение этому предмету. Что это такое: гостевая книга? мемориальный альбом? памятная книга записей? Или это «Книга писателей Книжной лавки», как была названа ее реинкарнация в послевоенный период существования Лавки? Решать вам.

Перед нами помпезный альбом: цельнокожаный коричневый

переплет с глубоким блинтовым тиснением, укрепленный фигурными металлическими наугольниками и снабженный жуковинами и кожаными застежками, с высокими бинтами по корешку. На лицевой стороне переплета – рельефный рисунок с геральдическими мотивами в стилистике графики немецкого барокко и с датировкой 1684–1884.

Толстый блок веленовой бумаги, военный и тонированный трехсторонний обрез, составные форзацы с декоративно-орнаментальным узором по рельефному полувагману. Формат близок к ин-кварто, 32X25, толщина более 6 см. Общий вес этого замечательного произведения переплетного искусства составляет около 4 кг.

Прежде чем ознакомить вас с содержанием альбома Лавки писателей, я попробую внести некоторую определенность в обширный блок информации по истории этого торгового предприятия. Это необходимо, поскольку в целом ряде книг, в периодике и особенно на просторах Интернета зачастую представлены малодостоверные материалы, где недостаточно компетентные авторы смешивают московскую и ленинградскую Лавки писателей, путаются в московских Лавках 1920-х и 1930-х годов, именах, датах, событиях и т.д.

Традиция существования в России книжных лавок – не только в качестве торговых заведений, но и в качестве своеобразных неофициальных клубов литераторов – берет свое начало еще с XIX века, со времени создания знаменитой книжной лавки А.Ф. Смирдина, заложившей традиции неформального общения писателей, книго-торговцев и книголюбителей.

Эта традиция получила новый импульс в донэповской России, где силами самих литераторов были организованы такие предприятия, как Книжная лавка писателей, Лавка поэтов, Лавка художников слова, хотя все они, как вспоминал М.А. Осоргин, представляли собой скорее трудовые артели, нежели коммерциализированные клубы по интересам [Осоргин 2007].

«В первые годы Великой Октябрьской революции, пока государственная книжная торговля еще недостаточно организовалась и не оформилась, существовал целый ряд небольших писательских коллективов, где за книжным прилавком стояли писатели. Эти книгоартели, пользовавшиеся покровительством советской власти и освобожденные от всяких налогов, носили названия: Лавка писателей (Леонтьевский пер.), Лавка художников слова (улица Герцена), Лавка поэтов (проезд Художественного

театра), Лавка деятелей искусств (улица Герцена), Лавка содружества писателей (улица Горького). Каждая из этих лавок была для своего времени маленьким культурным центром Москвы, не только книготорговой организацией, но и местом отдыха, своего рода клубом “на перепутье” для писателей, профессоров, книголюбов, артистов, учащихся. Лавки такого рода существовали в Ленинграде и в провинции» [КЛП-2, 9].

Наибольший интерес вызывает здесь образованная на паевых началах московская Книжная лавка писателей (1918-1922), среди основателей и функционеров которой можно назвать имена М.А. Осоргина, П.П. Муратова, Б.К. Зайцева, Н.А. Бердяева, Б.А. Грифцова и прочих, а наиболее значимым результатом деятельности лавки явился выпуск большого количества рукописных изданий, и по сию пору являющихся самыми притягательными артефактами той эпохи для любого библиофила. Известны два великолепных книжных знака для нее, выполненных В.А. Фаворским и В.Д. Фалилеевым.

Но сегодня речь у нас пойдет о другом торговом предприятии с аналогичным названием, возникшем десятью годами позже. Истории новой Книжной лавки посвящены две небольшие книги: «Книжная лавка писателей. 3 мая 1931 – 15 августа 1934. К Первому Всесоюзному съезду советских писателей» [КЛП-1] и «Книжная лавка писателей. 1932–1957» [КЛП-2]. Именно из этих первоисточников во избежание погрешностей я и буду извлекать необходимую информацию.

Наибольший интерес представляет первый из них. Как видите, это малоформатная брошюра в 16 страниц, вышедшая в «собственном» (государственный самиздат!) издании тиражом 800 экземпляров. В выходных данных проставлена виза Мособлита от 8 августа 1934 года. Скверная бумага, импровизированная обложка: тонкий картон с наклеенным сверху иллюстративным ярлыком Книжной лавки писателей (далее – КЛП) работы Н.В. Кузьмина, выполненным в стилистике его знаменитых иллюстраций к «Евгению Онегину». На последней странице воспроизведен книжный знак КЛП, ксилография М.И. Пикова, правда, с усеченной нижней частью, где указывался ее прежний адрес: Моховая, 22, хотя Лавка уже второй год находилась на ул. Горького, 26.

Брошюра вышла анонимно, однако анализ текста безошибочно указывает на соавторство двух людей, имевших непосредственное

отношение к КЛП, – ее руководителя Д.С. Айзенштата и куратора от Союза советских писателей Н.С. Ашукина: их позднейшие статьи, вошедшие в сборник КЛП-2, включают в себя множество дословных цитат из первой брошюры.

Итак, предоставим слово непосредственным участникам литературных процессов, давшим путевку в жизнь Книжной лавке писателей, нынешнему патриарху московской антикварно-букинистической торговли. «Решение об организации КЛП было вынесено правлением Всероссийского союза советских писателей 3 марта 1931 года. Оно мотивировалось необходимостью наилучшего снабжения книгами писателей и писательских организаций. Такая установка предопределила характер ассортимента лавки и основное направление ее деятельности» [КЛП-1, 3].

Здесь необходимо уточнение. Решение об организации КЛП действительно было принято 3 марта, однако датой ее основания, как это зафиксировано в КЛП-1, считается 3 мая 1931 года: по-видимому, на всякого рода бюрократические и организационные процедуры ушло ровно два месяца. При этом сами работники КЛП отчего-то считали датой основания Лавки 18 марта 1931 года, о чем я расскажу позже. К слову, в вопросе о датировке организации КЛП царит сплошная неразбериха: в КЛП-2 годом ее создания назван 1932-й – по-видимому, издатели стремились привязать выход сборника к 25-летию Лавки и поэтому совместили ее основание с датой переезда на ул. Горького.

А советский энциклопедический словарь «Книговедение» пошел еще дальше, объявив годом основания КЛП 1929-й [Книговедение, 268]! Впрочем, этой неточности есть разумное объяснение. КЛП возникла не на пустом месте. За два года до ее образования в Москве уже функционировала Литературная книжная лавка при издательстве «Недра», правда, на кооперативных началах, и непосредственное отношение к ее деятельности имел не кто иной, как авторитетнейший московский книжник Давид Самойлович Айзенштат. Можно предположить, что решение Союза писателей об учреждении КЛП – следствие инициативы руководства самой Литературной книжной лавки, поскольку издательство «Недра» уже дышало на ладан и годом позже было ликвидировано (включено в состав ГИХЛа). Как бы то ни было, организационный период становления нового книготоргового субъекта был значительно упрощен – достаточно было переоборудовать помещение, перевезти фонды и сменить вывеску...

Руководителем Лавки был назначен все тот же Д.С. Айзенштат. Располагалась она сначала на Моховой, д. 22, затем на краткое время переехала в Копьевский пер., далее – на ул. Горького, 26, а теперь находится по адресу Кузнецкий Мост, 18/7. С первых лет существования Лавка вынуждена была официально позиционировать себя как книготорговая организация нового типа, призванная удовлетворять потребности трудящихся и в особенности членов Всероссийского союза писателей: «Лавка писателей не ограничивает своих задач продажей только антикварной или так наз[ываемой] “роскошной” книги, на чем строили свои расчеты и благополучие дореволюционные антиквары. <...> Удовлетворяя потребности библиофилов, собирателей книжных редкостей, Лавка писателей никогда не забывает своей прямой задачи – обслуживания литературных работников. Писатель, подбирающий для своей литературной работы материалы <...> всегда находит в ее запасах нужные для себя издания» [КЛП-1, 4].

Члены Союза писателей имели в КЛП значительные привилегии и пользовались немалыми льготами: «...книги, наиболее интересные и нужные для писателя, не поступают в общую продажу, а бронируются для распространения исключительно среди писателей. Со дня открытия лавки писатели пользуются при покупке букинистических книг установленной скидкой» [КЛП-1, 5].

Попутно издательства и писатели решали проблемы с распространением печатной продукции, реализуя через Лавку значительную часть свежих тиражей: «...с переходом лавки в ведение издательства “Советская литература” (с сентября 1932 г., по постановлению Оргкомитета ССП) в лавке возник обширный отдел новой книги, состоящий главным образом из продукции изд-ва “Советская литература” (издания “Советской литературы” поступают в Книжную лавку писателей в количестве 15 проц. общего тиража)» [КЛП-1, 6].

Но все же прежняя выучка Д.С. Айзенштата давала себя знать, да и связи с изрядно поредевшей старой гвардией библиофилов не ослабли, что позволяло попутно осуществлять весьма интенсивную торговлю антикварным товаром. Книги покупались целыми библиотеками: чего стоит только приобретение библиотек П.Е. Щеголева, Ю.П. Бартенева, В.И. Герье и многих-многих других. Через КЛП были реализованы исключительные книжные редкости: «Житие Федора Ушакова» Радищева, «Мечты и звуки» Некрасова, огромное число рукописей и автографов классиков русской литературы: Некрасова, Тургенева и даже Пушкина! Особо следует

отметить приобретение и передачу в Пушкинский Дом происходящего из собрания «венценосного поэта» Константина Романова уникального экземпляра шести глав «Евгения Онегина» с рукописными дополнениями и рисунками автора [КЛП-2, 17–18].

Так что руководству КЛП было о чем рапортовать близящемуся I съезду писателей, да и писательская организация не обделяла Лавку вниманием: «В помощь руководителям лавки писатели из своей среды выделили комиссию, состав которой в настоящее время таков: Лидин В.Г. – председатель, Ашукин Н.С. – секретарь, члены: Зуев А.Н., Иванов В.В., Леонов Л.М., Малышкин А.Г. и Эфрос А.М.» [КЛП-1, 15]. С именами многих из членов этой комиссии мы еще встретимся на страницах мемориального альбома.

Как я уже говорил, члены Союза писателей имели особые привилегии. Они, в частности, получили допуск на запретный для простых смертных второй этаж, что стало возможным, когда Лавка переехала в капитальное строение на улице Горького: «Лавка писателей имела два этажа. На первом шла обычная книжная торговля. Второй этаж был предоставлен писателям. Здесь спокойно, за столиком, они знакомились с книгами, здесь же велась продажа книг. Наиболее почитаемыми книгами были антикварные и иллюстрированные издания XVIII и XIX веков. В Лавке писателей составили свои замечательные библиотеки писатели Вс. Иванов, Л.М. Леонов, В.Г. Лидин, Демьян Бедный, Н.П. Смирнов-Сокольский <...> и многие другие известные книголюбцы» [Глезер 1989, 34].

Подобный порядок сохранился и при переезде КЛП на Кузнецкий Мост. Много позже сходная практика создания vip-залов для избранных была реализована и в некоторых других магазинах, в частности, в «Букинисте», расположенном в высотке на Котельнической набережной, где дефицитная литература предлагалась немногим счастливым не так, как в прочих магазинах, – в подсобке или подвале, а в небольшом, но уютном помещении на втором полуэтаже торгового зала.

Руководство Лавки писателей, воодушевленное переездом, строило наполеоновские планы на будущее: «Все увеличивающийся рост оборота КЛП несомненно свидетельствует о ее значительной популярности среди работников литературы. Штат лавки, состоявший первоначально из 4 человек, в настоящее время дошел до 18 и все еще недостаточен. Перед руководством КЛП уже сейчас остро возникает

150

вопрос о расширении лавки, о переходе ее в новое, более просторное помещение, о недостаточности складских помещений, об организации собственной мастерской, в которой могли бы производиться реставрационные работы, а также переплет книг» [КЛП-1, 15].

Но экспансионистские иллюзии о близости светлого будущего так и не стали явью: на очереди были репрессии, закручивание гаек, война... Переезд в «новое, более просторное помещение» произошел лишь в 1947 году – на Кузнецкий Мост, где Книжная лавка писателей и пребывает по настоящее время.

Вторая книга, КЛП-2, представляет собой сборник материалов, отражающих четвертьвековую деятельность Лавки: воспоминания и статьи благодарных пользователей, кураторов и членов коллектива КЛП, некрологи почившим книжникам, подборку высказываний классиков о книге и пользе чтения и – самое интересное – целый раздел выдержек из записей в «Книге писателей Книжной лавки»!¹ Как видим, традиция появления подобных мемориальных рукописных книг оказалась достаточно крепкой, чтобы возродиться спустя два десятилетия после возникновения первого альбома.

Состав участников «Книги писателей Книжной лавки» обновился, но не полностью: последний из могижан, Михаил Петрович Гальперин, большой мастер поэтического экспромта, не преминул украсить новый мемориальный альбом КЛП трогательным панегириком антикварной книге:

СРЕДИ КНИГ

Здравствуй, мой приют! Как нежен, прян и сладок
Старых, милых книг чуть слышный аромат!
С тоненькими ниточками шелковых закладок
Умные друзья мои таинственно молчат.
Строгий, мудрый Кант – великий мир загадок, –
Байрон, и Шекспир, и римлян длинный ряд...
Греки, Ренессанс... расцвет и вновь упадок, –
Как живет мой ум ваш многовкусный яд!
Шумный мир забыт. Умолк житейский рынок.
В мир безмолвия я тихо прихожу...
Немощный титан, – великий средь пылинок, –

¹ Местонахождение подлинника «Книги писателей Книжной лавки» неизвестно.

Думой пролетев за вечности межу,
Старые ряды сафьянных стройных спинок
Взором ласковым влюбленно обвожу.

[КЛП-2, 53]

Да и поэты нового призыва не ударили в грязь лицом, подарив читателю целый букет замечательных импровизаций на библиофильскую тему:

КНИГИ

Книги мои любимые, – в шелковых, сарафанных,
В ситцевых переплетах, в коже и коленкоре,
Плотные темно-синие томики Мопассана,
В яркую зелень одетые Верлена тоска и горе...
Глыбами ржавых песчаников стоят тома Маяковского,
Черным уступом угольным лежат тома Достоевского. Как
вспоминал вас, милые, я у вокзала Московского,
В дыме обстрела гремучего на середине Невского. <...>

А. Тарасенков [КЛП-2, 48]

Или замечательный перепев вольного перевода Маршака стихотворения «Честная бедность» Р. Бернса:

ИЗ РОБЕРТА БЕРНСА

Перевели В. Масс и М. Червинский

Кузнецкий мост. Знакомый дом.
Книг разных средоточие.
Новинки книжные притом
И все такое прочее.
При всем при том,
При всем при том,
Верней, при всем при этом
Мы тут прозаика найдем
И встретимся с поэтом.
За книгами и просто так
Сюда в часы рабочие
Приходят Федин, Фиш, Маршак,
Катаев, Прут и прочие.
При всем при том
За томом том

Здесь Лидин покупает,
Хотя его никто кнует
Сюда не загоняет. <...>

[КЛП-2, 55]

В заключение не могу не привести очень близкое мне по духу стихотворное признание А.М. Арго:

Кто б ни был ты – солиднейший прозаик
Иль легкомысленный – гм-гм – поэт, –
Тебя здесь ждет улыбка двух хозяек
И дружеский директора привет!
Но берегись – тыходишь в мир соблазнов,
Откуда слишком труден путь назад, –
Они коварны и разнообразны,
Они бюджету твоему грозят!
Когда на полках книгам нету счета,
Они кряхтят, обрушиться грозя,
И покупать их дальше неохота,
А не купить их все-таки нельзя,
Когда тебя лукавою усмешкой
Манят многообразные тома –
От подписных Бальзака иль Ожешко
До сойкинского древнего Дюма,
Когда ты толком сам не разумеешь,
Как поступить, но знаешь лишь одно:
«Ее» ты купишь – значит пожалеешь,
Не купишь – пожалеешь все равно.
И покупаешь с толком иль без толку,
И каждый день даешь себе зарок,
И заполняешь стиснутую полку
Уже не вдоль, о нет, а поперек...
О радость покупательного лиха!
Блаженны те, кто дань ей отдают –
Те, кто с любовью покупают книгу
И кто ее с любовью продают.

[КЛП-2, 50–51]

Впрочем, составители КЛП-2 остались верны идеологическим установкам, подчеркнув в предисловии: «Совершенно естественно, что главную роль в деятельности Книжной лавки занимает не старая

книга. Задача лавки состоит в том, чтобы прежде всего пропагандировать книги советских писателей» [КЛП-2, 6].

Но все же завершить обзор деятельности Книжной лавки писателей мне бы хотелось теплыми словами Л.М. Леонова: «Для меня и ряда моих товарищей по ремеслу Книжная лавка останется всегда любимым клубом. Выработалась привычка: каким бы маршрутом ни выйти из дому, на исходе дня непременно забрести сюда, посидеть полчаса среди милых и живых, среди великих и мертвых. И хотя пыль лежит на этих торжественных фолиантах, воздух здесь всегда казался мне чистым и тихим, как среди горных вершин. Здесь я впервые держал в руках подлинники первоизданий Дюрера и Леонардо, Пушкина и Руссо. Мне нравится и эта постоянная разноголосая толчея у прилавков, прямое доказательство громадного культурного роста страны, и молодые советские профессора, отбирающие среди бумажной рухляди свои, незримые другому, сокровища, и комсомольцы, которые уносят в жизнь толстый том под мышкой и добрую книжную пыль на рукавах своих кожаных курток. Не в этом ли главная удача лавки?» [КЛП-2, 22].

К сожалению, судьбу первоисточника «Книги писателей Книжной лавки» мне установить не удалось. Нынешнее руководство магазина также не располагает сведениями о ее местонахождении. Но неисповедимы пути книги. Во всяком случае, надежда на то, что этот артефакт еще выплывет на антикварный рынок, у меня не угасла.

Конечно, у каждого из нас, московских библиофилов, с Книжной лавкой связаны свои воспоминания, и мы благодарны замечательным людям, дарившим нам радость приобщения к сколь притягательному, столь и разорительному миру антикварной книги. Для меня это, в первую очередь, подлинный знаток и непревзойденный библиограф Юрий Петрович Калгатин, известный всей библиофильской Москве 70-х и 80-х годов как «Юра из Лавки писателей». Прочие продавцы и товароведы КЛП, к сожалению, неохотно шли на контакт с начинающим книголюбом...

Но вернемся к основной теме моего выступления – мемориальному альбому Книжной лавки писателей. Этот роскошный том, разумеется, не был специально изготовлен для Лавки. Руководство КЛП

попросту приспособило под будущую «гостевую книгу» самый представительный из имевшихся в его распоряжении альбомов.

Каковы же его содержание и особенности?

Прежде всего отметим, что заполнены только первые два десятка листов, прочие 300 остались пустыми, что говорит о чрезвычайно ответственном подходе к кандидатам: по-видимому, альбом постоянно находился под замком и извлекался лишь в особых случаях. Записи велись крайне нерегулярно. Судите сами: за 1933 год лишь две записи, за 1934 – шесть, за 1935 – одна, за 1936 – ноль, и лишь 1937 год имеет рекордный показатель в восемь инскриптов, только все они сделаны в дни пушкинского юбилея, в большинстве своем малоинформативны и носят натужно-официозный характер.

Что показательно, первые листы альбома оставлены пустыми, и это неспроста. Место было зарезервировано для особых гостей, и, очевидно, в первую очередь для А.М. Горького. Однако классик соцреализма, хотя и проживал поблизости, так ни разу и не почтил Лавку своим посещением, иначе Д.С. Айзенштат непременно отметил бы этот факт в статье «Великий книголюб» [КЛП-2, 30–34]. Горький общался с книгопродавцами исключительно через своего «личного библиотекаря» Л.Г. Подольского, присылая с ним записки с требованиями на необходимую ему литературу...

Но ближе к делу. Вот полный свод записей. Привожу их без искажений и с минимумом комментариев. Пусть авторы говорят за себя сами.

ТЕКСТЫ АВТОГРАФОВ В МЕМОРИАЛЬНОМ АЛЬБОМЕ ЛАВКИ ПИСАТЕЛЕЙ

1. **Леонид Максимович Леонов** (1899–1994) – будущий классик соцреализма и член комиссии Оргкомитета ССП, надзиравшей за КЛП. Альбом открывается его велеречивой сентенцией о целительной силе банных процедур в переложении на реалии быта истинного библиофила:

«Два места следует посещать гостю, ежели важна тебе чистота тела и души: баня и Книжная лавка писателей. И только

так – *in corpore sano mens sana sit*² (к слову, никогда не следует этого последнего чистоту забывать, дабы не исказить классику). Баня доставляет великое облегчение душе, ибо через баню к небу воспаряет человек. Книжная же лавка способствует очищению и облегчению тела – от денег, которые суть скопище миазмов и микробов, и даже от последних штанов – смотря по темпераменту и склонности к библиофильству.

Так все мы понемногу паримся в Книжной лавке писателей, в бане и во многих других местах, заботясь о здоровье телесном и духовном.

26 янв. 1933, после бани.

Москва

Леонид Леонов»

2. **Демьян Бедный (Ефим Александрович Придворов) (1883-1945)** – популярный поэт и публицист, библиофил.

«Хотя сегодня я настроен юбилейно³,

Но и сегодня я в рабочей полосе.

Здесь, в Книжной лавке, все родные мне семейно

И люди, милые мне – все!

13 / IV – 33

Демьян Бедный»

Далее – небольшая загадка. 1934 год открывал третью годовщину существования КЛП, поэтому страница альбома здесь соответствующим образом оформлена:

1931 – III – 1934

18 марта 1934 г.

Возникает вопрос: почему день рождения Лавки – 18 марта? Повторюсь: 3 марта 1931 года правление тогда еще Всероссийского союза писателей постановило организовать в Москве Книжную лавку писателей (возможно, на базе Литературной книжной лавки при государственно-кооперативном издательстве «Недра»). На титульном листе КЛП-1 значится официальная дата, с которой Лавка начала официально функционировать в качестве книготоргового заведения, – 3 мая 1931 года. Откуда же тогда

² Искаженная цитата из 10-й сатиры Ювенала: *Orandum est, ut sit mens sana in corpore sano* (лат.) – Надо молить богов, чтоб здоровый дух был в здоровом теле.

³ В тот день Демьяну Бедному исполнилось ровно 50 лет.

взялось 18 марта? По-видимому, эта дата фиксирует один из промежуточных этапов реорганизации бывшей Литературной книжной лавки, возможно, это не более чем день окончания переезда на новое место (Моховая, 22).

Тем не менее в 1934 году 18 марта было отмечено полуночным банкетом коллектива КЛП, на который были приглашены и «друзья лавки», как это явствует из памятной записи Всеволода Иванова.

3. **Всеволод Вячеславович Иванов** (1895–1963) – известный прозаик, журналист, драматург, член комиссии Оргкомитета ССП.

«Я пришел ровно в 11 часов вечера. Несомненно, я боялся, что кто[–нибудь] раньше меня заполнит первую страницу. Но никого не было.

Я любовался обильным столом – и самим собой. Я думал: каким же будет стол к V-летию или X-летию? Должен, однако, заметить, что хотя стол и совершенствуется, но книг стало заметно меньше. Надеюсь, к X-летию она диспропорция будет уничтожена.

Вот и все, что я смог написать мудрого о пользе книги.

Всев. Иванов»

На следующем листе размещены записи сразу трех писателей.

4. **Всеволод Вячеславович Иванов и Владимир Владимирович Ермилов(?)** (1904–1965) – крупный литературовед, ортодоксальный литературный критик.

Вверху – совместный инскрипт:

«Проходя мимо сей лавки 15-го (пятнадцатого) мая 1934 г., ничего не нашли в отношении духовной пищи»⁴.

Протопоп оргкомитетский⁵

о. Всеволод

Смиранный черей церкви, что по Б. Кисловскому пер.⁶

о. Владимир⁷»

⁴ Аллюзия на бессмертную «Жалобную книгу» Чехова.

⁵ Напоминание о том, В.В. Иванов состоял членом комиссии Оргкомитета ССП, призванной оказывать всяческое содействие КЛП по линии Союза.

⁶ Возможно, намек на только что снесенный Никитский женский монастырь, выходивший на Б. Кисловский.

⁷ О. Владимир – В.В. Ермилов. Его авторство установлено предположительно, по сходству почерка.

В нижней части того же листа:

5. **Неизвестный персонаж, выступивший** под псевдонимом Давид Вій

*«Вирос до неба,
А дурный, як треба.
Хоч ти й оргкомітетський поп,
Зате в реляції утоп.
Чие б бурчало гарчало,
А твое б мовчало!
От треста дурниві і халамид
Директор треста
Вій Давид*

Примечание

укр. «и» = «ы»

і = и

ї = йи

э = е

е = э»

*29 серпня 1934 року у місті Москва
на конгресі описувателів»⁸*

6. **Драстамат Асканазович Тер-Симонян** (1895–1937) – видный партийный функционер, нарком просвещения Армянской ССР. Арестован в августе 1936 и расстрелян в 1937 г.

«С великим удовольствием порылся в книгах сего книжного

⁸ Ты уж вырос до небес,
Но остался ты балбес.
Организаторский ты поп,
Но в реляциях утоп.
Кто бы не бурчал и не рычал,
Ты бы лучше помолчал.
От треста дураков и халамид
Директор треста
Вий Давид.

29 августа 1934 года в городе Москва

На конгрессе писателей.

(Перевод А.П. Кончаковского)
Халамида – босяк.

магазина, работники которого имеют столь ценное знакомство с современной и дореволюционной литературой. В частности, руководитель магазина Давид Самойлович Айзенштадт⁹ – энциклопедист книги. В магазине я почувствовал не только любовное отношение к книге, но также и заботливое отношение к покупателям – любителям хорошей книги.

Председатель Союза писателей Армении

Д. Симонян

8/IX 34 г.

Москва»

7. Не идентифицированный персонаж Said [нрзб].

«Pendant mon voyage a Moscou¹⁰ ... [далее нрзб]

Le 22 septembre 1934

Said [далее нрзб]»

8. Михаил Петрович Гальперин (1882–1944) – поэт, журналист, драматург, переводчик, библиофил.

«Мольба книги

(вместо ex libris'a)

Я вас умоляю – щадите меня...

Я столько несу вам отрады...

Я – солнце для вашего тусклого дня

И стою за это награды.

Пускай прикасаются вечно ко мне

Одни только чистые руки –

Таятся в пометке и в жирном пятне

Для книги жестокие муки.

Сафьян над одной переплетной доской

Закапан был весь стеарином –

Отмечен однажды был случай такой

Поклонником книг ГальперИном...

Не перегибайте моих вы боков,

Страницу внутри не сгибайте,

Не делайте ногтем жестоких значков –

От этого больно мне, знайте!

Положенный между страниц карандаш,

Как пытка, мне страшен и гадок!

⁹ Д.С. Айзенштадт – прежнее написание фамилии Д.С. Айзенштата.

¹⁰ Во время моей поездки в Москву... (фр.).

Для памяти разум придумает ваш
Немало удобных закладок
Мне клейма свои и печати!
Мой титул – как чистого дома крыльцо,
И грязь на нем, верь мне, некстати.
На воздухе в час непогоды укрой,
Бумажные сделай покровы!
Ужасно боюсь я погоды сырой
От сырости я нездорова...
Прошу вас – страшитесь меня уронить,
Толчков я боюсь без границы –
От них в корешке разрывается нить,
Держащая крепко страницы.
Когда вы мое сбережете житье, –
И я ваш покой не нарушу.
Храните же бережно тело мое,
А я сберегу вашу душу!
Мих. Гальперин
Осень 1935 года

Для моей любимой и родной “Лавки писателей”»

9. Владимир Алексеевич Гиляровский (1855–1935) –
известный писатель, очеркист, поэт.

«(Из “Баяна”)
(Картина¹¹. Июнь 1933 года)
Отсюда, с этого пенька,
Мне даль незримая близка –
Близка мне сумрачная даль,
Слетаю в прошлые века.
Пойму и радость, и печаль,
Сниму с грядущего вуаль,
Читая вещь с крижаль –
Завет Баяна-старика.
Все, что старо, все, что ново,

¹¹ Имеется в виду знаменитое полотно В.М. Васнецова «Баян» (1910), поразившее Гиляровского, написавшего о картине восторженный отзыв. Художник в знак признательности подарил Владимиру Алексеевичу акварельный эскиз к «Баяну», который тот очень полюбил.

*Все слилось – и явь, и сон,
Недосказанное слово,
Недопетой песни стон.*

.....
*Мил поэту дивный сон,
Рой веков – пролетный миг.
Краткий миг порой велик –
Незабвенно ярок он.
Влад. Гиляровский
17. VI. – 34»*

Следующий пласт записей целиком посвящен широко отмечавшемуся в феврале 1937 года 100-летию со дня смерти Пушкина. Черода мероприятий – митингов, концертов, вечеров поэзии и т.д. – проходила непрерывно и повсеместно, но главное торжественное заседание было проведено в Большом театре вечером 10 февраля, чем, по всей видимости, и объясняется обилие датированных этим днем инскриптов.

10. Леонид Максимович Леонов.

«Пушкин принадлежит все равно нам, русским. Он внятн всем народам нашей страны. Он как мощная спокойная река, за немногие годы его жизни как много успело открыться в нем. Бесчисленным количеством устной [нрзб (речи-??)] вливается в живое море человеческой культуры. Никто не затмит его славы. Он первый посмел сделать свое искусство простонародным вопреки всему строю тогдашней жизни. И доныне его неувядающее наследство выдержало самую строгую проверку – испытание Столетием!

6 ф[евраля]. 1937

Леонид Леонов»

11. Владимир Германович Лидин (1894–1979) – прозаик, известный библиофил, председатель комиссии Оргкомитета ССП.

«Пушкин – песня нашей страны. Он спет самим народом, лучшие творческие силы которого питали его творчество. Поэтому он любим всеми и доступен каждому. Время не отдалило его, а только очистило, как драгоценный металл. Сто лет спустя в его стихах каждый из нас находит созвучие своим надеждам и чувствам, и музыка его гения побуждает к труду, к деятельности, к движению вперед. За это я люблю этого верного и неизменного соучастника всей моей сознательной жизни.

5 февраля – [19]37

Вл. Лидин»

12. Вениамин Александрович Каверин (1902–1989) – прозаик.

«Люблю твой гений величавый,

О Пушкин, лучший наш поэт...

Твоя блистательная слава

Нам укоризною звучит.

В. Каверин

9 – II – 37»

13. Григорий Осипович Винокур (1895–1947) – литературовед, лингвист, член Пушкинской комиссии при АН СССР.

«Счастливый случай привел меня в нашу книжную лавку в день, когда вся наша страна чествует память великого Пушкина. Пушкин это не только наша святая привязанность, но и наш общий долг, общий для писателей, ученых и книжников. Постараемся общими силами как можно лучше выполнить этот великий долг.

10 / II – [19]37

Г. Винокур»

14. Николай Сергеевич Ашукин (1890–1972) – литературовед, поэт, секретарь комиссии Оргкомитета ССП.

«В день столетия со дня смерти Пушкина вписываю эти строки в альбом Книжной лавки писателей с чувством глубокой благодарности ко всем ее работникам, помогающим мне книгами в моих скромных пушкиноведческих работах.

10 февраля 1937

Н. Ашукин»

15. Николай Дмитриевич Волков (1894–1965) – театровед, либреттист.

«Февраль подарил день пушкинского столетия – морозным воздухом, ярким солнцем, голубым небом. От этого “10 февраля 1937 года” становится еще более “пушкинским днем”. А для нас, настоящих и верных завсегдатаев “Книжной лавки писателей”, казалось обязательным зайти к вам и взглянуть на солнце февраля сквозь пыльные стекла комнаты писателя. И “пыль на книгах” в этот день кажется тоже поминками по Пушкину.

10 / II – [19]37

Н. Волков»

16. Константин Аристархович Большаков (1895–1938) – прозаик, поэт. Арестован в сентябре 1937 и расстрелян в 1938-м.

«Власть времени сильней затаена

*В рядах страниц, на полках библиотек...*¹²

Хочется добавить – поэт, очевидно, забыл – “и книжных лавок”. Да, именно лавок, и таких, как наша, именно таких. Сегодняшний день, больше, чем всякий другой, наполнен Пушкиным. И хотя Пушкин не нуждается ни в чем, что укрепляло бы, хранило, помогало бы хранить память о самом совершенном и самом великом поэте, здесь, в книжной пыли столетий, память эта, кажется, может даже материализоваться до степени почти чувственного восприятия этого, столетием отдаленного, рокового дня.

Конст. Большаков

10. II. 1937»

17. Александр Никанорович Зув (1896–1965) – прозаик, журналист, член комиссии Оргкомитета ССП.

«Его можно читать в любой час, с любой строчки, и поэтому Пушкин – дороже всех других.

А. Зув»

На этом записи в гостевой книге КЛП обрываются. Оставшиеся 300 листов пусты. Отчего прервалось заполнение этого альбома? Мне кажется, по вполне понятной причине – по меньшей мере двое из оставших там свои инскрипты литераторов были арестованы и уничтожены, и держать ставшую крамольной книгу в пределах досягаемости любой контролирующей инстанции стало опасно.

К счастью, дирекция Книжной лавки (вероятнее всего, сам Д.С. Айзенштат), осознавая мемориальную ценность этой рукописи, предпочла не уродовать ее вырыванием страниц с подписями репрессированных литераторов, а убрать в некое потайное место.

Более полувека спустя, в середине 1990-х, эта уника появилась на аукционе К.К. Драффена, где я ее и приобрел.

И в заключение несколько слов о московской Книжной лавке писателей в наши дни.

Отрадно отметить, что это одна из немногих антикварно-букинистических торговых точек, оставшихся в наше удивительное время на плаву, добавив при этом, что ее наименование было основа-

¹² Эпиграф взят из стихотворения В. Брюсова «Библиотеки» (1917).

тельно подкорректировано. Теперь бывшая КЛП носит поэтическое название «Центральная книжная лавка писателей Международной общественной благотворительной организации писателей “Литературный фонд”».

Книжные знаки Книжной лавки писателей. 1921. Гравюры на дереве:

В.А. Фаворский. 4,4×7,4

В.Д. Фалилеев. 4,5×11

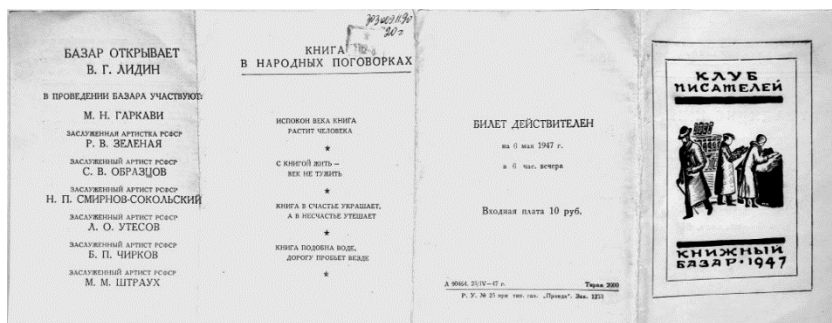
М.И. Пиков. Книжный знак Книжной лавки писателей. 1929.
Гравюра на дереве. 5,9×4,5

Книжная лавка писателей. 3 мая 1931 – 15 августа 1934.
К Первому Всесоюзному съезду советских писателей. 1934.
Обложка. Рис. Н.В. Кузьмина. 16,5×12,7

Книжная лавка писателей. 1932–1957. 1957.
Обложка. 19,5×13

Пригласительный билет (и рекламный буклет в три фальца)
на посещение книжного базара. 1947. Наружная сторона разворота. 12×8,6

Хоть сегодня я настроен
рабшито,
Но и сегодня я в рабочей полосе.
Здесь, в кирпичной лавке, все
родное мне семейно
и люди милые мне — все!

13/11 33

Демьян Бедный

Автограф Демьяна Бедного в Мемориальном альбоме Лавки писателей

(Картина, июль 1933 г.)

Мне даѣв пезриласъ Близка

Степан в прошлом века

Склад с грядущего Вуаль

Завест Баика. Стара.

Иде, что с мая, без моего ведома

не слав — и дв, и сок

Недостатки

Недостатки песни стон.

Миз потпу гиваџ сок

Рей Вэков — предмет мис.

Краткий ми проф. Велик
Алф. Велик, 1901

Независимый арест ок.

S. Bac. Thapsosus

17-21-34 ✓

169

Люблю твої пенні вантажі,
Піджаки, мурманські пилі...
Ті твої бістатіональні сла-
нки укоризною звучать.

В. Каверин
9 II-37.

Автограф В.А. Каверина в Меморіальному альбомі Лавки письменників

Источники

Глезер 1989 – Глезер Л.А. *Записки букиниста*. М., 1989.

КЛП-1 – *Книжная лавка писателей. 3 мая 1931 – 15 августа 1934: К Первому Всесоюзному съезду советских писателей*. М., 1934.

КЛП-2 – *Книжная лавка писателей. 1932–1957*. М., 1957.

Книговедение – *Книговедение: энциклопедический словарь*. М., 1982.

Осоргин 2007 – Осоргин М.А. *Книжная лавка писателей // Временник Общества друзей русской книги*. М., 2007. С. 139–152.

LEADING DOMESTIC AND FOREIGN WRITERS OF THE 2023–2024 THEATRICAL REPERTOIRE

© **Gogolin Mikhail Yurievich** (2023), independent researcher, Moscow, gogless@yandex.ru

This article is a transcript of the report, delivered by the author on April 19, 2016 in Moscow Club of Bibliophiles (the publication follows the style of oral speech) about a unique artifact, i.e. memorial hand-written album of the Moscow Bookshop of Writers. The album, which is of obvious interest for historians of Russian literature, bibliophiles, specialists in books and book graphics and for all researchers of Soviet era, is thus introduced into scientific circulation. Containing a unique aesthetic meaning, the album sheds additional light on the mechanisms and operations of the so-called “literary way of life” (as per B.M. Eikhenbaum’s concept) of the 1930s. In additions, the article includes a reproduction of all autographs, made in the album by Soviet authors, writers and scientists, some of whom were subjected to repressions (L.M. Leonov, Demyan Bedny, Vsevolod V. Ivanov, V.V. Ermilov, D.A. Ter-Simonyan, M.P. Galperin, V.A. Gilyarovskiy, V.G. Lidin, V.A. Kaverin, G.O. Vinokur, N.S. Ashukin, N.D. Volkov, K.A. Bolshakov, A.N. Zuev). The fact that some of the autographs are written in poems allows to research them in the context of their creators’ poetic works. The authorship of several autographs could not be established; thus, the article creates the basis for their future attribution that remains quite possible. Moreover, the article is accompanied by illustrative materials: book signs and advertisements of the Bookshop of Writers, as well as the autographs of Demyan Bedny, V.A. Gilyarovskiy, V.A. Kaverin, K.A. Bolshakov.

Keywords: Stalin era, Soviet book trade, literary life, book signs, writers' autographs.

Поступила в редакцию 19.12.2023

УДК 82.0

ГРЕХНЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ (ВЫПУСК 9)

© **Яшина Ксения Ивановна** (2024), ORCID ID: 0000-0002-3412-9262, SPIN-код: 6733-7975, кандидат филологических наук, ассистент кафедры русской литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), kseniya.yashina@unn.ru

Статья представляет собой рецензию на сборник материалов международной научной конференции «Грехнёвские чтения–XIV: Литературное произведение в системе контекстов», посвященной 85-летию Всеволода Алексеевича Грехнёва (1938–1998) и состоявшейся 30–31 октября 2023 г. в ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Ключевые слова: В.А. Грехнёв, Грехнёвские чтения, история русской литературы, пушкинистика, русская лирика.

Грехнёвские чтения, посвященные памяти выдающегося пушкиниста и историка русской литературы Всеволода Алексеевича Грехнёва (1938–1998), научная деятельность которого связана с филологическим факультетом Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, регулярно проводятся с 2001 г.

Конференция «Грехнёвские чтения–XIV: Литературное произведение в системе контекстов», посвященная 85-летию Всеволода Алексеевича Грехнёва, прошла 30–31 октября 2023 г. на базе Института филологии и журналистики Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского. Сборник материалов конференции также был опубликован в 2023 г. (ответственный редактор – И.С. Юхнова; члены редакционной коллегии – Л.В. Грехнёва, А.В. Коровашко; рецензенты – Г.Л. Гумённая, Е.М. Дзюба).

В аннотации отмечается, что тематика сборника определена кругом интересов В.А. Грехнёва, а «предметом изучения стала история русской литературы XIX века, пушкинистика, русская лирика, поэтика литературного произведения, эстетика

художественного слова, литературный быт и эстетика пушкинской эпохи».

Первый раздел – «Литература и культура первой половины XIX века» – представлен двумя статьями. В статье Л.П. Квашиной анализируется альбом семьи Родзянко, который был обнаружен в фондах Черниговского литературно-мемориального музея-заповедника М.М. Коцюбинского. В теоретическом плане данная статья репрезентирует целостный подход к изучению семейного альбома как особого эстетического феномена, сформированного на стыке разных сфер культуры, разных видов и жанров искусства. Автор второй статьи, Н.В. Цветкова, обратилась к работам С.П. Шевырёва и рассмотрела, каким образом в них раскрывается философия русской литературы.

В разделе «Эстетика художественного слова» также напечатаны две статьи. Автор первой – Л.В. Грехнёва. В работе исследуются объекты перифрастического обозначения в литературе и публицистике XVIII–XXI вв. В статье В.Г. Шкавровой «Поэтика пушкинского слова: риторика и антириторика» сопоставляется сложившийся в начале XIX века литературный шаблон переложения летописного повествования о князе Олеге и произведения А.С. Пушкина «Песнь о Вещем Олеге» и «Олегов щит». Отмечается, что, обращаясь к летописям как к авторитетным историческим источникам, А.С. Пушкин наполняет сюжет новым, индивидуально-авторским смыслом.

Раздел «Мир лирического произведения» объединяет как теоретические труды (С.В. Колядко «Лирический сюжет в лирическом стихотворении в ракурсе теории эмотивности»), так и работы о творчестве отдельных авторов. Статья О.О. Петелиной посвящена творчеству М. Сухотина и его поэтическому сборнику «Великаны (героические рассказы)» (1995), а И.Г. Лукьянова проанализировала сборник А. Долгаревой «Лес и девочка» (2020). В статье И.С. Юхновой рассматривается тема смерти и жизненного порога в поэмах А.Н. Апухтина «Год в монастыре» и «Из бумаг прокурора». Автор показывает литературный контекст, обозначенный А.Н. Апухтиным, и высказывает предположение, что в поэмах реализуются разные варианты разрешения жизненного кризиса. М.А. Самарина на основе сопоставительного анализа прозаических и поэтических произведений А.А. Блока доказывает, что образ болота в сборнике «Пузыри земли» сближается с образом

«иных миров», о которых говорится в докладе «О современном состоянии русского символизма». Э. Коста проанализировала особенности переплетения образов Германии и Италии в творчестве и жизни М.И. Цветаевой. Е.В. Болнова обратилась к рецепции фольклорных мотивов и образов в сборниках В.А. Сосноры 1960-х гг. Внимание автора уделяется не только фольклорным, но и книжным образам, подвергшимся вторичной фольклоризации через лубок.

Раздел «Проблемы поэтики» открывает статья А.М. Черноокой, в которой предлагается универсальная типология женских образов в художественной прозе, основанная на выделении их художественных функций. В статье Е.П. Овсянниковой просматривается трансформация жанра романа воспитания в русской прозе на материале романов А. Белого «Петербург» и Е.И. Замятина «Мы». Н.М. Ильченко, анализируя очерк В.Г. Короленко «В облачный день», отмечает, что в нём сосуществуют реальные впечатления автора, топографическая и хронологическая точность и литературные образы, а одним из ключевых мотивов становится мотив воспоминания. В статье О.С. Сухих «Павлик Морозов – предатель или жертва? Версия В.П. Крапивина в романе “Бронзовый мальчик”» показаны разные трактовки образа пионера-героя, в котором воплощена идеология социалистического прошлого страны.

К творчеству А. Кабакова обратились О.Ю. Осьмухина и Р.А. Кадеева в статье «Авторская маска в “Последнем герое” А. Кабакова». В работе О.Ю. Осьмухиной и А.Д. Карпова «Традиции изображения пугачевского бунта в “Золоте бунта, или Вниз по реке теснин” А. Иванова» роман А. Иванова рассматривается через призму пугачевского текста русской литературы. Ряд статей также посвящен творчеству А. Матвеевой (Т.Е. Автухович «Рассказ А. Матвеевой “Красавица” как свидетельство смены культурных эпох»), А. Иличевского (О.Н. Колчина «Роль невербального компонента в проблематике рассказа А. Иличевского “На даче”») и А. Доброва (А.В. Казачкова «Авторская стратегия в детективных романах А. Доброва»).

В разделе «Драматургия и театр» собраны статьи, посвященные творчеству как зарубежных (М.К. Меншикова «Диалог с каноном в пьесе Феридуна Займоглу и Гюнтера Зенкеля “Наследники Зигфрида”»), так и российских авторов (Н.С. Казарян «Комедия А.Ф. Писемского в литературном

дискуссе XIX–XXI веков», И.В. Панамарёв «Постановка пьес А.Н. Островского в восприятии казанской критики (на материале “Казанского биржевого листка”»)). В статье Е.Е. Прощина анализируется репертуар современных русских театров, показывается, какие авторы-классики наиболее востребованы на сцене.

Последний раздел «Литература в социокультурном пространстве» представлен статьёй М.П. Жигаловой «Экспонаты белорусского школьного литературного музея Пушкина как средство изучения русской культуры и характера народа». В ней автор рассказывает о созданном им музее А.С. Пушкина в Ореховской средней школе Малоритского района Брестской области, а также показывает близость семьи Пушкиных к Белоруссии.

Таким образом, в сборнике затрагиваются как теоретические, так и практические проблемы. Статьи посвящены произведениям русских и зарубежных авторов разных эпох. Можно предположить, что издание адресовано не только литературоведам, культурологам, историкам, преподавателям вузов и школ, как это заявлено в аннотации, но и широкому кругу читателей

Источники

Грехнёвские чтения 2023 – *Грехнёвские чтения: Литературное произведение в системе контекстов*. Вып. 9. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023.

GREKHNEV READINGS (ISSUE 9)

© **Yashina Kseniya Ivanovna** (2024), ORCID ID: 0000-0002-3412-9262, SPIN-код: 6733-7975, PhD in Philology, assistant department of Russian literature, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhnij Novgorod, 603950, Russian Federation), kseniya.yashina@unn.ru

The article is a review of the collection of materials of the international scientific conference "Grekhnev Readings–XIV: A Literary work in a system of contexts", dedicated to the 85th anniversary of Vsevolod Alekseevich Grekhnev (1938–1998) and held on October 30–31, 2023 at the N.I. Lobachevsky National Research University.

Keywords: Russian Russian literature, V.A. Grekhnev, Grekhnev readings, history of Russian literature, Pushkin studies, Russian lyrics.

Поступила в редакцию 14.02.2024

ПАЛИМПСЕСТ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1(21)/2024

Учредитель и издатель:
ФГАОУВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Главный редактор А.В. Коровашко

Формат 60×84 1/16.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 5,7. Зак № 672. Тираж 100.

Отпечатано в типографии
Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского
603000, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-75517 от 12 апреля 2019 г.

16+